

УКРАИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА

СЕРИЯ «ДОКУМЕНТЫ»

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАМЯТИ:
ВОСПОМИНАНИЯ
СВИДЕТЕЛЕЙ И ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА**

ВЫПУСК 1

*Дніпропетровськ
2008*

УДК 94(477)''1941/45''(093.3->08)

ББК 6.3.3(2)6.2.2,6-36

В 64

**Рекомендовано до друку Всеукраїнською
Академічною радою «Ткума»**

**В 64 ВІДРОДЖЕННЯ ПАМ'ЯТІ: СПОГАДИ СВІДКІВ ТА ЖЕРТВ
ГОЛОКОСТУ. ВИПУСК № 1.** – Дніпропетровськ: Центр
«Ткума», 2008. – 192 С.

ISBN 978-966-8125-88-1

Особливістю книги є те, що в ній поєднані свідчення учасників історичних подій – і жертв Голокосту, і Праведників народів світу.

Спогади містять багатий матеріал про взаємовідносини між представниками різних національностей, відомості про нацистські переслідування євреїв, масове знищення та порятунок.

Усі ці картини допомагають уявити різномірний образ війни, образ Голокосту, що важливо для учнівської молоді, студентів, викладачів, тих, хто вивчає та викладає історію Голокосту, а також для всіх, кому цікава історія.

**MEMORY REVIVAL: REMEMBRANCES OF HOLOCAUST
WITNESSES AND VICTIMS. ISSUE 1.** – Dnipropetrovsk,
Tkuma Center, 2008.

The collection is featured with the unique testimonies of historical events eye-witnesses.

The remembrances contain rich information about relationships between representatives of different nationalities, Jews persecutions by Nazis, mass exterminations and rescues.

All these authentic stories of the past favors to forming the heartfelt and comprehensive imagine of war times and Holocaust that is of great significance for students and teachers, studying and teaching Holocaust History, as well as for everyone interested in History.

УДК 94(477)''1941/45''(093.3->08)

ББК 6.3.3(2)6.2.2,6-36

ISBN 978-966-8125-88-1 © Всеукраїнський Центр вивчення
Голокосту «Ткума» («Відродження»), 2008.

ВВЕДЕНИЕ

Воспоминания свидетелей и участников исторических событий являются важным историческим источником, который, будучи субъективным, вместе с тем передает дух времени, помогает «очеловечить» исторические драмы, сведения о которых без этого остались бы абстрактными и схематичными.

Материалы настоящего сборника воспоминаний представлены в четырех разделах – «Свидетельства о массовых расстрелах», «Свидетельства узников концлагерей и гетто», «Свидетельства людей переживших эвакуацию», «Праведники народов мира». Особенностью книги является то, что в ней объединены свидетельства участников исторических событий – и жертв Холокоста, чудом переживших трагедию, и Праведников народов мира, с риском для собственной жизни спасавших жизни других людей, и бывших узников гетто и концлагерей, и эвакуированных. Воспоминания содержат богатый материал о взаимоотношениях между представителями различных национальностей, сведения о нацистских преследованиях евреев, массовом уничтожении и спасении. Евреи, украинцы, русские, немцы, и румыны, крестьяне, партийные активисты, раввины, священники – все были вовлечены в драматический исторический вихрь, в котором по-разному проявлялись человеческие качества людей, часто находившихся в условиях сложного морального выбора. Все эти картины помогают представить разноликий образ войны, образ Холокоста, что важно для учащихся, студентов, преподавателей, изучающих и преподающих историю Холокоста, а также для всех интересующихся историей.

В книге есть материалы, позволяющие судить об особенностях Холокоста в немецкой и румынской зонах оккупации.

Важно то, что хронологические рамки воспоминаний не ограничиваются Второй мировой войной и событиями Холокоста, что позволяет увидеть личные драмы

людей и общественные явления, события в общеисторическом контексте, подводит к возможности компаративного анализа. Так, в воспоминаниях Р.Г. Богуславской мы находим свидетельства о еврейских погромах и создании еврейских земледельческих районов, помощи еврейским переселенцам со стороны «Джойнта» и советской политике «раскулачивания» 1930-х годов. М.Я. Щерба вспоминает и о Голодоморе, и о Холокосте. В воспоминаниях Б.М. Батрина есть сюжеты о связи судеб простых людей – евреев и немцев-«фольксдойче», которые помогали друг другу в годы сталинских репрессий и нацистского геноцида.

При подготовке издания мы стремились сохранить стилистику авторских текстов, что помогает передать дух эпохи и характеры людей, чувства и мысли которых отражены в воспоминаниях.

Наряду с впервые публикуемыми в настоящей книге воспоминаниями, например – свидетельства С.И. Забрамной о расстреле её родственников и о нацистских преследованиях (записано И. Гофманом) мы включили художественное описание этих же событий – рассказ «Одна в Краснодаре» (1943 г.), вошедшим в сборник «Еврейские женщины» (Москва: Дер Эмес, 1944), который давно стал библиографической редкостью.

В ряде случаев история спасения передана разными людьми – спасенными, спасителями, свидетелями. Думается, что это позволяет более объемно, «стереоскопично» представить человеческие драмы, из которых соткана история народа, история страны.

В этом также, очевидно, заключается ценность предлагаемого читателю сборника воспоминаний, который открывает серию публикаций документов (воспоминаний) Всеукраинского Центра изучения Холокоста «Ткума» («Возрождение»).

Игорь Щупак

ГЛАВА 1

СВИДЕТЕЛЬСТВА О МАССОВЫХ РАССТРЕЛАХ

Барановская Клара Григорьевна.

***Свидетельствует о расстреле своих
родственников.***

Я, Барановская Клара Григорьевна, проживаю в Днепропетровске по ул. Карла Либкнехта. Хочу вам рассказать историю, которая произошла с моей бабушкой Этл (маминой мамой) и её семьёй в годы войны.

Когда мы вернулись в Днепропетровск из эвакуации, то узнали, что фашисты всех расстреляли. Бабушка Этл Роскина жила в с. Ингулец Широковского района вместе с сыном Мотл Роскин, его женой и двумя их сыновьями. Из Киева к ней приехала дочь Эстер Роскина с двумя сыновьями, имён которых я уже не помню. Их зверски расстреляли с другими евреями и тела сбросили в одну яму.

В Мариуполе расстреляли бабушкину дочь с девочкой.

Вот такое описание трагедии хотела вам оставить и бабушкину фотографию. Больше ничего не сохранилось.

*К.Г. Барановская,
г. Днепропетровск, март 2004 г.*

Басивская Виктория Витальевна.

**Свидетельствует о расстреле своей
матери Чалой (Хайтович) Дарьи
Рувимовны.**

Я, Басивская Виктория Витальевна, родилась в Днепропетровске 22 июня 1941 г. Моя мама, Чалая (Хайтович) Дарья Рувимовна до войны жила и училась в Днепропетровске. В 1940 г. вышла замуж за офицера артиллериста Чалого Виталия Фёдоровича. Они зарегистрировались, когда он только вернулся с Финской войны, сразу же увёз её в Ленинградскую область, где находилась воинская часть. В начале июня 1941 г. моя мама уехала к своей матери в Днепропетровск, где я родилась в первый день войны – 22 июня.

Так как началась война, мама со мной, уже 2-х месячным ребёнком, и бабушкой решили уехать к маминной свекрови в Харьковскую область, в с. Пересечное. Хотели там спастись. Но, увы! Соседи узнали, что мой отец женился на еврейке, эта весть, конечно, облетела всё село. Моя бабушка смогла сделать ей паспорт с русским гражданством и отправила мою маму к родственникам в село Буды, чтобы её там укрыли, без меня. Я осталась у бабушки в с. Пересечном. Но однажды мама прибежала из Буд навестить меня, и в это время по просьбе соседки нагрянули полицаи. Маму с другими женщинами-еврейками, а их было пять человек, увезли в Харьков, в гетто. Её расстреляли в Дробицком Яру в феврале 1942 г. Меня приютила моя бабушка Чалая Степанида Артёмовна и тётя Лида. За мной много раз приходили полицаи, но я находилась с тётей, которой было 14 лет, в другом селе, у знакомых людей. Меня воспитала и дала образование моя бабушка и тётя. А бабушка, с которой приехала моя мама

из Днепропетровска, эвакуировалась из Харькова в Казахстан. О ней ничего неизвестно, её звали Анна Самойловна Хайтович. Наверное, она погибла.

А отец мой погиб в марте 1943 г. в с. Синявино под Ленинградом, так и не узнав, кто у него родился.

*В.В. Басивская,
дочь Д.Р. Чалой,
г. Мариуполь, апрель 2007 г.*

Бланк Евгений Петрович.

**Свидетельствует о расстреле своей
матери З.Д. Штерензон**

Зельда Даниловна Штерензон родилась в Запорожье в 1912 г. в многодетной семье. Совмещая работу и учёбу, она окончила Днепропетровский горный институт в 1936 г. Будучи студенткой, вышла замуж за курсника П.П. Бланка. В 1937 г. родился сын Евгений.

После окончания института работала на предприятиях Кривого Рога и Днепропетровска. В августе 1941 г. должна была эвакуироваться с заводом им. Коминтерна, но остаётся в Днепропетровске. Скрывается у свекрови с ребёнком. Когда это становится опасно, она переезжает к родственникам мужа в г. Игрень (пригород Днепропетровска). Не может сидеть без работы и устраивается на работу в г. Апостолово, где её никто не знал. Когда она в очередной раз приехала на грузовике на Игрень, чтобы переодеться, то её арестовало гестапо, сразу возле машины. Её поджидали. Это было в 1942 г. Кто предал мою маму, и как она погибла – узнать не удалось, хотя отец не терял надежду и долго разыскивал её и в Днепропетровске, и в Германии (он там работал после войны). В памяти всех, кто её помнит, она осталась красивой, весёлой, жизнерадостной, доброй и умной женщиной. Она любила мужа и сына и была любима. Отец часто её вспоминал на протяжении всей жизни.

Трагедия семьи – в её записках на обрывках немецких газет и клочках бумаги, которые она передавала всякими путями свекрови Елене Фёдоровне Дудке.

Они хранятся как память у меня. Вырастили и выучили
меня отец и бабушка.

*Евгений Петрович Бланк,
сын З.Д. Штерензон,
г. Днепропетровск, 14 апреля 2002 г.*

Богуславская Раиса Гершевна.

**Свидетельствует о расстреле своих
родственников.**

Дорогие друзья,

Я родилась в городе Корсунь Киевской губернии в 1912 году. В моей семье было 4 взрослых – папа, мама, дедушка, бабушка, и 9 детей. Отец мой любил животных и лечил их. Дедушка был домашним учителем, занимался с детьми обеспеченных родителей. Мама была домашней хозяйкой и вела большую работу со своими двумя подругами. Оказывали моральную и материальную помощь пострадавшим после еврейских погромов. Втроём обходили всех обеспеченных евреев с просьбой помочь материально старым людям, сиротам, обездоленным.

Нашу же семью от погромов спас папин товарищ, украинец по национальности. Он приходил ночью, забирал всю семью и прятал нас то на чердаке, то в погребе. Жила семья в основном на дедушкины заработки. Папа за лечение животных много денег не получал, но лечил их хорошо. Бывало, привозили на подводе лошадь или корову, а уже через несколько часов эту же лошадь или корову привязывали к подводе и потихоньку уводили. За ним часто приезжали из окрестных селений, он никому не отказывал. Денег он за свою работу много не брал, считая, что не может обирать людей, у которых полный дом детей.

В начале 1920-х гг. умер дедушка, и семья осталась без средств к существованию. Мы голодали, и мои родители вынуждены были искать выход из тяжелейшего положения. Как раз в это время папа узнал, что в Днепропетровской области под руководством «Джойнта» создаются еврейские земледельческие

районы, где переселенцев наделяют землёй, сельскохозяйственным инвентарём и им предоставляется помощь в строительстве жилья. В 1924 году мы всей семьёй уехали в колонию «Таганка».

Приехав, мы увидели голую степь – ни воды, ни деревьев, но всё, что обещали нам, было получено. Мы развели разную живность, трудились от зари до самого вечера – кто в степи, кто на виноградниках, кто на огороде. Вырыли два колодца на весь посёлок. Летом готовили из навоза кирпичики, которые всё лето лежали во дворе. Ими обогревали зимой дом, варили пищу на треножке и в печах. Купили сепаратор, пропускали через него молоко и получали сливочное масло. Возили в город Кривой Рог на базар продавать масло и виноград, а на вырученные деньги покупали соль, сахар, разную крупу, подсолнечное масло. От нас до Кривого Рога было около 18 километров. Товары иногда возили на подводе, а чаще всё приходилось на себе таскать. Народ был добрый, и, если попадались попутчики на подводе, то обязательно сажали на подводу и подвозили до самого города. Два моих старших брата окончили курсы трактористов и устроились на работу.

В 1930 году нашу семью раскулачивали. Забрали лошадь, корову, хлеб и даже никелированную кровать, которую дедушка когда-то привёз из Польши. Моих двух братьев, пытавшихся возражать против этих действий, арестовали, но, к счастью, через две недели отпустили. После этого наша семья переезжает в посёлок «Новая Заря», где продолжала заниматься сельским хозяйством.

Я с младшей сестрой уехала в Никополь учиться в Педагогический техникум, который мы окончили в 1932

году. Дальше моя судьба сложилась так, что я, выйдя замуж, уехала в Москву.

Когда началась война, мы с семьёй эвакуировались на Урал в Медногорск. Там я узнала от подруги моей сестры о несчастье, которое постигло моих близких родственников, оказавшихся на оккупированной территории. В сентябре 1941 года погибла вся моя семья (11 человек), находившаяся в посёлке «Новая Заря» Днепропетровской области:

- Богуславский Герш Мошкович (мой отец);
- Богуславский Фроим Гершевич (мой брат) с женой и двумя маленькими детьми;
- Богуславский Данил Гершевич (мой брат) с женой и сыном;
- Богуславский Авраам Гершевич (мой брат), 18 лет;
- Богуславская Эсфирь Гершевна (моя сестра), 20 лет, с новорождённой дочерью.

В заключении я хотела бы пожелать всем жителям Украины здоровья, благополучия и счастья, и чтобы никогда на украинской земле не случилось ни с одним живущим на её территории народом той трагедии, которая произошла с еврейским народом в годы Холокоста.

*Сара Гершевна Богуславская,
г. Москва, февраль 2004 г.*

Галец Люция Брониславовна.

***Свидетельствует о расстреле своих
родственников.***

Воспоминания о моём спасении во время войны.

Я, Галец Люция Брониславовна, 23 июня 1928 года рождения, проживающая в Днепропетровске, в годы Великой Отечественной войны была спасена от фашистских преследований семьёй Колупаевых. Когда началась война, мне исполнилось 13 лет. С первых дней оккупации немцы начали гонения на евреев, бесконечные облавы, обыски, вызовы в полицию. Моя мать, Галец Ревека Самуиловна, 1910 года рождения, работала в трамвайном депо служащей. Бабушка, Ляховецкая Лея, 1879 года рождения, домохозяйка. Жили мы вместе по ул. Подгорная канава 4, кв.3. Их схватили немцы (меня в это время чудом не было дома) и затем расстреляли 13 октября 1941 года в Днепропетровске. Дедушка, Галец Юлиан Иванович, меня прятал где-то в развалинах, и через пару дней отвёз на подводе ночью в село Большая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области к своим друзьям. И попросил, чтобы они меня спрятали на некоторое время, пока он сможет меня забрать. Я была очень напугана, плакала, страдала и крайне тяжело переживала смерть мамы и бабушки. Семью Колупаевых: Иллариона Самойловича, Евдокию Андреевну и Серёжу – я знала, так как они бывали у нас в гостях. Они отнеслись с большим пониманием, приняли меня как родную, и я осталась у них. Евдокия Андреевна сказала, чтобы я, если что, говорила, что я – племянница, дочь её сестры. Так сказали и соседям. Я жила вместе с ними, ела и пила то же, что и они сами. Жалели меня, прятали на чердаке, в больших виноградных корзинах.

Настелили сена и старой одежды у печной трубы, чтобы было тепло. Серёжа следил, и, когда слышал гул мотоциклов или видел немцев и полицаев, предупреждал меня, и я быстро пряталась на чердаке. Потом на чердаке стало не безопасно. В огороде выкопали яму, замаскировали её, утеплили. Там я пряталась во время облав. Ещё позднее сделали ещё одно убежище для меня в кручах, в вырытой и замаскированной пещере. Иногда я там оставалась и ночью. Когда было безопасно, то за мной приходил Сергей и забирал меня в дом. Евдокию Андреевну несколько раз вызывали в комендатуру, спрашивали обо мне, но она говорила, что я – родственница, дочь её сестры. Заходили и полицаи, им тоже сказали, что я из города от сестры приехала, чтоб не умирать там с голода. Так и прожила я в этой семье, пока не освободили от немцев Днепропетровск. Затем меня отвезли домой к бабушке. Вот такова моя история во время войны.

*Люция Брониславовна Галец,
г. Днепропетровск.*

**Воспоминания Колупаева Сергея
Илларионовича о спасении его
семьей Галец Люции Брониславовны.**

Я, Колупаев Сергей Илларионович, родился в селе Большая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области в 1927 году. Хочу поделиться своими воспоминаниями о девочке Галец Люции, которую спасла от смерти наша семья во время фашистской оккупации. Во время войны я и мои родители Колупаев Илларион Самойлович и Колупаева (Данилова) Евдокия Андреевна проживали в вышеуказанном селе. В 1941 году, осенью, когда прокатилась волна массовых уничтожений евреев на Украине, к нам в село привезли девочку Люцию из Днепропетровска. Её мать Галец Ревеку Самуиловну, 1910 г.р., и бабушку Ляховецкую Лею, 1879 г.р., схватили и расстреляли немцы 13 октября 1941 года. Люцию чудом спрятал её дедушка Галец Юлиан Иванович и переправил к нам в село с просьбой спасти внучку от фашистов. Наши семьи давно дружили и состояли в дальнем родстве. Моя мать приняла Люсю (Людмилу, так мы стали её называть) как родственницу. Люсю днём прятали на чердаке своего дома, или на огороде в замаскированной яме. В конце огорода у нас были кручи, огород выходил к плавням речки Конки, притока Днепра. В этих кручах мы с отцом вырыли пещеру, в которой прятали Люсю от облав, которые проводились в ночное время. Кто-то из соседей сообщил в полицию, что у нас живёт какая-то посторонняя девочка. Мать вызвали в полицию и допрашивали, но она сказала, что это дочь её сестры из города. Мать была из многодетной семьи, четыре её сестры жили в разных городах. Она объяснила, что в городе жить тяжело и очень голодно, поэто-

му девочка находится у нас. Её спросили, почему она об этом сразу не сообщила, но поверили и отпустили. Позже, когда начали угонять молодёжь на работу в Германию, стало очень трудно уходить от облав, жили все под страхом. После освобождения нашего села и Днепропетровска от фашистов, Люся уехала в город к дедушке, а меня забрали на фронт. Я воевал, принимал участие в боевых действиях, долго служил ещё и после войны. После возвращения домой, на протяжении всех лет до настоящего времени, старался навещать Люсю. Часто вспоминали, что пережили во время войны.

*Сергей Илларионович Колупаев,
с. Большая Знаменка
Каменско-Днепровского района
Запорожской области, февраль 2002 г.*

Гольдфельд Любовь Самуиловна.

**Свидетельствует о расстреле
своих родителей и о нацистских
преследованиях по отношению к ней.**

Перед приходом немцев в Днепропетровск я оставила квартиру и всё находящееся там имущество и с четырехлетним сыном уехала в г. Новомосковск к мужу Гаску В.И., который работал там учителем в железнодорожной школе. Вскоре мне был оформлен эвакуационный лист на жестикатальном заводе, и я должна была с ними эвакуироваться. В день эвакуации (не помню дату) немцы заняли город, поезд с оборудованием был разбит и уехать было нельзя. Я, как еврейка, должна была скрыться. Уехала в деревню Вольное Новомосковского района, где меня никто не знал. Одна учительница, немка, увидела меня и заявила в полицию. Начальник полиции потребовал документы, которые я не могла ему предъявить. Он сказал, что если к утру не будут документы, я буду расстреляна. Однако, он сам был расстрелян немцами в то же утро за грабёж вещей учителя, который ушёл из дома к партизанам. Некоторое время меня не трогали, но вскоре начались мои пытки. Меня вызывали в полицию, оскорбляли, шантажировали, избивали, требовали признаться в том, что я еврейка. Я говорила, что документы утеряны в Днепропетровске, что мне делать? На что немцы сказали, что, как только подавят партизанское движение и пойдёт транспорт в Днепропетровск, они сделают запрос, чтобы установить мою личность. Паспорт, диплом, трудовую книжку я закопала в лесу в бутылке с широким горлышком. Все остальные справки о работе, с хорошими отзывами я уничтожила.

В декабре 1942 г. родился второй сын Лёня. Вскоре муж ушёл на фронт, а я продолжала свою мученическую жизнь в селе. Некоторые люди помогали мне продуктами, такие как семья Новицких. Многих не знаю фамилий, многие умерли. Большой поклон всем, кто мне помогал, а кто жив – здоровья и добра. Одна женщина дала мне клочок земли на своём огороде, и я посадила кое-какие овощи. Ходила в лес, собирала прутья для отопления. Однажды я встретила на улице знакомого мужчину, с которым работала в университете. Я не хотела показать вида, что его знаю, но он убедил меня, что плохого ничего мне не сделает, а в случае, если меня спросят о нём, то я должна сказать, что его не знаю.

Однажды меня вызвали в немецкую комендатуру, там сидел русский человек, из немцев никого не было. Он стал меня расспрашивать, как я живу с двумя детьми, чем питаюсь, кто мне помогает, как отапливаю хату. Ещё он добавил, что в лес не нужно ходить, т.к. немцы считают, что я связана с партизанами и хожу к мужу-партизану. Тут же вызвал немца и приказал ему привезти мне воз дров из леса, а в благодарность я должна была ему дать десяток яиц, которые я с трудом достала в обмен на детский костюмчик. Весной в колхозе мне дали две сотки земли и я посадила картошку. Думаю, что всё это добро делал мне этот человек, который работал в управе. Через много лет я это поняла, когда поехала в село за справкой для собеса. Нина Новицкая, которая засвидетельствовала о моём пребывании в этом селе, мне сказала, что мужчина работал у немцев старшим лесником, он партизан-еврей. Думаю, что мужчина, которого я встретила, был у него

связным, и всё рассказал ему обо мне. Возможно, я обязана своей жизнью партизану-лесничему – еврею.

Перед уходом немцев из Новомосковска старший полицай увёз меня в полицию Новомосковска и сказал, что ночью я буду расстреляна. А пока какой-то полицай избил меня и потом отвели в камеру. Утром меня завели к следователю Криворучко, который сказал, что через 10 дней я должна представить документы, а пока могу уходить. После этого я скрывалась в разных квартирах, ночевала в лесу. Вскоре немцы ушли, сжигая многие дома. Я ещё прожила в селе до лета 1943 г. Ходила работать в совхоз. Летом приехала моя сестра с Урала, учительница, и увезла меня в Диевку, недалеко от Днепропетровска, где она работала в СШ №94. С фронта вернулся мой муж и тоже работал учителем.

Родители мои, Гольдфельд Самуил Романович и Гольдфельд Вера Соломоновна, расстреляны немцами в г. Бобринец Кировоградской области.

*Л.С. Гольдфельд,
г. Днепропетровск.*

Дрозд Алла Лейбовна.

Свидетельствует о расстреле своих близких.

Я, Дрозд Алла Лейбовна, родилась 26 октября 1938 года в г. Днепропетровск.

Мой отец, Дубнов Лейба Евелевич, владел часовой мастерской на пр. Карла Маркса. Жили мы в доме №4 по пр. Пушкина. Кроме меня в семье было ещё трое детей: сестра по отцу Лида, 1922 года рождения, брат по отцу Яков, 1929 года рождения, и сестра по матери Мария, 1921 года рождения. Отец погиб при попытке эвакуироваться в день захвата города немцами от прямого попадания снаряда. От него ничего не осталось даже для похорон. Мать со мной и остальными детьми вынуждена была вернуться домой.

Моя мать, Хейлик Христина Никитична, узнав о начавшейся переписи евреев в городе, отправила меня к своему брату в село Преображенка Криничанского района Днепропетровской области, изменив данное мне отцом имя «Розалия» на «Алла». Мне запретили называть старое имя, напоминать имя отца, говорить о брате и сестре.

В октябре 1941 г. брата Якова и сестру Лиду немцы расстреляли. Дом наш был сожжён немцами перед освобождением города, при этом сгорели и все наши вещи.

В школу меня мать отдала как Хейли Аллу Семёновну, указав отчество по первому мужу, умершему ещё в 1932 г., т.е. задолго до моего рождения. Свидетельство о рождении затерялось во время войны, актовые записи о моём рождении в архивах города не сохранились. В 1950 г. мне было выдано восстановленное с помощью медкомиссии свидетельство о рождении,

где в графе «Отец» было указано только имя Семён, вместо фамилии, отчества и национальности стояли прочерки.

В последние годы, особенно после выхода на пенсию, меня всё больше мучило моё невольное «предательство» по отношению к моему папе, брату, сестре. А после посещения в 1991 году митинга на месте массового расстрела евреев в Ботаническом саду, я приняла твёрдое решение о восстановлении отцовства. Благодаря свидетелям, помнившим всю нашу доверенную семью, мне это удалось сделать. Я не только вернула отчество отца, но и принадлежность к еврейскому народу.

*А.Л. Дрозд,
г. Днепропетровск.*

Забрамная София Исааковна.

***Свидетельства о расстреле её
родственников и о нацистских
преследованиях по отношению
к ней и её бабушке.***

Записал свидетельства И. Гофман

Я, Забрамная София Исааковна (девичья фамилия Эдлина), родилась 7 мая 1935 г. в г. Полтава.

В 1939 году, после тяжёлой болезни, в возрасте 24-х лет умерла моя мама – Марголина Броня Соломоновна. Отец мой – Эдлин Исаак Львович – был военнослужащим и с первых дней войны ушёл на фронт. На воспитание меня взяла мать моего отца – Эдлина Вера Исаевна. В мои четыре года она стала для меня матерью. В семье я была единственным ребёнком.

До начала Великой Отечественной войны мы жили большой дружной семьёй. Но началась война, и бабушка с дедушкой, взяв меня, решили выехать к дедушкиному брату в г. Краснодар. Так мы оказались в Краснодаре.

Но немцы подходили к Краснодару, и мы вынуждены были эвакуироваться. Двигались на подводах в сторону горы Эльбрус. В группе эвакуированных нас (родственников) было семеро: я, бабушка, дедушка, дедушкин брат – Эдлин Арон Соломонович, его жена и двое несовершеннолетних детей.

Уже при подходе к Эльбрусу нам сказали, что идти дальше нет смысла. Кругом фашисты. Немцы заняли Краснодарский край. Дорога была одна – в горы. Ни моя 80-ти летняя прабабушка, ни я подняться в горы не сможем. Поэтому было решено, что в горы уйдут дедушка и его брат. С нами осталась моя приёмная

мать – Вера Исаевна. Никто не знал дальнейшего развития военных событий. В горы ушли все, кто мог.

Нам оставили подводу с лошадью, корову и продукты на несколько дней. Вскоре пришли фашисты и погнали всех обратно в сторону Краснодара. Дедушкину мать – бабушку Соню, пришлось спрятать на дно повозки под сеном. Она была старым человеком и плохо говорила по-русски.

Почти полтора месяца мы добирались обратно в Краснодар. Нас постоянно останавливали фашисты, издевались надо мной и бабушкой. Мы остались без припасов и вещей. Дорогу и сёла, по которым мы проезжали, часто бомбили, обстреливали.

Уже по дороге в Краснодар бабушка узнала, что фашисты уничтожают евреев. Только я не могла понять за что. В глубине души у неё засел страх за мою жизнь, и она решила говорить, что она русская, а сейчас носит фамилию второго мужа – Эдлин. Слишком много людей её знали в Краснодаре. Она решила говорить, что её муж был русский и её сын (мой отец) был от первого брака и звали его Пётр, а фамилия была Геодаков. Документы она закопала где-то в лесу и говорила, что они утеряны. Так я во время оккупации стала Геодаковой Софией Петровной.

Знакомая женщина, которой бабушка пообещала подарить подводу и лошадь, пустила нас к себе в дом. Мы тогда не знали, что муж у неё работал в полиции. Несмотря на то, что хозяйка дома сказала мужу, что мы её родственники, на следующий день мы все втроём были в комендатуре.

Нас много раз вызывали на допрос. Несколько раз оставляли на ночь. Мы валялись на полу вместе с другими людьми, а утром нас допрашивали. На допросах

немцы требовали новых доказательств, что мы не евреи, а русские. Требовали, чтобы нашли свидетелей, которые подтвердили бы, что мы говорим правду. Однажды, идя из комендатуры, бабушка встретила знакомого. Это был артист драмтеатра Дроздов Аркадий Петрович. Он, фактически чужой человек, пришёл к нам на помощь. Бабушка рассказала ему всё, что происходит с нами, и попросила засвидетельствовать, что мы русские. Он, не задумываясь, явился в комендатуру и подтвердил это, а когда необходим был ещё один свидетель, он привёл ещё одного, совершенно незнакомого нам человека.

Фашисты допрашивали и меня. Перечисляли все еврейские имена, чтобы узнать, кто в действительности был мой отец. И я, будучи ребёнком, уже понимала. Я твердила одно: «Моего папу звали Петей», хотя они напоминали мне имя Исаак.

Трудно и жутко вспоминать те страшные дни – дни допросов, время голода, время страданий.

Вся наша страшная жизнь в оккупированном фашистами Краснодаре подробно описана еврейской писательницей Р. Рубинной, как говорится, по горячим следам, в рассказе «Одна в Краснодаре». Этот рассказ был написан в 1943 году и вошёл в сборник рассказов писательницы под общим названием «Еврейские женщины» и был издан в 1944 году издательством «Дер Эмес» в Москве.

После освобождения Краснодара от фашистов, мы с бабушкой выехали в Казахстан, затем в Узбекистан. Там проживала невестка с детьми (в эвакуации). В Узбекистане я заболела малярией. Врачи сказали, чтобы меня срочно увезли, иначе я могу умереть. И опять бабушка бросает всё и уезжает, спасая меня.

К этому времени Полтава уже была освобождена от фашистов. Весной 1944 года мы возвратились в свой родной город. В Полтаве нас ждал новый удар: во время оккупации Полтавы были расстреляны все наши родственники:

- Фершбок Хай Туба – мать моей бабушки;
- Эдлин Давид Соломонович – родной брат дедушки;
- Эдлина Дора – его жена;
- Эдлин Сеня – их сын, 12 лет;
- Эдлина Хана – их дочь, 15 лет;
- Марголина Вера Ароновна – моя бабушка, мать моей матери;
- Марголин Соломон – мой дедушка, отец моей матери;
- Левикова Хася Соломоновна – родная сестра моей матери;
- Левиков Алик – её сын, 5 лет;
- Левиков Вова – её сын, 3 года.

А это список родных и близких, которые погибли в начальный период войны при окружении Краснодара и в горах Предэльбрусья:

- Эдлин Арон Соломонович – брат дедушки;
- Эдлина Роза – его жена;
- Эдлин Михаил – их сын, школьник;
- Эдлина Белла – их дочь, школьница;
- Эдлина Соня - мать моего дедушки, 80 лет;
- Эдлин Лев Соломонович – мой дедушка;
- Эдлина Иза Львовна – его дочь;

В Полтаве существует скорбное место для еврейского народа в районе бывшего стрельбища – это место расстрела евреев 23 ноября 1941 года.

В 1975 году по инициативе архитектора Л.С. Вайнгорта и Петербургского скульптора А.Н. Черницкого был создан памятник возле братской могилы расстрелянным («Скорбящая мать»). Он представляет собой бетонную стелу у подножья задернованного кургана. На ней надпись: «Пам'ять про Вас в наших сердцах».

С левой стороны стелы установлен бюст «Скорбящая мать».

Ежегодно, 9 мая и 23 ноября, еврейская община здесь чтит память погибших.

Недавно рядом установлена стела с надписями:

«Народ єврейський! Славний! Не втішатъ
Тебе я хочу. Кожен хай тут слуха:

В цей час, коли синам твоїм вмирать
Прийшлося від фашистського обуха, –
Я хочу силу, силу оспівать, –
Безсмертну, вічну силу твого духа».

Павло Тичина.

Внизу на иврите и украинском языке вторая надпись:

«Не всі жертви нацизму були євреї,
Але всі євреї були жертвами нацизму»

Єлі Візель.

На фронтах Великой Отечественной войны погибли:

- Эдлин Исаак Львович – мой отец, погиб в сентябре 1943 года под Белгородом;

- Марголин Виктор Соломонович – родной брат моей мамы, погиб при освобождении Украины;

- Левиков Леонид Юдович – муж маминой сестры, погиб в 1943 году.

И только два человека прошли с боями через всю войну и живыми вернулись после Победы домой:

- Эдлин Давид Львович – брат отца, воевал в Белоруссии;

- Эдлин Соломон Львович – брат отца, воевал с первого дня войны и закончил войну в Германии.

Записал И. Гофман, г. Полтава.

Свидетельства Р.Р. Рубинной о семье С.И. Забрамной из книги «Еврейские женщины». Рассказ «Одна в Краснодаре», написанный в 1943 г., вошёл в сборник рассказов, издан в 1944 г. издательством «Дер Эмес» в Москве.

**Одна в Краснодаре.
(Рассказ).**

Они расстались в лесу при переходе Эльбруса после того, как проехали на подводах дорогу в 500 км. Это были служащие Краснодарской «Заготконторы», которые категорически решили довести к нашим частям эвакуированный скот. Если это не удастся – все вместе пристанут к партизанскому отряду.

В большой семье Эдлиных, директора «Заготконторы», два человека не в состоянии были подняться в гору – восьмилетняя девочка и восьмидесятилетняя старуха.

Одних оставить здесь их нельзя было. Судьба защитить и охранять выпала на Двойру Эдлин – жену директора. На эту Двойру – чьим умом гордилась вся семья. Все надеялись, что и в сей час её ум поможет выкрутиться от всех несчастий.

Они расстались.

Двойра осталась одна со старой матерью и внучкой. Собственностью её была лошадь с подводой, корова, немного одежды и питания на 6-7 дней.

Двойра – маленькая, кругленькая, с двойным подбородком, курносый носиком, карими живыми глазами. Мягкие руки привычные к работе. Несмотря на её тёмную кожу, она не была похожа на еврейку. Когда

она одета в простое клетчатое платье, голова повязана платком – можно её вполне принять за русскую крестьянку. Девочка была блондинка: голубые глаза, светлая кожа. Но 80-летняя старуха была типичная хорошая еврейская мать. Каждое её слово, движение говорило о том, что она еврейка. Для спасения её от немцев необходимо было хорошо прятаться. Двойра села вместе с ребёнком на подводу, мать положила на дно подводы и прикрыла её всем барахлом.

Дно подводы в течение полутора месяцев служило несчастной старухе жильём.

Здесь, в подводе, она лежала, когда с неба сыпались бомбы, когда проезжали деревни, набитые немецким десантами, когда в тёмные ночи за одинокими женщинами гнались волки.

Двойра была спокойна. Она была уверена, что недолго придётся страдать: вскоре придут наши и всё будет хорошо. Надо только выдержать, надо быть крепкой и сообразительной. Двойре часто приходилось оставлять подводу на ребёнка и самой ходить в деревню искать продукты. Впереди себя она всегда гнала корову, чтобы показать, что она крестьянка. Ночи были очень тяжёлыми. Угнетало одиночество и безысходность. Очень скучала по своей семье. Далеко где-то на фронте сражались три её сына. Может совсем даже близко. Но очень далеко от неё находились её муж и дочь. Софочкина мать умерла, отец на фронте, а ребёнок с ней. И Двойра обязана сохранить жизнь ребёнка. Удастся ли ей? Не найдёт пустое место отец, вернувшись с войны?

Однажды, когда она ходила по деревням, случайно встретилась со служащим Краснодарской «Заготконторы».

Он рассказал ей о разрушенном Краснодаре. О том, что в городе нет ни одного еврея. Рассказал о русских женщинах, которые приходили на сборные пункты, чтобы умереть вместе с еврейскими мужьями. О знакомых, которые провожали евреев в их последний путь. Знакомый рассказал Двойре о двух караимках, которые не пошли на сборный пункт, а приняли опиум и спокойно умерли в постели. Не пришёл на сборный пункт двухлетний еврейский ребёнок, который играл во дворе в песочнице, в то время, когда его мать пошла на смерть. Но немцы пунктуальны. Они ничего не забывают. Полицейский вернулся и привёл ребёнка босого, голого, в одних трусиках.

На Двойру напало сомнение. Кольцо всё сужалось. Вся окрестность была занята немцами. В сёлах стало невозможно прятаться. Двойра потеряла уже и корову, которая понравилась немцам. Она была счастлива, что они не добрались до подводы, где была спрятана чисто еврейская кровь.

В одно прекрасное утро Двойра увидела, что они находятся в небольшом лесочке, который ведёт в Краснодар. За полтора месяца блуждания по сёлам она бессознательно для себя сделала обратный путь в 500 км, отделявший её от города.

«Мир большой, но деваться некуда. Я, наверное, как мальчик из сказки, попаду прямо смерти в пасть. Но мы ещё посмотрим, глотнет ли меня смерть», – Двойра вместе с ребёнком и матерью на подводе пустилась в город и сразу попала чёрту в пасть.

Знакомая девушка, которой Двойра обещала подарить подводу и лошадь, пустила всех троих в дом. Выяснилось, что за эти полтора месяца девушка успела выйти замуж за русского, работающего в немецкой полиции. Назавтра всю семью вызвали в гестапо. Шли

молча. Мать, измученная дорогой, голодная, с болью в костях от долгого лежания в подводе, еле двигала ногами.

«Двойра, – сказала мать после долгого молчания, – я старая. Я свои годы уже прожила. Смотри, чтобы я тебе не была камнем на дороге. Спасай ребёнка, Двойра».

Дальше шли молча. Двойра вместе с матерью и девочкой зашли в гестапо. Коридор был полон людей, которые долгие часы ждали своей очереди. Здесь были люди вызванные и которые пришли сами. Все они были несчастные. Ежедневно сюда вызывали среднего возраста русскую женщину, которая родилась и выросла в Краснодаре, которую знали полгорода. Знали не только её, но и её мать, бабушку. Преступление было её в том, что её семья много веков назад взяла фамилию Меерович, фамилию, которая звучит по-еврейски. Старый рабочий ходил сюда за то, что сидел, задумавшись у ворот, и быстро не встал, когда мимо него проходил немецкий офицер. Следователь гестапо требовал одного, чтобы рабочий сказал, о чём он думал. Рабочий в момент своего «преступления» ломал голову, где достать немного картофельной шелухи для своей умирающей старухи. В данную минуту он не мог придумать подходящего варианта для следователя. Следователь же утверждал, что он обдумывал вариант связи с партизанами и за это рабочий должен строго быть наказан. Следователь добивался признания от рабочего именно этого.

Все эти люди знали, что, в конце концов, их не минёт судьба «преступников». Все осознавали, что, в конце концов, их тела будут валяться все вместе. Вызов в гестапо – это лишь игра для немцев в кошки с мышкой.

Три члена семьи Эдлиных стояли в уголке, изолированные от всех. Двойра чувствовала на себе сочувствующие взгляды, но никто не мог завязать с ними беседу. Пришла очередь для Эдлиных. Их вызвали к следователю. Двойра долгое время не могла понять, как от них отлучилась мать. В памяти остался прощальный взгляд и стук двери. Откуда? Направо? Влево? Под ногами? Только через время, примерно через месяц Двойра узнала дверь. Было это так...

Двойра стояла перед следователем, держа всегда ребёнка за руку. На допросах она никогда не отпускала руку ребёнка. От руки ребёнка всегда в её тело переходило тепло: «Для тебя, – думала она, – я выдержу все муки. Я должна тебя сберечь для отца».

Двойра стояла на допросе, но её ничего не спрашивали, т.к. к следователю внезапно ввели молодую русскую девушку со связанными руками.

– Национальность, – прозвучал вопрос.

– Русская, – ответила девушка.

– Чем занимаешься?

– Партизанка, – гордо ответила она и в то же время облилась кровью с головы до ног.

Вот тогда Двойра вспомнила, что за этой дверью пропала старуха. С той стороны до них дошёл последний её взгляд.

Теперь Двойра стояла на допросе первый раз, и решила правильно сказать свою фамилию и имя, потому что было опасно. Многие знали в городе, что её фамилия Эдлин.

На всех допросах от начала до конца она придерживалась такой версии: сама она русская. Её первый муж Геодаков тоже был русский. Девочка – последний ребёнок её первого мужа – Геодакова. Недавно, перед

войной, она вторично вышла замуж за еврея Эдлина и его фамилию она носит. Старуха была мать Эдлина.

– Приведи сюда русского человека, чтобы удостоверить, что ты русская, – сказал следователь. Двойра ушла с ребёнком из гестапо.

Голова кружилась. Улицы казались мёртвыми. С каждого разрушенного двора, с каждой щели окон, забитых досками, выглядывали материнские скорбные глаза.

К кому обратиться? Людей нет. Похоже, что это последний день в её жизни. Не хотелось верить, что это конец. Спаси могут только наши. «Но где они?» – подумала Двойра. Когда она опустила глаза, устремлённые к небу, то увидела хорошо знакомое, доброжелательное, перепуганное лицо. Перед ней стоял артист театра русской драмы Дроздов, который был неравнодушен к её дочери и поэтому был частым гостем в её доме.

– Вера Исаевна! – шептал одними белыми губами Дроздов. – Удирайте. Как вы сюда попали? Вы же здесь пропадёте.

– Моя жизнь теперь в ваших руках, Аркадий Петрович, – сказала Двойра. – Удостоверьте, что я русская, и я останусь жива.

Они втроём вернулись в гестапо.

– Если ты врёшь, – сказали Дроздову, – мы тебя расстреляем как собаку.

– Я говорю правду, – спокойно ответил Дроздов.

– Одного свидетеля мало, – сказал следователь, – нужен ещё один. Ты, птичка, из наших рук не выкрутишься.

Они ушли из гестапо.

– Вера Исаевна, будьте спокойны, – сказал Дроздов, – завтра будет ещё один свидетель.

– Я надеюсь, что будет, – просто ответила Вера Исаевна.

Назавтра чужой человек, которого Двойра видела впервые в жизни, удостоверил, что он её знает много лет, как русскую женщину. Двойра вышла на улицу спокойная. Но вопрос Веры Эдлиной в гестапо не был снят. Через каждые два дня, с немецкой пунктуальностью, присылались две повестки на допрос в гестапо Вере Исаевне Эдлин и Софии Петровне Геодаковой. Через день пятидесятилетняя Вера Исаевна и 8-ми летняя София Геодакова стояли на допросе перед следователем. Очень тяжело было с ребёнком. Целыми часами Двойра репетировала с девочкой как лучше отвечать на допросе.

Ребёнок научился читать по глазам бабушки. Она научилась понимать все движения и жесты бабушки. Она привыкла называть её мамой. Чем дальше – тем больше ребёнок становился нервным и напуганным. Часто плакал и не хотел идти в гестапо.

Однажды, когда пришли эти повестки для Веры и Софочки, то Софочка спряталась в клетку для кролей, которая стояла во дворе. Двойра её долго искала. Когда она нашла Софочку, та, лёжа на четвереньках, категорически отказалась идти в гестапо и начала нарочным голосом – наполовину криком, наполовину пением – выкрикивать слова из песни: «В бой за Родину, в бой за Сталина». Бабушка вытянула её из клетки и закрыла рот рукой. Они ушли на допрос.

Переводчик, с бледным лицом, костлявыми руками, в этот раз по-хорошему обратился к Эдлиной:

– Ты говоришь, что перед войной жила в Полтаве? – спросил он её. – Так мы пошлём туда запрос.

– Софочка, – он внезапно обратился к ребёнку, – это правда, что вы в Полтаве жили на улице Шолом

Алейхема? Мама наверное с тобой хорошо выучила адрес, чтобы ты не заблудилась. А ну, вспомни.

Слово «Софочка» так внезапно зазвенело изо рта предателя, что бабушка и внучка задрожали. Бабушка сразу поняла провокацию и с нетерпением ждала ответа ребёнка.

Софочка на минутку задумалась. Внезапно лицо её засияло от внезапного воспоминания.

– Помнишь, мама, – сказала она, – как мы ходили на ёлку к тёте Соне. – Она внезапно громко рассмеялась. Но тут же почувствовала на своём плече костлявую руку переводчика. Этим жестом он призывал её к порядку. Глаза стали полны слёз от боли придавленного плеча. Она вспомнила заданный вопрос.

– Нет, – сказал ребёнок, – на улице Шолом Алейхема мы никогда не жили. Мы туда долго ехали трамваем.

– Скажи, – обратился переводчик к Двойре, – как вы поженились с Геодаковым? В церкви?

Двойра стояла растерянная. Но внезапно в её памяти стало что-то проясняться. Перед глазами стояли кадры недавно виденного фильма о русской свадьбе: печальная невеста, батюшка.

– Что же батюшка сказал печальной невесте? Двойра вспомнила и ответила.

В эту ночь Двойра не спала и готовилась к следующему допросу. Может и в следующий раз её будут экзаменовывать на божественность. Старая женщина с удовольствием повторила несколько молитв.

На следующем допросе действительно присутствовал священник-старик. Голова у него шаталась, как-будто бы он всё время молился. Руки дрожали. И было впечатление, что он вот-вот рассыплется. Священник спрашивал Двойру, помнит ли она «Отче

наш». Двойра в одно дыхание рассказала «Отче наш». Для немецкого следователя и переводчика всё было мало.

– А зачем ты носишь имя Исаевна? – спрашивал переводчик.

– Сын мой, – сказал священник, – Исай – не еврейское имя. У нас в Петербурге стоит Исаакиевский собор.

Или священник был не в себе, или он и вправду хотел помочь несчастной женщине. Так или иначе, но его замечание вызвало неожиданную реакцию у следователя. Когда переводчик передал слова священника, немец внезапно жирно рассмеялся и выкрикнул:

– Ну, хорошо, пусть они вместе поедут в Петербург. Как это теперь называется у них: Ленинград... После этого еврея вам определённо будет хорошо со священником. Мы вас птичек проводим. Завтра утром увидимся снова.

Двойра шла домой в свой жалкий уголок. Улица опять была пуста. На телеграфном столбе висело человеческое тело с надписью: «Я агитировал против немцев».

Кто знает. Может быть, и она завтра будет висеть и также смотреть мёртвыми глазами на мёртвую улицу. Какую надпись они прикрепят к ней. А может, одно слово – «еврейка»? А может, нет. Немцы любят точность и пунктуальность. Они напишут: «Я обманула немецкую власть. Я скрыла от немцев свою еврейскую кровь».

Она механически шла с одной улицы на другую униженная, убитая. «За что? За что это мне всё следует»? Она себя чувствовала одинокой. Была одна во всём городе. Одна – живой человек еврейской национальности в Краснодаре. Двойра с ребёнком дотянулась домой и упала «разбитая» на соломенный мешок.

Софочка тоже лежала рядом. Молчаливая. Они прижались друг к другу. Хоть и был день, они обе заснули.

Схватила она от удивительно дикого крика. Открыла глаза. В дверях стояла беззубая чёрная Авдотья из «Заготконторы» и шипела чёрными губами.

– Как это разлеглись среди белого дня, евреи. Всегда любят себе делать удобно. А, схватила? Доброе утро, принцесса. Тебе неплохо живётся, как я вижу. Если хочешь, я могу тебя одним словом послать на тот свет. Отдай мне свои вещи. Всё, что у тебя есть. Тогда буду молчать. Если нет – тогда выдам. Евреи всегда богатые.

За один день это было уже много для Двойры. Она медленно поднялась с бедной постели. Маленькая, кругленькая, живая, она быстро подскочила к этой высокой худой Авдотье и начала её трясти всеми силами.

– Старая коза. Вещи тебе мои захотелось? Подумай хорошо, что я имею. Может, ты хочешь мою кровь? Возьми нож и режь. Ты думаешь, здесь немцы вечно будут? Что ты от них имеешь, корова? Наши же вернутся, красные, и тогда ты ответишь за мою кровь. Помни. Ну иди же, иди, выдай меня. Я тебя не боюсь. Вон отсюда.

Софочка спала. Двойра ухватила высокую Авдотью за плечи и вытолкнула из комнаты. Софочку шум не разбудил. Она спокойно спала. Ручки были разложены ладонями вверх, как у новорождённой. Двойра долго смотрела на ребёнка, пока её взор не упал на обыкновенный глиняный кувшин с молоком, который стоял на земле. Немножко отодвинувшись от Софочки, она механически взяла с земли кувшин. Под ним лежала записочка: «Дорогая Вера Исаевна. Вы не должны здесь оставаться. Авдотья всё время о Вас

говорит. Удирайте, если Вам дорога жизнь». Значит в то время, когда она спала, здесь была 12-летняя дочь Анатолия Поливкаса. Всегда незаметно прибежит, выполнит поручение отца и убежит.

Поливко – бывший завхоз «Заготконторы», почти каждый день присылал Двойре пищу: немножко молока, кусочек мяса, кусочек хлеба. В крайнем случае, хоть картофельные очистки. С тех пор, как немцы заняли город, картофельные очистки превратились в деликатес. Где Поливко добывал для Двойры пищу – было секретом. Удивительно было, потому что у Поливко не было хозяйки. В первый день после вступления немцев в Краснодар они застрелили жену Поливко за неосторожно сказанное слово.

Ах, это немножко молока в глиняном горшке. Какой вкус дружбы оно имеет. Двойра опять вытянулась на земле, обняла кувшин двумя руками и долго-долго плакала. Она плакала первый раз за всё время после того, как вернулась в Краснодар. Хорошо выплакавшись, Двойра поднялась с земли, опять спокойная и энергичная. Слезы смыли горечь с её души и яснее сделали мысли. Она уже не чувствовала себя одинокой и забытой. Двойра решила больше в гестапо не показываться, а с квартиры сию минуту исчезнуть. Она ушла на базар и встретила там с Настей, с которой несколько недель назад познакомилась. Муж Насти, квалифицированный металлист, работал на военном заводе. Молодая его жена торговала на почти пустом базаре водой в оккупированном городе. Устроиться на работу при немцах она ни в коем случае не хотела. Дома без присмотра она оставляла своих детей, трёх месяцев и трёх лет. Жила она за городом.

– Настюша! – сказала Двойра. – Мы обе одинокие и бедные, так давай жить вместе. Может нам легче бу-

дет пережить трудные времена. Пусти меня к себе. Я буду беречь твоих детей, как своих собственных. Никакая работа для меня не будет тяжёлой. Но про меня никто не должен знать.

– Хорошо, тётя Вера, идите ко мне, – ответила Настя.

В тот же день Двойра перебралась к Насте. В городе она больше не показывалась. Так она перепряталась, пока...

Уже показывались советские самолёты. И хотя самолёты бросали листовки, предупреждающие население, что бомбы не отделяют врага от друга, люди стояли кругами на улице и открыто радовались. Ожидание «своих» было крепче, чем боязнь за смерть. Страшнее было тогда, когда бомбы не падали. Тогда улицы были вымершими. Перед тем, как оставить город, немцы развлекались, и было опасно выходить на улицу. Они стреляли, куда попало, убивали людей просто для развлечения. Вот стоит молодой немецкий солдат и ест семечки. Недалеко проходит девочка лет 15-ти.

– Рус, возьми семечки, – кричит немец. Девушка поворачивается, и он выстрелил ей прямо в рот. Маленький мальчик бежит по улице за собачкой. Немец стреляет, не зная в кого, но попадает в ребёнка. Немцы поджигают дома и стреляют в людей, прыгающих из окон. Они веселятся.

Но пришла ночь. В город вошёл первый разведывательный отряд, и на рассвете Двойра услышала радостные слова Насти.

– Тётя Вера! Посмотрите, как идут «наши» в серых шинелях.

Им мешали двигаться толпы народа. Женщины красноармейцам давали пищу, папиросы, но они ничего не брали, благодарили, говорили, что сыты.

На заборах победителей приветствовали лозунги: «Будьте здоровы, наши освободители!».

Через несколько дней Бровко, председатель финотдела Краснодарского военкомата, где Двойра долгое время получала денежные аттестаты на её трёх сыновей, шёл по одной из центральных улиц города. К нему подошла женщина в старой залатанной, клетчатой юбке. Она вела за руку девочку-блондинку с зелёным личиком, с большими кругами под глазами. Ребёнок выглядел так, как будто прожил большую трудную жизнь.

– Вера Исаевна! Это Вы? – крикнул Бровко.

– Да, это я, – ответила Вера Исаевна. И, как видите, живу ещё.

Бровко хорошо взгляделся в очень измученное лицо и трижды по русскому обычаю расцеловался с ней.

Спустя несколько часов Двойра села писать письмо своему сыну – отцу Софочки на фронт. Она писала долго. Письмо было на 14 страницах. Затем сложила бумагу и задумалась, глядя в окно. Был светлый замечательный день. Улица была заполнена серыми солдатскими шинелями.

*Перевод с идиш –
Геккер-Володарская Елизавета Аврамовна.*

Козулина Зинаида Борисовна.

***Свидетельствует о расстреле мужа
Бориса Мирмовича и о нацистских
преследованиях по отношению к ней
и её сыну Валерию.***

Записал М.В. Макаровский

Я, Козулина Зинаида Борисовна, родилась и выросла в Макеевке Сталинской области. Девичья фамилия моя – Сачко, национальность – украинка. Перед войной я училась в Сталинском медицинском институте и часто на каникулы приезжала домой к родителям. В 1939 г. я познакомилась с Борисом Мирмовичем, окончившим Днепропетровский металлургический институт и получившим направление на металлургический завод в Макеевке. В том же году я вышла за Бориса замуж. Самым дорогим гостем на нашей свадьбе был Павлик Козулин, закадычный друг моего молодого мужа. Павлик тоже в 1939 г. окончил Днепропетровский транспортный институт. Борис с Павликом дружили всю жизнь, у них даже был один выходной костюм и одна белая рубашка на двоих.

30 апреля 1941 г. у меня родился сын Валерий. А уже через два месяца началась война. Муж мой тут же пошёл в военкомат, чтобы его взяли на фронт добровольцем. Но у него был белый военный билет, очень плохое зрение. На фронт не взяли, но отправили рыть окопы. Началась эвакуация. Но наша семья эвакуироваться не могла: во-первых, отец – инвалид без ноги, и мама с пороком сердца, а кроме того, на руках грудной ребёнок.

Немцы вошли в Макеевку в самом начале осени 1941г. Примерно через месяц за Борисом пришли

двое полицейских. С ними уже стояли рядом ещё двое евреев, проживавших по соседству. Полицаи забрали с собой все вещи Бориса, даже рубашки. Взяли они и последние несколько кусков сахара, оставшихся дома. Я просила хотя бы сахар оставить для ребёнка, но кто меня слушал!

Борис как в воду канул. Я пешком пришла из Макеевки в Сталино, ходила в управу и гестапо, но все мои попытки хоть что-то узнать о Борисе кончались неудачей.

Ещё через месяц пришли за моим сыном. Мне объяснили, что это ребёнок от еврея, и потому его передадут в еврейскую семью, где он будет воспитываться и жить с приёмными родителями в гетто. Я категорически заявила, что ребёнка никому не отдам, а раз надо ехать в гетто, то и я сама туда с ним поеду. Против этого никто не возражал. Назавтра утром я с грудным Валерочкой на руках пришла на сборный пункт. Там было ещё несколько десятков мужчин и женщин с детьми. Однако, то ли не хватило транспорта, то ли была какая-то другая организационная неувязка, но увезли только мужчин, а женщин и детей переписали и пока отправили по домам. В этот же день вечером стало известно, что все накануне увезенные мужчины расстреляны. Рассказал об этом один из бывших в машине – подросток, которому удалось бежать.

Тут я окончательно поняла всю смертельную опасность, нависшую над моим сыном. И в этом отчаянии я схватилась за последнюю соломинку. Я пошла к православному священнику и взяла с собой моего брата, для большей убедительности и поддержки. Священник оказался очень порядочным человеком. Он всё понял и тут же составил официальный документ, что ребёнок у

меня не от Бориса, а совсем от другого православного человека, и что мой Валерий уже крещён. Кстати, крещён он так никогда и не был. С этой бумагой я пошла прямо в гестапо. Наверное, случилось чудо. Немцы, с их педантичностью и уважением ко всяким подписям и печатям, поверили! Нас с сыном вычеркнули из списка! А уже весной следующего года я поняла, какой опасности мы подвергались: немцы собрали всех ранее отпущенных женщин и детей и расстреляли. Это уже было весной 1942 года.

Жили мы очень тяжело. Все вещи меняли на продукты. Но я хотела устроиться на работу, ведь всё-таки я была дипломированным врачом. В городе были две поликлиники. В одной обслуживали только немцев, а в другой – местное население. Главврачом там был наш из Макеевки. К этому главврачу я и обратилась. Он смерил меня презрительным взглядом и сказал пренебрежительно: «Жену жида я на работу не возьму!».

Пришлось менять на хлеб последние вещи. Обстановка в Макеевке была страшная. Чего только за время оккупации пришлось насмотреться! После пяти вечера наступал комендантский час: появишься на улице – расстрел! Через город много раз прогоняли наших пленных. Каждый старался им бросить хоть кусочек хлеба. Тому, кто бросил – удар палкой; тому, кто поднял – расстрел! А по всему городу висели трупы «саботажников» – тех, кто не хотел восстанавливать шахты Донбасса.

Осенью 1943 г. стали приближаться наши наступающие войска. Но поначалу это обернулось нежданной бедой – ночными бомбардировками советских самолётов. Ночью не видно, бомбят ли управу, полицейский участок или жилой дом. Да и, кроме того, Сталин тог-

да сказал, что на оккупированной территории наших граждан нет, есть только враги! Но, наконец, освобождают Макеевку. Я тут же пошла устраиваться на работу в поликлинику. Главврач всё тот же. Слова он мне произнёс потрясающие: «Вот теперь я вас на работу возьму – ваша жидовская власть опять вернулась!».

Новая власть тут же начала расследовать фашистские преступления: вскрывать страшные рвы с расстрелянными мирными жителями. Я безуспешно ходила вдоль этих бесконечных рвов и всматривалась в десятки, сотни трупов в тщетной надежде найти останки Бориса. Но кого можно уже было узнать в этих перемешанных костях...

Вскоре в освобождённую Макеевку приезжает брат Бориса Мирмовича навестить меня с сыном. Он мне и рассказал, что лучший друг покойного Бори, Павлик Козулин, с первых дней на фронте, что немцы расстреляли его мать, и попросил меня написать Павлику письмо и рассказать обо всём. С 1943 г. между мною и Павликом завязалась переписка. Я была, конечно, рада, что могу и его как-то поддержать в это тяжёлое время. В 1944 году в письме Павел сделал мне предложение стать его женой. Вскоре я получила от него посылку из Германии – пальто, туфли и платок. Только закончилась война, Павел сообщил, что скоро приедет, хотя потом придётся возвращаться, т.к. он ещё не демобилизован. Перед этой встречей я очень волновалась. Я понимала, что мы можем просто не узнать друг друга и поэтому, идя на вокзал, я надела на себя все вещи, что он мне прислал в посылке. Но вот пришёл поезд. Идут какие-то военные, все несут чемоданы, кого-то встречают.... Перрон опустел. Я осталась одна. И вдруг из одного вагона выходит стройный

офицер с капитанскими погонами, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны и, звеня медалями, с широкой улыбкой идёт прямо ко мне.

Нужно было оформить наш брак, а это было совсем не просто – ведь по документам я считалась женой другого человека. Но вот все преграды позади и можно выезжать в Германию, где мой муж служил в составе оккупационных войск помощником военного коменданта станции Берлин. Но вначале поехали мы на Северный Кавказ, где так и остался жить выехавший туда в эвакуацию отец покойного Бориса Мирмовича. Мы с Павликом хотели получить у него благословение на жизнь. Отец Бориса, конечно, понимал, что лучшего отца для своего внука ему не найти. Благословил он нас с радостью. Мы уехали в Германию и там в 1947 году у нас с Павликом родилась дочь Ирочка. Прожили мы с Павлом Лазаревичем больше пятидесяти лет. Я потом работала врачом в поликлинике, а мой муж – начальником железнодорожного цеха завода им. Петровского. Много было трудностей, было восстановление города из разрухи, потом мирные годы. Росли дети, рождались внуки. Было счастье. Но это уже тема другого рассказа.

*Воспоминания
Зинаиды Георгиевны Козулиной (Сачко).
Записал М.В. Макаровский,
г. Днепропетровск, 16 ноября 2005 г.*

Костенко Ольга Григорьевна.

**Свидетельствует о расстреле своей
матери С.М. Гусинской**

**Посвящается памяти нашей мамы –
Сары Марковны Гусинской.**

В этом году исполняется 66 лет, когда погибли наши родители: первого апреля 1942 г. погиб на фронте папа, а 19 сентября того же года фашисты зверски расстреляли маму. За столько лет много стёрлось из памяти, поэтому пишу кратко о том, что помню. Кто родители и родственники мамы я не знаю, но, судя по уцелевшим фотокарточкам, они были людьми состоятельными. Мама (1909 г.р.), окончив Днепропетровский фармацевтический институт, вышла замуж за военного. Им часто приходилось менять место жительства, и по этой причине к нам приезжала только бабушка – Гусинская Татьяна Исаевна. В семье бабушки мама – единственный ребёнок. Помню, что они общались на «идиш», а поскольку я и сестра в те годы были маленькими, о своей родословной не рассказывали, а сейчас никаких архивных материалов не нашли.

В 1940 г. родители переехали в г. Рига, там я училась во 2-ом классе. Жили весело и счастливо. Родителям дали путёвку в Симеиз Крымской АССР, где отдыхали в доме отдыха, а через несколько дней после их возвращения началась эта страшная война. Папа сразу уехал в часть, а мама осталась с нами (мне было 9 лет, сестре – 5 лет). Выехать было очень сложно, так как сильно бомбили, и приходилось часто сидеть в бомбоубежище. Чудом мама с нами сумела доехать до вокзала на бричке, где в суматохе потерялась сестра, и когда её нашли, выбрались из Риги товарным

поездом, который был набит людьми. Мама решила ехать в Днепропетровск к бабушке, куда добрались только в августе, но к тому времени она эвакуировалась в Чкаловскую область. Так нас застала оккупация в Днепропетровске.

Когда начались массовые расстрелы и шли колонны еврейских женщин с детьми к универмагу, мама ушла с нами из города к родителям нашего папы, которые жили в с. Знаменском Курской области. Шли по оккупированной территории только сёлами с длительными остановками. Но иногда нас подвозили на подводе. Мама в сёлах доставала продукты за счёт лечения там больных. Попали в Знаменское голодные и оборванные в июле 1942 года. Мама думала спастись в этой глухой глубинке, куда доехать можно только по грунтовой дороге, которая после дождя превращалась в непролазную грязь. Но, увы! Уже в августе 1942 года маму ночью забрали в гестапо, которое находилось в 20 км на территории больницы в с. Ястребовка Курской области. И 19 сентября 1942 года её зверски расстреляли. По рассказам очевидцев она упала в яму, но ещё была жива и пыталась выползти, но в неё ещё выстрелили. Так трагически оборвалась жизнь нашей мамы в возрасте 33-х лет.

На этой войне родители нашего папы всех своих пятерых сыновей потеряли. После освобождения Советской армией села в феврале 1943 года были найдены документы, где в списках на уничтожение значились и я, и моя сестра. Так как мы с сестрой скрывались, остались живы, и наша дальнейшая судьба – это другая история.

*Ольга Григорьевна Костенко,
г. Днепропетровск, 29 января 2008 г.*

Костомаха Медея Марковна.

***Свидетельствует о расстреле
своих близких и о нацистских
преследованиях по отношению к ней.***

Я, Костомаха Медея Марковна, до замужества – Маркович, родилась в Днепропетровске 21 июля 1928 г. Проживала всё время с родителями по ул. Гоголя, 3 – папа, мама, братик и бабушка. Это был небольшой дом, в котором жили четыре семьи. Отец мой, Марк Лакаонович, работал сначала в еврейской оперетте, а когда она была разогнана, работал в театре русской драмы и на других работах. Когда началась война, ему было 50 лет, его в армию не взяли, потому что к тому же он был ещё и близоруким. Мама, Розалия Менделевна, работала на швейной фабрике.

Когда мы собрались эвакуироваться, вокзал уже разбомбили. Папа сказал, что мы перейдём через мост. Кинулись к Днепру – мосты взорваны. Началась бомбёжка. Во время воздушной тревоги мы побежали в большой дом по нашей улице Гоголя, 15. Там был большой подвал и много людей, которые прятались в нём. Когда мы прибежали домой, то от нашего дома остались камни и щепки. Начался бой за Днепропетровск. Наши войска били орудиями по городу с одной стороны, а немцы с другой. Мы просидели в подвале почти месяц. Водопровод не работал. Мой братик Лёничка бегал под снарядами с котелком и кружкой в балку, где протекал чистый ручей. Воду он сначала давал детям, потом старикам и другим. Он рассказывал, как снаряды летели с двух сторон. На земле валялись трупы. Горели дома. Питались мы сухарями и крохами, которые нам давали люди, вернее, делились последним. Наконец перестали грохотать снаряды, совет-

ские войска отступили, а немцы вошли в город. Они прошли по нашей улице, потом маршировали по пр. Карла Маркса под оркестр. Мы сначала боялись выходить, ещё пару дней сидели в подвале. Потом люди потихоньку стали вылезать из подвала. Мы вышли последними, так как у нас не было жилья. Мама и папа нашли свободную полуподвальную квартиру по ул. Короленко, которая была очень сырая.

Немцы повесили объявления, чтобы все евреи носили белые повязки с шестиконечными звёздочками. Мы видели, как по нашей улице шли люди «партиями», а за ними полицаи. Им говорили, что их ведут в гетто. К нам тоже пришёл полицай и сказал, чтобы мы собирались всей семьёй и забрали свои лучшие вещи, которых у нас не было. Мама ответила ему, что мы подождем папу, что он пошёл искать продукты. Он ещё добавил, чтобы мы несли хорошие вещи в большой универмаг, который находится по пр. Карла Маркса. Мы быстро собрались, но в универмаг не пошли, а присоединились к последней «партии». Уже вечерело, когда мы подошли к зоне расстрела. Из-за деревьев выскочил немец и стал кричать на пришедшую колонну людей. Мы услышали крики людей и очередь пулемёта и догадались, в чём дело. Вернулись домой и ждали в страхе, когда за нами придут. Каждый шорох, каждый стук пугал нас. Полицаи вынюхивали, где живут недобитые евреи и доносили немцам. Они приезжали на машинах и увозили на расстрел. Кто-то донёс на папу, что он был ополченец. Подъехала машина, его забрали, и он больше не вернулся. Мы с мамой в это время находились во дворе и чудом уцелели. Потом братика забрали где-то на улице – он был с повязкой. Соседи видели, как его на базарной улице поймали и увезли.

Мамочка моя родная не выдержала такого испытания и ночью повесилась. На четвёртый день пришли две женщины и положили её на санки. Я шла за ними. Они сказали мне, чтобы я вернулась. Я вернулась домой, так и не знаю, где её захоронили. Я запомнила этот день. Это было 30 января 1942 г. Когда я стала старше, то всегда клала цветы к памятнику погибшим воинам.

Я оделась теплее и домой больше не вернулась. Целыми днями я ходила по городу, не в центре, а по окраинам. Спала в чужих брошенных сараях, укрывалась лохмотьями. Слышала, как ходит патруль. Он заходил в парадные, а я сидела наверху, подстелив какую-нибудь тряпку или досточку. И всё время дрожала, мне казалось, что он вот-вот доберётся до меня. Но Б-г миловал. Когда патруль уходил, я легко вздыхала. Однажды я просидела между деревьями на пеньке всю ночь. Страшно было. Я стала сочинять стихи, хотя у меня не было способностей. Я запомнила один куплет.

Темнота и чернота
Ещё ветер веет
Нет нигде приюта мне
Я дитя евреев.

Я бродила по улицам и, если кто глянет на меня, мне казалось, что меня узнают. Я была перепугана. Однажды я иду по улице, а навстречу идут две девушки и говорят: «Ось дивись, ще одна жидівка зосталась».

Однажды я встретила соседку из нашего бывшего двора Пугач Людмилу Петровну. Она забрала меня к себе и некоторое время прятала. У неё самой было трое детей. Она ходила немцам стирать бельё, мыть полы и за это приносила похлёбку в котелке и кусочек хлеба, которые делила всем поровну. Она не могла

меня долго держать и повела в село Новоалександровку, в 17-18 км от Днепропетровска, к знакомой Ульяне. Людмила сказала, что я умею вышивать. Они кормили меня, и я немного окрепла. Потом меня пригласили вышивать соседи Кужили. Они были очень бедные. И так, когда я вышила всем на краю села, меня отвели в село Первомайск. В одной хате мне не повезло. Забирали молодёжь в Германию, кто-то донёс и на меня. Полицай стал стучать в дверь, хозяйка не открывала и спрятала меня на печку, думала, что он не найдёт. Но он заскочил в хату, стал всё перерывать, нашёл меня, стащил с печки. Посадил меня на бричку и сказал, что везёт в гестапо в Днепропетровск. Он привёз меня в город, на проспект Карла Маркса, завёл в здание, где я увидела немцев. Папа говорил, что мне не страшно умирать, страшно, что наш род кончается – честный, трудолюбивый, и я решила выжить, исполнить папино желание. Полицай завёл меня в комнату и сказал, что привёз еврейку. Один гестаповец стал меня пытаться: несколько раз спросил еврейка ли я, потом стал бить кулаками по голове, я теряла сознание, он обливал меня холодной водой – и так несколько раз. Я твердила одно и то же, я хотела выжить. Гестаповец бросил меня и уехал. Это был конец дня. Дежурный завёл меня в другую комнату, где было много стульев. Ночь я просидела на стульях в страхе – боялась заснуть. Утром пришёл другой немец, лицо у него было не злое. Он рукой показал подойти к нему и тоже спросил – еврейка ли я? Я ответила, что нет, что я гречанка. Тогда он засмеялся и сказал по-русски: «А имя Медея?» Я опять ответила, что нет, может это потому, что у меня волосы длинные, кучерявые и тёмные. Он махнул рукой и показал на дверь. Я подумала, что, наверное, будут уби-

вать. Мама, папа, братик и бабушка на том свете, и я пойду к ним. Когда я вышла, он посадил меня в свою машину и привёз за город Днепропетровск. Там стояли небольшие домики с разбитыми окнами и стёклами. Здесь я увидела украинскую молодёжь, которую, как я потом узнала, ловили на улицах, военную кухню с немцами, а вокруг была колючая проволока. Я там пробыла дня два или три, не помню. Спали мы одетые в этих домиках, а затем нас отправили в товарных вагонах. Мы спали на полу на соломе, сколько ехали я не помню. Высадили нас в Германии и грузовой машиной отправили в трудовой лагерь в Фюрстенвальде. Вдоль леса стоял длинный барак. Когда нас регистрировали, то я назвала не свою фамилию, а чужую. Я была так напугана, что мне казалось, что тот гестаповец со зверским лицом, найдёт меня и здесь. Я придумала имя и фамилию – Лидия Морквина. Мама меня тоже называла Лидочкой. Когда мы зашли в барак, там уже была молодёжь, которая приехала раньше. За лесом был аэродром. Позже мы узнали, что этот лагерь находится недалеко от Берлина. Утром всех, кто постарше, отправляли куда-то на тяжёлую работу, а меня и ещё одну девочку из Литвы – на кухню. Мы работали с раннего утра до 7 часов вечера. Мыли большие котлы, полы, стирали солдатам бельё. Во второй половине дня чистили картошку. Я запомнила Валю из Нижнеднепровского района, которая заставляла меня стирать персиллом её бельё, но я не могла всё время стирать, так как была очень слабая. Она угрожала мне и говорила, что я жидовка. Я дрожала всем телом и из последних сил стирала. Зимней одежды я и ещё некоторые заключённые не имели, так мы брали брошенные солдатские кители и вечером шили жакеты.

Приблизительно в марте 1945 года забрала меня одна женщина – жена военного. Женщину звали Гизыля, у неё было четверо детей. Я согласилась перейти к ней, так как физически мне трудно было работать, да и Вальку я боялась. Мы приехали в Потсдам. Вскоре начались бомбёжки. Несколько раз в день была воздушная тревога и ночью тоже. Особенно было трудно ночью. Мы таскали сонных детей в бомбоубежище. Они плакали. Я пережила бомбёжку в Днепропетровске, а эту бомбёжку не хватало сил выдержать. Как сирена завоет, я начинала дрожать, и очень болел живот. Сыпались дома, жить там с детьми уже не было возможным. Муж хозяйки приходил домой два раза, со мной он не разговаривал. Но однажды я слышала, как он ругал Гитлера. Однажды он прислал двоих солдат, они взяли чемоданы, мы детей и поехали сначала в Берлин. Затем ехали поездом, я смотрела в окно и видела разбитые города. Потом мы пересели в автобус и приехали в село Фельц-Гофен. Нас поселили у бауэра, который предложил нам второй этаж. Здесь бомбёжек не было. Через некоторое время сообщили, что окончилась война. Немцы капитулировали. Все радовались, и я тоже со слезами на глазах. Это было 9 мая 1945 г. В эту часть Германии пришли американцы и англичане. По радио сообщили и кругом висели объявления, чтобы все репатриированные явились в Оста-Гофен. Гизыля оставила детей у хозяев и проводила меня в Оста-Гофен. Подарила мне за работу два своих платья и маленький чемодан. Я ей по дороге рассказала, где мои родители, что я пережила, как я сюда попала. Она тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Попрощалась со мной и ушла к детям.

Сюда прибывали репатриированные, которые оказались в этой части Германии. Нас регистрировали. Я назвалась: «Лидия Марковна Маркович». Здесь я вместе с другими пробыла ещё пару недель. Я стремилась на свою Родину, где у меня никого и ничего не осталось. Нас посадили на машины и привезли в Будапешт. Мы ещё около месяца ждали, пока соберутся ещё репатриированные. Наконец нас собрали, посадили в товарные вагоны, и эшелон поехал на Родину. Паёк давали по списку, всё было на учёте, посторонних не было. В вагонах была настелена солома, где мы спали на полу. В Будапеште не сортировали молодёжь по лагерям, только из концлагеря сидели в отдельных вагонах. Ехали мы приблизительно месяц. На каждой остановке, на каждом полустанке, даже в поле, поезд останавливался на долго. Я запомнила, когда однажды поезд долго стоял в поле, ребята поймали козу, разделали её и в ведрах сварили суп, без приправ. Он казался нам таким вкусным, что я запомнила его на всю оставшуюся жизнь. Я запомнила ещё один случай. На одной из остановок на станции вышли ребята из концлагеря. Это было страшное зрелище. Одни скелеты, кожа и кости. Руки и ноги как палочки, голова – голый череп и глаза торчат. Они на наших глазах убили мужчину – забросали его камнями и били палками. Потом выяснилось, что он был доносчиком у немцев. За доносы ребят немцы строго наказывали и оставляли без еды. Мы все делились с ними своим пайком. Они жадно ели, а мы говорили, чтобы они ели понемногу, так как это навредит их здоровью.

Когда мы приехали на Родину, каждый выходил на своей остановке. Поезд остановился в моём родном городе Днепропетровске. Я вышла из вагона и пошла

на свою родную улицу Гоголя, а там не только наш дом был разбит, но и вся улица лежала в руинах, даже памятник Гоголю лежал разбитый. Придя к своим родственникам, проживающим по ул. Короленко, я там тоже не нашла для себя места, поскольку там было много людей. Я уехала к дяде в Макеевку, затем училась и всегда помнила всё, что со мной произошло во время войны.

*М.М. Костомаха.
Прислано по почте из Германии
Н.Л. Цыпиной,
двоюродной сестрой М.М. Костомахи,
октябрь 2004 г.*

Рогоза Александр Борисович.

**Свидетельствует о расстреле своих
близких и о спасении его украинской
семьей Шевченко**

Я, Рогоза Александр Борисович, родился 6 июня 1932 года в городе Днепропетровск. Окончил 2 класса в 1941 году. Началась Великая Отечественная война. Немцы оккупировали г. Днепропетровск. Начались акции уничтожения евреев. В октябре 1941 года был издан приказ собраться всем евреям на проспекте Карла Маркса, якобы будут вывозить в Палестину. Я, мама с братиком, 1938 года рождения, прибыли к месту сбора. Немцы построили нас в колонну и под конвоем повели нас вверх по проспекту. Мама поняла, чем это закончится. Сорвала с моей руки повязку, сказав при этом, что мне надо отсюда выбраться, взяв другую фамилию – Грищенко. Заставила меня несколько раз повторить эту фамилию, чтобы я запомнил, и сказала мне, чтобы я ушёл в какую-нибудь деревню. Она начала потихоньку меня толкать на край шеренги колонны. Люди стали догадываться, что их ведут на расстрел, и началась паника и суматоха. В это время мама меня вытолкнула из колонны, где я тут же затерялся на обочине дороги среди множества людей. По обе стороны колонны стояло множество народа, который наблюдал за этим процессом. Я узнал, что всю колонну людей немцы расстреляли.

Я скитался на окраинах города по домам частного сектора, где просил милостыню, а ночью приют. По совету добрых людей я ушёл из города в ноябре 1941г. в село Сурско-Михайловка Солонянского района. Меня там приютили местные жители Шевченко Фёдор Артемьевич и его жена Ирина Васильевна. Я стал у них

жить и прожил до 1946 г. Даже начал школу посещать. Пока не нашёл меня демобилизовавшийся из рядов Советской Армии мой отец Рогоза Борис Григорьевич. Семья Шевченко, рискуя своей жизнью, заменила мне настоящих родителей, а я им стал настоящим сыном. Даже когда отец забрал меня в город, я не прекращал с ними поддерживать родственные отношения все последующие годы, я их и похоронил.

*А.Б. Рогоза,
г. Днепропетровск.*

Кравцова Екатерина Филипповна.

***Свидетельствует о спасении
Александра Борисовича Рогозы
семьей Шевченко.***

Я, Кравцова Екатерина Филипповна, 27 декабря 1916 года рождения. Семью Рогозы Бориса Григорьевича – жену Рогозу Софью Романовну, их детей Александра и Григория я знала с 1938 года, они проживали в г. Днепропетровск по ул. Шмидта, д.12, кв. 4. Я проживала по соседству. Рогозу Бориса Григорьевича забрали в ряды Красной Армии, а семья его осталась проживать в своей квартире. Не помню, в каком месяце в 1941 году всех евреев, и в том числе семью Рогозы, немцы расстреляли. Мальчик Александр чудом остался в живых. Его я видела на базаре в селе Сурско-Михайловка Солонянского района Днепропетровской области, куда я была вынуждена ездить менять домашние вещи на продукты. Расспросив жителей села, я узнала, что мальчик Александр проживает у гражданки Шевченко Ирины Васильевны. По окончании войны демобилизовался Рогоза Борис Григорьевич. Я сказала, что его сына видела в семье в селе Сурско-Михайловка.

Что подтверждаю и подписываюсь.

*Е.Ф. Кравцова,
г. Днепропетровск,
22 июня 1998 г.*

Серёгина Виктория Владимировна.

Свидетельствует о расстреле своей матери Е. Смеховой.

Я, Серёгина Виктория Владимировна, родилась 22 декабря 1937 г. в Днепропетровске. Наша семья – мать Евгения Марковна Смехова, еврейка, отец Кулле Владимир Иванович, латыш. В 1938 г. отец был мобилизован на службу в ряды Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны отец погиб. Мать, бабушка и все родственники были зверски расстреляны немцами в овраге Ботанического сада в октябре 1941 г.

В три с половиной года я осталась круглой сиротой и меня забрала к себе бабушка, мать отца, Кулле Юлия Яковлевна. Она прятала меня от преследования немцев. Много пришлось ей хлебнуть горя в годы войны. После войны она оформила опеку и воспитывала меня как сироту.

*В.В. Серёгина,
г. Днепропетровск,
март 1999 г.*

Заявление в Отдел социального обеспечения Днепропетровска от Ю.Я. Кулле с просьбой в оказании помощи дочери В.И. Кулле.

*В Отдел социального обеспечения
г. Днепропетровск
от матери младшего командира
Кулле Юлии Яковлевны,
ул. Полевая, 33, кв.7*

Заявление

Прошу оказывать помощь дочери моего сына Кулле Владимира Ивановича.

Сын мой 1917 года рождения. В 1938 г. был мобилизован на действующую службу в ряды Красной Армии. С ним я связь имела до 23 июня 1941 г. Находился он в г. Слоним мест. Альбертин, в сапёрном батальоне, старшина.

Жена его была по национальности еврейка. Её немцы в 1941 г. в октябре месяце расстреляли, а дочь 3-х с половиной лет я спрятала, и она находится у меня до сих пор. Во время оккупации я не работала, т.к. мне приходилось всё время с ребёнком прятаться от преследований немцев. Прятать ребёнка, как дочь еврейки и отца командира.

Мне 49 лет, я здоровья слабого, а поэтому обеспечить ребёнка мне тяжело. От сына ещё ничего не знаю и не получаю. Прошу оказать мне помощь.

О том, что невестка расстреляна и сын в армии, подтверждают соседи.

Ю.Я. Кулле
г. Днепропетровск, 26 декабря 1943 г.

Решение

**исполкома Кировского райсовета
депутатов трудящихся**

от 6 июля 1950 г.

г. Днепропетровск.

«Об учреждении опеки над круглой сиротой Кулле В.В., 1937 г. рождения»

В связи с тем, что отец девочки Кулле В.В. погиб на фронте Отечественной войны, а мать убита немцами, исполком райсовета депутатов трудящихся решил:

Учредить опеку над круглой сиротой Кулле Викторией Владимировной, 1937 года рождения.

Опекуном утвердить Кулле Юлию Яковлевну.

*Председатель исполкома
райсовета депутатов трудящихся
/Чернобровкин/
Секретарь исполкома
райсовета депутатов трудящихся
/О. Петрова/*

ГЛАВА 2

СВИДЕТЕЛЬСТВА УЗНИКОВ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ

Бельфер Фира Ильинична.

***Свидетельствует о своём пребывании
в гетто г. Бар Винницкой области.***

Я, Бельфер Фира Ильинична, родилась 15 сентября 1920 г. в г. Бар Винницкой области. Там жили и работали мои родители. Я окончила среднюю школу. 18 июня 1941 г. окончила Харьковский химико-технологический институт и была направлена на работу на Новомакевский коксохимический завод. Я должна была приступить к работе 1 августа 1941 г., поэтому я поехала в отпуск, в свой родной город Бар погостевать у родителей.

Но начало войны изменило мою жизнь. В середине июля 1941 г. фашисты оккупировали г. Бар. Сразу же создали комендатуру, назначили бургомистра, создали полицию. Они перекрыли улицу возле стадиона и объявили эту территорию еврейским гетто. Эта часть города была обнесена колючей проволокой и охранялась фашистами, полицаями с собаками. Евреям было приказаношить с левой стороны на грудь жёлтый круг и такой же круг на спину с шестиконечной звездой Давида. Затем гетто было разделено на три зоны. Жители гетто работали на разных работах, а также в «Еврейском колхозе», который был переименован на «Гевиртшафт». Работали мы с раннего утра и до позднего вечера. Шли мы на работу и с работы

колоннами, охраняемой немцами и полицаями, пересчитывали нас при входе и выходе из гетто.

Я с сестрой Ниной пололи, убирали хлеб, вязали снопы, убирали табак, работали на овощеперевалке, а наш братик Семён работал на телеге, управлялся с лошадьми. Так как в гетто полностью отсутствовали элементарные условия для проживания, эпидемии (тиф), голод и холод унесли в могилы сотни узников. Если кто из работающих узников пытался принести с работы кусок хлеба, чтобы поддержать малыша, того расстреливали.

Некоторую помощь оказывали нам из местного населения – крестьяне. Перебрасывали через проволочное ограждение хлеб и другие продукты, рискуя своей жизнью.

Так как немцы сильно боялись инфекционных заболеваний, они разрешили создать одновременно с еврейской общиной «юденрат» и еврейскую медсанпомощь, где работали врачи-евреи. Среди них были и мои соученики Таня и Лёша Авербух, которые приехали к своим родителям в отпуск после окончания Винницкого мединститута. Потом их немцы расстреляли.

Руководители «юденрата» должны были выполнять все требования немцев. Так, по требованию немцев в начале августа 1941 г. они должны были обеспечить контрибуцию в сумме 10 тысяч золотом. Немцы взяли в заложники 10 мужчин из гетто под угрозой расстрела в случае невыполнения требования.

Руководители «юденрата» вместе с немцами делали обходы в гетто, проверяли санитарное состояние. Руководители также помогали больным и детям хлебом.

Председателем общины был Валюжников, членами общины были Крохмальник и др. Немцы давали

приказы о том, чтобы им принесли лучшие картины, ковры, посуду. Этим также занималась община. Но и после выполнения всех требований немцы расстреляли всех членов общины. 19 августа 1941 г. фашисты организовали первый еврейский погром. В 4 часа утра они начали сгонять евреев на стадион. Моя мать, брат Семён, сестра Нина и я были спасены от расстрела Василием Краевским. Он был полицаем, но знал нашу семью, т.к. учился с моим братом до войны в одной школе. Он вытащил нас из толпы людей, приговорённых к расстрелу. Во время этого погрома был расстрелян мой отец Иоил Бельфер, моя старшая сестра и её годовалый ребёнок.

После этого расстрела подруга моей матери, Зина Рываченко, украинка, предложила принять нас в своём доме ночью. В 1933 г., в период Голодомора на Украине, мои родители спасли семью этой женщины от голодной смерти. В это время мой отец работал на кирпичном заводе главным технологом. Он получал паёк и порцию хлеба, выпеченного в пекарне при заводе для обеспечения своих рабочих. Моя мать делила паёк на 2 семьи. Таким образом, эта украинская семья несколько ночей прятала нас до рассвета, а затем мы возвращались в гетто. На утренних проверках должны были присутствовать все, иначе расстреливали всю семью.

После погрома нашу колонну немцы и полицаи с собаками отвезли в северные казармы, в недостроенное здание без окон и дверей. Мы слышали стрельбу, расстрел людей, которых увели со стадиона, и мы сильно плакали.

После расстрела фашисты посылали нас засыпать могилы, где были расстреляны наши родные, близкие, земляки, так как было заживо погребено много ране-

ных, от которых образовались лужи крови, которая просачивалась на поверхность.

К вечеру нас снова повели в гетто. Мы жили в одном домике у Клишковских: Роза, её муж, двое детей (мальчик и девочка) и брат Розы Арон, который приехал в гости из Одессы. С нами также проживал мой старший брат Иосиф с женой и ребёнком-девочкой, которые прибыли из Волковинец. Иосиф работал на разных работах. Однажды начальник украинской полиции Андрусев начал издеваться над одним из рабочих. Мой брат стал его защищать, за что и получил от этого Андрусева 25 железных шомполов. Адская жизнь продолжалась.

В начале июля 1942 г. многие евреи из гетто, в том числе мой брат Семён, которому было всего 15 лет, Арон и его племянник, были вывезены из гетто в концлагерь в г. Литичев Винницкой обл. В лагере под охраной фашистов они добывали гранит. В течение дня их пища составляла небольшое количество супа и кипятка. В этом концлагере было много советских военнопленных. Карьер находился в 5-6 км от лагеря на берегу реки Буг и охранялся только немцами. Через месяц Семён, Арон и несколько других узников убежали из лагеря в Бар, где опять попали в гетто.

В первом погроме, как и отец, сестра и её ребёнок, погибла моя двоюродная сестра Клара с двумя детьми. Мужа её оставили, но он просил немца убить и его. Погибло много других наших родственников и друзей: семья Ривчук – тётя, два сына с семьями; семья Берштейн – жена, муж, дочь; семья дяди Моисея Бельфера; двоюродная сестра мамы – Маша Коднер.

В этом погроме погибла подруга моей сестры Нины, Надя Поломарчук – она была секретарём комсомольской организации, украинка.

Второй еврейский погром был организован 5 октября 1942 г. Фашисты и украинские полицаи окружили гетто, стали выгонять людей и убивать на месте тех, кто отказывался выполнять приказ или не мог его выполнить. Немцы сгоняли толпы евреев в Монастырский лес, в 6 км от гетто в Баре. Моя мать, брат Иосиф и его семья были убиты во время этого погрома.

Я, моя сестра и брат провели эту ужасную ночь в доме семьи Зинаиды Рываченко. Услышав стрельбу и крики мы поняли, что это конец гетто. Поздно ночью муж Зины помог нам выбраться из города, и мы провели несколько дней в их недостроенном доме. Он приносил нам еду. Фашисты и полицаи везде разыскивали евреев и расстреливали их на месте. Так была убита моя мать и тётя Сара, которых собиралась спасти дочь органиста костёла, переодев их в монахинь. Она таким путём ранее спасла жену наших друзей – жену адвоката Скоротовского, которая впоследствии мне об этом рассказала.

Через два дня я и моя сестра отправились в г. Копайгород. Семёна оставили, так как не знали, что с нами будет. По полям шныряли немцы с собаками, но нас не обнаружили. Когда мы проходили через деревню Мытки, мы встретили украинскую женщину, знавшую наших родителей. Она взяла нас к себе домой, дала нам поесть и прятала нас от полиции несколько дней. Затем ночью её сын провёл нас через лес в Копайгород, расположенный на территории, управляемой румынами. По дороге нас встретили румынские жандармы и отправили в гетто.

В этом гетто было много евреев, изгнанных с румынских территорий. Местные евреи им оказывали помощь, делились всем, чем могли, в том числе и с нами, спасшимися от немецкой оккупации. Работа-

ли в этом гетто тяжело, но здесь массово не убивали. Однажды румыны отправили группу ребят на работу на Одесскую железную дорогу, и они не вернулись. Здесь была община, членами которой были румынские и местные евреи. Председателем общины был румынский еврей – Оренштейн. Была еврейская полиция – начальником был Транхтейбройт. Полицаев запомнила двух: Сало и Рица – румынские беженцы и русский полицай – Нюнчик. В Копайгородском гетто было, кроме нас, ещё несколько евреев, спасшихся от немецких погромов в Баре. Среди румынских евреев были и врачи, которые почти без медикаментов старались помочь предотвратить эпидемии. Но люди болели, голодали и умирали в основном от голода и холода.

В гетто я познакомилась со своим будущим мужем, который был дантистом из Румынии. В гетто была их семья из 5-ти человек. Его отец умер от пневмонии, а его мать, сестра и брат вернулись в Румынию. В конце марта 1944 г. нас освободила Красная Армия, и мы вернулись в Бар. В апреле 1944 г. я и сестра пошли на работу, а брат Семён в сентябре 1944 г. ушёл на фронт. В 1953 г. мы с мужем переехали в Днепропетровск, так как он поступил в Днепропетровский мединститут.

Мы прошли через ужасы войны, потеряли наших родственников и близких, но остались жить благодаря помощи простых украинцев. Каким мужеством должна была обладать семья Рываченко. Они знали, на что шли. Им грозила смерть за спасения наших жизней. А у них было двое маленьких детей – Надечка и Юрик. Мы помним их всех, и они всегда будут жить в наших сердцах.

*Ф.И. Бельфер,
г. Днепропетровск, август 2000 г.*

Богомол Раиса Лейбушевна.

Свидетельствует о расстреле своих родственников и о своём пребывании в Германии.

Я, Богомол Раиса Лейбушевна (урождённая Цельтнер) родилась 23 марта 1930 г. в Днепропетровске. С 1935 г. наша семья жила в селе Ингулец Широковского района Днепропетровской области. 80% жителей села составляли люди еврейской национальности. Это была еврейская земледельческая колония.

Я в семье была старшей из детей, было и ещё двое меньших меня братьев. Наше село немцы оккупировали в августе 1941 г. Мне было 11 лет, одному брату – 5 лет, другому – 3 месяца. Ещё до прихода в село фашистов, мы были напуганы известиями об их издевательствах над евреями. Чтобы убедиться в этом, не пришлось долго ждать. Через неделю были убиты руководители колхоза, сельсовета и активисты из еврейских жителей. Мы жили в постоянном страхе, не зная, что принесёт следующий день. До мая 1942 г. было совершено 2 карательные акции. Забирали евреев, где поймают. Нас, детей, мать прятала в поле, у друзей – русских. Отец скрывался в яме, специально вырытой в сарае. Опасно было скрываться у русских, потому что немцы грозили расправой над покровителями.

В мае 1942 г. староста объявил всем трудоспособным евреям взять продуктов на несколько дней. Их отправили в г. Кривой Рог ремонтировать дороги. Забрали и моего отца. Весь этот ужас переживали и мы, дети, ежедневно ожидая расправы. Известий от отца не было. Становилось жутко. Примерно 26 мая население села разделили по национальной принадлежности. Евреям приказали жить обособленно на

определённой территории. Мою мать (она русская) заставляли перебраться на место пребывания евреев. Она взяла троих детей и ушла в поле. Когда мы вернулись домой, то увидели, что из дома всё забрали, и мы остались в чём были.

10 июня немцы окружили место, где жили и работали евреи, и согнали всех в здание клуба. 11 июня 1942 г. на рассвете их всех убили. Там погиб и мой брат в возрасте 1 года и 2 месяцев. А осенью расстреляли и моего отца. В это время меня прятали знакомые в Кривом Роге, пока немцы не угнали меня в Германию. Там мы жили в лагере за колючей проволокой. На работу водили под конвоем, работали по 12 часов в сутки. Кормили нас в основном редким супом из брюквы. Самым страшным было для меня, когда брали кровь из пальца. А это делали очень часто. Девчата говорили: «Жидов ищут». Я ведь была девчонкой 12-ти лет и не знала, что по крови не определяют национальность. Так я работала с 1942 г. по 1945 г., т.е. 2 года и 9 месяцев. Освободили нас американцы.

*Раиса Лейбушевна Богомол,
г. Днепропетровск.*

Бурштейн Абрам Львович.

***Свидетельствует о своём пребывании
в гетто городов Брацлав, Гайсин,
Райгород, Теплик Винницкой области.***

Я, Бурштейн Абрам Львович, родился 8 октября 1928 года в семье портных. Отец, Лев Мендель, 1893 года рождения, работал в артели по пошиву мужских изделий, мать Рива Гodelевна – домохозяйка. Старшая сестра Хона (Аня) училась в Одесском университете, закончила 3 курса до начала войны. Когда начали бомбить Одессу, она приехала в Соболевку. Брат 1937 года рождения.

Соболевка – большое село, сахзавод, совхоз, 5 колхозов, 2 неполные средние школы, 1 средняя школа на сахзаводе. Я ходил в семилетку, перед этим учился в начальной еврейской школе, директором которой был Изя Забохрецкий. Он освобождал Соболевку, был уже майором.

В Соболевке были синагога и церковь. Мой дед Мендель Бурштейн 8 лет служил в царской армии на Кавказе вместе с батюшкой в одном полку. Мой дед мне рассказывал о службе на Кавказе, как он общался с сыном попа, который окончил Киевскую семинарию и учился вместе с митрополитом Шептицким.

Дед дружил с попом, несмотря на то, что они были разного вероисповедания. Дед был очень набожным. В 1935-1936 гг. в церкви разрушили колокола и сняли звонницу. Оставили только церковь и сделали из неё колхозную комору. А батюшка был репрессирован, и больше его не видели. Это был очень порядочный человек, и наша семья его очень любила. Когда он приходил к нам в гости, бабушка его принимала как родного человека. А когда дед приходил к нему в гости,

то там делали праздник. Так было, я был ребёнком, но очень любил ходить с дедом в синагогу, особенно по субботам. В 4 часа закрывали синагогу, и после молитвы ужинали, хотя я не был голодным. Потом в 1935-1936 гг. синагогу разобрали (она стояла над речкой) под видом того, что она аварийная. Набожным евреям приходилось собираться на квартире тайком. Дед мой был настолько набожным, что в субботу он не работал, т.е. не подчинялся советским законам и говорил: «Пусть меня судят, пусть делают, что хотят, а я всё равно буду Б-гу молиться». Он работал бригадиром сапожной артели, и у него в подчинении было человек 10, но по субботам он не работал. Дед был николаевский солдат, выправка была солдатская до последнего дня его жизни (умер в 1940 г.). Его так и звали «Мендель-солдат». Бабушка погибла 27 мая 1942 г.

Раввин Чечельницкий Сруль одновременно исполнял обязанности майхема. Погиб со своей семьёй. Из всей семьи остался сын Шуня, инвалид Великой Отечественной войны с 1944 года. После войны много лет работал бухгалтером Соболевского сельпо, а потом в Теплике.

Соболевка была весёлым и красивым еврейским местечком. Справляли свадьбы, ходили в гости друг к другу, дружили с местным украинским населением. К нам домой ходило очень много клиентов с сахарного завода. В 1937 г. многих репрессировали. Но жизнь текла своим чередом. Был клуб, демонстрировали фильмы, ставили спектакли местные аматоры на еврейском языке. В национальном совете был свой избирательный участок. Помню, на выборы 1937 г. папа мой был буфетчиком. Всем давали бесплатно пирожное, мороженое.

В воскресенье 22 июня 1941 года я был на базаре. Сказали: «Война». Все побежали к нацсовету. В 12:00 объявили по радио, которое выставили на улицу, что немецкие фашисты вероломно напали на Советский Союз и в 4 часа бомбили Киев. Вечером этого же дня началась мобилизация. Приехал представитель Тепликского военкомата. Многие еврейские ребята в первые дни ушли на фронт. Среди них наши соседи – Орадовский Муня, который дослужился до майора, после войны окончил Винницкий мединститут, служил в Германии.

Остались жёны, дети, родители. Ушли на фронт мужчины до 50 лет. Среди них Бронфер, Шнайдер, Штейнфельд. Многие не вернулись.

26 июля Соболевку оккупировали. За две недели до оккупации не только местечко, всё село жило военным временем. Началось движение войск: то на фронт ехали машины, то с фронта. Пролетали самолёты, бомбили. Некоторым удалось эвакуироваться. Мы тоже хотели, но нам не удалось.

Когда пришли немцы, на следующий день утром погнали нас на работу: мыть полы в школе, клубе, чтобы разместились немецкие солдаты. Брали, конечно, только еврейских женщин и девушек. Ну, а мы, мальчики, носили им воду.

Фронт пошёл дальше. Пришли новые власти. Комендант разместился на сахарном заводе. Полицейским назначили Иосифа Венгера, бывшего офицера Советской Армии, который вернулся в село за две недели до оккупации. Поставил коня у своего дядьки Мокия в клуне и начал он руководить всем народом. Начал особенно издеваться над евреями.

Староста был Червонный. «Юденрат» не имел никаких прав, только исполнял приказы. Старшим назначили Мойшу Жорницкого, членом совета – Кельминского. Начали брать на работу молодёжь, гнали на сельскохозяйственные работы. В начале зимы гнали на расчистку дорог от снега. Многие подростки расчищали железнодорожные пути.

Хотя многие машины с сахарного завода были вывезены, немцы хотели его восстановить. Инженер, привезенный с Западной Украины, говорил, чтобы мы разобрали «Більшовицьку зірку» на трубе – и разобрали всё по куску.

Весной 1942 г. было приказано выставить еврейскую молодёжь для работы на дорогах. До вечера мы работали на заводе, а ночью нас повезли в Теплик под начальством Иосифа Венгера. Утром нас повезли на машинах. В Нижней Кропивне возле моста нас высадили и пешком погнали в Райгород. Когда мы пришли к лагерю, я был в каком-то трансе, не знаю, как другие. Когда нас подвели к проволочному ограждению, вышел зам. коменданта и сказал с издёвкой: «Еврейские дети пришли в садик».

Мы пару дней сидели в лагере, так как шли сильные дожди. А потом нас погнали в карьер (с охраной днём и ночью под пулемётом).

Старшие узники откапывали скалы, а мы, мальчишки, кирками разбивали на щебень. Техники никакой не было. Кормили нас почти никак. На 10 дней буханка хлеба на одного человека. «Кофе» без сахара, а вечером – так называемый суп, в котором плавали гнилая картошка и свекла.

Где-то в июне привезли в этот лагерь с Ситковцев, Райгорода, Немирова еврейских женщин с детьми.

Около 600-700 человек. Их разместили за колючей проволокой. Кто был трудоспособный, погнали на работу. А в лагерь приехал спецотряд и вместе с лагерной службой всех расстреляли.

Как же я остался живой? Это дело случая. Нас четверо подростков работало: два в кузнице, два на компрессоре. И старик-инженер (немец), видимо, пожалел нас, имел какое-то влияние на коменданта, вечером показал нас ему, а утром нас построили в колонну и повели на работу. Утром 26 июня 1942 г. всех, кто остался после этого, перевели в Брацлав. Часть людей попали в лагерь по ремонту дорог, а другая – в каменоломни. Я работал в каменоломне.

В течение двух месяцев (июль-август) жили в техникуме, сделали нары, кормили очень плохо, а возили на работу в машинах с железными кузовами далеко. Было очень дождливо, и в кузовах было много воды, и в эту воду мы садились.

Из Брацлавских лагерей нас собрали, посадили на машины и отвезли обратно через Буг из румынской территории на немецкую – в Михайловку. В лагере нас застала очень тяжёлая картина. Туда привезли измученных, изувеченных, одетых в лохмотья евреев из Умани. Они были полуголые и истощённые. Мы ужаснулись, потому что мы были ещё более-менее похожи на людей. Мы строили дорогу.

Мы знали, что в Тарасовку были привезены все, кто остался жив после погрома в Соболевке 27 мая 1942 г. Мы почти всегда встречались с ними на дороге на работе, и так я узнал, что все мои родные погибли, кроме отца.

В Михайловке был «лагерь смерти». Кормили тоже плохо. Из Теплика привозили буханку хлеба на каждо-

го на 10 дней. Кто был слабенький, не мог удержаться и съедал буханку за день-два, до следующего раза не доживал. На работе он киркой работать не мог и его расстреливали. После побега детей тепликского фотографа Заславского (я был вместе с двумя его детьми, они предложили мне бежать вместе с ними, они сумели бежать и попали в Гайсин, а я нет) меня должны были расстрелять, и не только меня, а 40 человек, по 10 человек в день. Но приехал комендант и приказал в этот день расстреливать только больных, а здоровые узники пусть мучаются дальше. Меня и ещё одного тепликского подростка, его фамилия Заец, взяли засыпать больных, которых расстреляют в лесу. По дороге они убили молодую девушку, которая не могла идти. Меня заставили взять останки и нести к яме. Я видел, как расстреливали. Со мной творилось что-то страшное. Я просил старшего полицая Земенского, чтобы меня тоже расстреляли, но он сказал, что мы тебе сделаем ещё хуже, чем расстрел.

Когда нас повели в лагерь, там нас положили на бочку и били втроём по 75 резин. Снимали шкуру от шеи до ног.

В конце октября выпал первый снег. В лагере Михайловка был устроен погром, и расстреляли более 100 человек. Их расстреляли прямо в лагере. И лужа крови не замерзала всю зиму и окрашивала снег. После этого часть людей перевели в Михайловскую школу, а другую – отвезли опять в Райгород. После расстрела военнопленных нужны были рабочие руки.

Туда обратно попала подруга моей жены Роза Гивон.

Из Михайловки нас посадили на сани и отвезли в Ивангород. Туда протянули железнодорожную ветку и

по ней привозили камень. Поместили в недостроенной школе. Было очень плохо.

После событий в Сталинграде почти всех немцев забрали на фронт, а лагерь передали гражданским инспекторам, и было послабление в охране. Многие сумели убежать и добраться в Бершадь. В ночь на 31 января 1943 г. меня наши знакомые помогли перевести в Гайсинское гетто к отцу. Я был весь опухший. Многие говорили: «Зачем вы его привезли – это же труп». Месяц я ни с кем не разговаривал и только ел, что давали. А потом я пошёл на работу в швейную мастерскую. А 13 мая были расстреляны специалисты. Немногим удалось спастись, и среди них был я с моим отцом. Гетто закрыли.

В лагерь привезли буковинских евреев из лагеря Печора, и они строили в Гайсине мост через реку Соб. А нас поселили там, где мы работали. Жили в доме несколько портных и несколько шапошников.

В ноябре 1943 г., когда Киев освободили советские войска, стало ясно, что нас убьют. В Гайсин приехала жена врача Ковбасюка и сказала: «Якщо вам буде погано, тікайте до нас». Добрые люди переправили нас в Жерденёвку, а оттуда нас перевезли в Соболевку две женщины. Вот благодаря этим людям мы и остались живы.

В Соболевке мы жили у крестьянина Бабура два с половиной месяца, а потом под Новый год нас перевели к врачу Ковбасюку, где мы пробыли до 20.01.1943 г. Немецкие войска отступали и зверствовали. Поэтому нас решили отвести к Бугу, а там нас 20.01.1944 г. перевели через речку в Бершадь.

За это время было убито 400 евреев, многие из них были подпольщиками и были связаны с партизанами.

Среди них и Ткач Давид, Соболевский комсомолец, из Гайсина – Дехтярь (дочь и сын в отряде).

В гетто было очень тяжело жить, работать было негде. Но 14 марта 1944 года в Бершади я стоял на мосту и смотрел, как шли танки, и встречал их три дня на мосту.

Радости не было предела. А потом мы вернулись в Соболевку. Весной взяли лопаты и пошли в лес, чтобы упорядочить могилу. Перезахоронили гайсинчанина Ставинцера, которого расстреляли в местечке. Возле совхоза была его могила.

Каждый год мы приходили к братской могиле. Я благодарен сельскому голове Попык Елене Антоновне. То, как всё это чтят в Соболевке, заслуживает благодарности.

После войны мы сами обустроили могилы. Жорницкий, Горовец обратились с просьбой к директору совхоза. Он помог кирпичами, рабочими, и построили памятник. На нём установили табличку, сделали ограду. Здесь собираются люди, пережившие эту трагедию из Ленинграда, Москвы, Одессы, Львова и др. городов.

*Абрам Львович Бурштейн,
г. Гайсин Винницкой обл.,
2001 г.*

Губер Илья Лазаревич.

***Свидетельствует о своём пребывании
в гетто г. Бершадь Винницкой обл.***

***Воспоминания Губер Ильи Лазаревича
о пребывании в Бершадском гетто.***

У меня, 10-тилетнего мальчика, особенная судьба. Война началась для меня в конце января 1941 г. В школе поцарапал себе палец правой руки ржавым пером и заболел страшной болезнью – общее заражение крови (столбняк). Положили в больницу, думали безнадежно. Один из тысячи человек выживает. Когда началась война, всех врачей забрали на фронт, а больных отправили домой. Отец мой на руках принёс меня домой, а сам ушёл воевать на фронт. Мать осталась одна с двумя детьми: я и мой брат, на 2 года старше меня.

29 июля фашисты вошли в Бершадь. Начались чёрные дни оккупации. Вскоре в местечко прибыл немецкий карательный отряд и начались издевательства над евреями. Они искали коммунистов, евреев. Конечно, без расстрелов не обошлось.

Вскоре немцы ушли, и в Бершади оставили вместо себя румынских оккупантов. До того, как немцы вошли в местечко, мать покинула квартиру, где мы всю жизнь прожили. Перешли в завалюшку, дальше от центральной улицы, там проживало 12 человек. Меня поселили в тёмную кладовку, вход через гардероб, чтоб я там спокойно лежал. Ждал как птенчик, когда мне что-нибудь принесут поесть. Мать была похожа на украинку. Она каким-то образом взяла вещи домашние и выменяла на продукты, чтобы как-нибудь прожить. Старший 12-тилетний брат занимался вечным

поиском еды. О чём говорить, – голод – это страшная штука.

Потом начали открываться раны на ногах и начали гнить кости. Бывало, что меня выносили из кладовой подышать свежим воздухом и увидеть солнце. Людей видел через окно. И что я там видел: люди валяются на улице и повозка с одной лошадкой подбирает, как дрова, людей, умерших после холода, голода, тифа, и увозят на кладбище, где складывали в кучу.

То, что я написал, это только сотая часть пережитого мною. Освободили нас 15 марта 1944 г. Прошло время, я мог уже при помощи костылей передвигаться. В 1946 г. вернулся отец с фронта. Постепенно я начал укреплять свои силы и здоровье. Оставил один костыль, потом с палочкой начал передвигаться (у меня укорочена правая нога на 4 сантиметра).

С 1947 года начал трудиться, по совету матери освоил профессию портного. В 1952 г., несмотря на здоровье, меня забирают в армию, в строительный батальон и отправляют на Дальний Восток. Однако по состоянию здоровья меня комиссовали уже через год. Но вскоре произошёл со мной несчастный случай, в результате которого были сломаны обе руки. Левую руку отняли сразу, а за правую руку врачи боролись полгода.

Всё, что со мной и моей семьёй произошло в Бершадском гетто, я помню, хотя всё описано скупыми строчками. Это время я провёл в болезни и страхе за жизнь своих близких. Это имело свои последствия на протяжении моей жизни.

*И.Л. Губер,
г. Днепропетровск, декабрь 2002 г.*

Дудник Валентина Львовна.

***Свидетельствует о пребывании со
своей семьей в гетто г. Умань.***

Родилась я в городе Умань Черкасской области 29 декабря 1925 г. в еврейской семье. Родители были выходцы из деревни. Мать, Горель Цири Хаймовна, родилась в деревне Зелёный Рог. Отец, Дудник Лев Натанович, – из деревни Княжья Криница; где она находится, не знаю. В Умань они попали после многочисленных погромов в 1920-х гг. Снимали жильё на окраине города, жили огромной семьёй – у бабушки было 6 детей. С тех пор, как начала себя помнить, слышала в семье разговоры о погромах, не только те, которые были в годы революции, но и в начале XX века. В данном случае потому упоминаю, что мой отец эмигрировал в Америку после этих погромов с семьёй сестры и двумя детьми убитого брата. Одного ребёнка из-за болезни не пропустили, девочка осталась с моей матерью. Родители мои до того много лет прожили в браке, но детей не было. Отец вернулся в 1914 г. В 1915 г. родилась старшая сестра, в 1918 г. средняя, а потом я. Рассказы о том, как они с двумя детьми прятались от погромов в пруду, запомнились надолго.

В 1941 г. старшая сестра была замужем, было у неё двое детей. Жила она в Макарове Киевской области, на оккупированной территории. К данной истории отношения не имеет. Главное действующее лицо – Раиса – средняя сестра. В память о ней, о её друзьях я и решилась на трудную для меня исповедь и, если кое-что будет излишним, прошу меня простить.

В 1941 г. я окончила 9 классов. Сестра перешла на 4-й курс физического факультета Днепропетровского университета. 22 июня она выехала на каникулы домой,

заранее был взят билет. В первые дни войны проходила мобилизация. 24 июня всех мальчиков-подростков собрали на стадион и увезли. Девчонки бегали, напрашивались, но нам отказывали. Эвакуация, мы знали о ней, была для членов партии, может быть ещё для кого-то, но население об этом не знало. Днём и ночью через город шли войска. Мы общались с солдатами, узнавали тревожные новости, радио в городе не работало. В домах его почти не было, а на улице после 3 июля, когда выступил Сталин, больше его не слышали. Начиная с 15-го июля мы узнали, что город скоро будет сдан. Все или большинство куда-то движутся, пошли и мы с сестрой и родителями. За день прошли до деревни Оксаныно, приблизительно 12 км. Но отец сказал, что дальше идти не может. Домой вернулись к ночи. Родители сказали, что больше никуда не пойдут, а мы вольны идти куда хотим, может, будет хоть один шанс выбраться. Вслух ни о каких погромах не говорили, да и не знали, может быть, обо всём ужасе. Тогда людям не говорили, как впрочем, и спустя 50 лет. Это была закрытая тема. Все дни с рассвета до темноты мы проводили на улице, по которой шли войска. Остановилась колонна, это было 29 июля, солдаты сказали, что через день-два в городе будут немцы. Мы попросили, чтобы они нас взяли с собой. Они согласились, и мы уехали, не попрощавшись. Не было времени. Я, моя сестра и подруга Козодой Лиля. Двигалась колонна в район Подвысокого очень медленно. На дороге сотни тысяч людей: солдаты, мирное население на подводах с запада. В ночь на 1 августа отъехали куда-то в сторону и въехали в самое «пекло»: появились осветительные ракеты, стреляли из миномётов: грохот, взрывы, стоны. Дана была команда всем пробираться в деревню,

название не помню. Добрались, а там кто куда стал прятаться – в погреба, ямы, но там уже было местное население. Со временем все мы разошлись, местные – домой, а мы – куда глаза глядят. Через какое-то время забрели в одно село, предложили жителям пошить что-нибудь, не отказали, а когда попросили помидор продать, то в ответ услышали, что жидам не продаём. И добавили, чтобы мы быстрее убирались, а то скажут немцам, а они были почти в каждом подворье. Прошли ещё пару деревень, на ночлег никуда не просились. Все напуганы, за один день мир перевернулся. Мы держали путь на Умань. Было это 1 августа. Через двое суток добрались мы до местечка Головановск, по пути нам показали, где живут «жиды», они пусть и пускают. Пустила нас ночевать одна пожилая еврейка, святой человек. Пробыли мы там несколько дней. Немцы бесчинствовали, издевались над евреями. Заходили в основном с целью ограбить, но брать было нечего. Было очень голодно. Какую-то похлёбку эта женщина один раз в день делила с нами, но её скромные запасы шли к концу. Однажды пришла соседка и сказала, что висит объявление, что всем евреям надо явиться с документами, трёхдневным запасом продуктов, ценными и необходимыми вещами, и что их будут вывозить в другое селение. Поскольку у нас этого ничего не было, то мы наутро собрались и ушли домой. Проводила нас эта святая женщина за околицу, а сама пошла собираться в дорогу. Было это буквально в первой декаде августа. В маленьких местечках, где мало евреев, погромы проводили, не откладывая в долгий ящик. Мы и не думали, что это будет убийство. Вот так мы избежали первого погрома. Да и о том, что это был погром, мы поняли из дальнейших событий в Умани. Никаких

«средств информации», как сейчас говорят, тогда не было.

Дома родители встретили нас с ужасом. Сказали, что были уверены, что мы выбрались с войсками и избежали оккупации. Рассказали обо всех бесчинствах над евреями: кого-то повесили неизвестно за что, а то взяли 10 человек заложниками и расстреляли, молодежь гоняют на разные работы, и много евреев задействовано на расширении и углублении рва на окраине города. На этом месте расположен был кирпичный завод, где немцы устроили лагерь для военнопленных. Печально известная «Уманская яма», о которой говорили на Нюрнбергском процессе. На второй же день в дверь постучал полицейский и сказал, чтобы мы шли на работу. До этого он знал, что в подвале находятся два старика, и не заглядывал. Жили мы в большом дворе, где было 7 домов и домиков, в них жили евреи и украинцы, ребяташки сразу доложили, что здесь появилась молодежь. Повели нас на стройку подсобными рабочими. Иногда даже нам давали хлеб после работы, который мы, проходя через двор, отдавали пленным. Они копали какие-то траншеи под охраной тех же полицейских. До сих пор у меня перед глазами эти пленные – во что можно превратить молодого, здорового человека за 3-4 недели голода. Пришли мы на работу 17 сентября, но немец сказал, что больше для нас работы нет, и вёл себя как-то странно, хлеба дал больше обычного. Как-то я стояла в очереди за капустой и была свидетелем, как подъехала машина, из неё вышел немец, стал заглядывать всем в лицо, определяя, кто еврей, подошёл к старой женщине, вытащил её из очереди и начал избивать. Люди, стоящие в очереди, сказали, что он ежедневно приезжает.

Однажды из соседнего дома увели Розенфельд с двумя дочерьми. Муж её оставался дома, так как мужчины обычно прятались, об их наличии не всегда знали, считалось, что идёт «охота» на мужчин потому, что их берут заложниками, вешают. Розенфельд всё-таки успел спрятаться на чердак, со слов соседей, он там повесился. Меня с мамой вывели во двор, где стояло несколько евреев, и повели нас, небольшую кучку, человек 10-15, примерно столько же охраны, один немец, остальные полицейские и сотни людей – зевак вокруг. Привели нас в дом пионеров, затолкали нас в подвал, где было уже много людей. Потом подводили ещё людей, когда дверь уже с трудом открывалась, выбили винтовкой окно и начали туда их проталкивать на головы стоящим. Люди задыхались, в первую очередь маленькие дети, стоял крик обезумевших матерей. Я начала терять сознание. Но в приоткрытую дверь стал попадать свежий воздух. Сквозь стоявший крик переводчик спросил, есть ли здесь украинские дети. Мама меня подпихнула, и полицейский пропустил. Я пошла к своему дому, но там пусто, нет ни отца, ни сестры. На одной из улиц вышел мне навстречу солдат в немецкой форме, осветил фонариком и обратился ко мне с вопросом: «Юде?» я ответила, что нет. Изъяснялись мы почти на украинском языке. Солдат сказал, что он из Польши, ему 18 лет, недавно мобилизован. Сказал, что сейчас опасно ходить по улице, посмотрел на мою разорванную кофточку и замолчал. Я пришла к своей подруге, но её отец меня в дом не пустил, сказал, чтобы я шла в сарай, а завтра чтобы я ушла. А утром меня нашла сестра и рассказала, что с ними произошло. В подвал, где они пряталась с отцом, набежало много евреев. Соседи указали, где прячутся евреи, и их увели

по направлению к тюрьме. По пути толпа людей увеличивалась, их подгоняли, избивали тех, кто медленно шёл. Так поступили с моим отцом, которому было 70 лет. Он умер на территории тюрьмы, где находилось очень много людей. Это было главное место действий. Периодически подъезжали машины, грузили людей и увозили в тот ров, который увеличивали до последнего дня те, кто там работал. Они же были первыми и убиты. Начальником полиции, которые вместе с немцами были исполнителями акций уничтожения евреев, оказался однокурсник моей сестры. Увидев её, он сказал, что с наступлением темноты они закончат эту работу. Её и многих других евреев выпустили. Мама осталась жива, так как всё время находилась у выбитого окна, которое прикрыла фанерой, и откуда поступал свежий воздух. Так живы остались человек пять. Это было 20 сентября, а 21 сентября был развешан приказ о том, что всем евреям нужно в трёхдневный срок переселиться в гетто, иначе... Была в Умани улица, в народе называлась Раковка. Там скученно с начала века жили евреи. В основном это были домишки без участков. Район еврейской бедноты, верней нищеты. Дома эти опустели после погрома, вот туда и надо было переселиться. Официального названия улицы не знаю. Заходили туда, где было место на полу, там и садились. Нам досталась кухня. Там мы были с мамой, сестрой, тётей, дядей и их дочерью. Это была мамина сестра, у которой погибли четверо детей из пяти, и бабушка 82-х лет. С соседями мы не успели познакомиться, было одно общее горе: матери без детей, дети без матерей, слёзы, но живы. Рядом с гетто была размещена воинская часть мадьяр. Вечером солдаты заходили с

целью чем-нибудь пожить. У нас ничего не взяли, нечего было.

Такая мирная жизнь длилась всего пять дней. Утром 28 сентября пришла соседка и сказала, что ходят слухи, что 29 сентября опять будет погром «в честь» Рош-а-шана. Все были в панике. Мы с сестрой решили выйти за пределы гетто, чтобы найти что-нибудь поесть. А на рассвете немцы учинили погром, в результате которого погибла наша мама. Дядя собрал 10 пожилых евреев, и они молились на чердаке заброшенного дома. В этот дом полицейские не вошли – и все евреи уцелели. Но он начал искать жену и дочь и нашёл их на третий день, вытащив их из-под пола на кухне, откуда увели других евреев. Мама спасла их, задвинув диван, где находилось отверстие в полу. Этот поступок она мотивировала тем, что её детей здесь нет, может, уцелеют, а у сестры от большой семьи почти никого не осталось.

Оставшихся в живых мужчин гоняли на строительство концлагеря на трассе Умань-Кировоград. За дядей не заходили, он, полуобезумевший, днём и ночью рыдал о детях, разговаривал с Б-гом. О дяде моём (фамилия Переплётчик) и его семье рассказываю, потому что хочу, чтоб хоть какой-нибудь след остался о них.

Мы с сестрой остановились на квартире у Ларжевских. Все обсуждали одну проблему – как быть дальше. Наступала весна, знали примерно время, когда гетто будет ликвидировано. Мы с сестрой могли пробираться в гетто и обратно, знали место, и оно было близко от городской квартиры Ларжевских. Решили, что мы с сестрой должны выбираться из города. Вся семья Ларжевских была единодушна в своём решении,

включая парализованную мать, которая улыбалась, кивала головой – нравилось поведение детей. Губарь Алексей, однокурсник сестры, тоже оказал нам неоценимую помощь. Он принёс нам какие-то справки, которые, скорее, изготовил сам. А в это время началась ликвидация гетто. Шашков Владимир Иванович, работавший невропатологом в поликлинике, привёл меня в один дом, где согласились меня принять. Но вскоре у ограды собралась толпа женщин, которые кричали, что знают, что здесь находится еврейка, что если не уйду, то приведут полицию. Пришлось уходить, то в один дом, то в другой, то в третий. В городе творилось невообразимое. Трудоспособных евреев увели в концлагерь, который существовал некоторое время. Они строили участок дороги Кировоград-Умань. Немощных, пожилых людей расстреляли. А малых детей живьём бросали в яму в черте города. Говорят, долго земля шевелилась. Факт достоверный. Мне об этом рассказала женщина, у которой я была. Об этом я прочла через 25 лет, когда была в Умани, где один подпольщик пришёл на явку, был в шоке от увиденного, как шевелилась земля.

К тому времени Губарь Алексей вывез из города мою сестру. А в начале мая выбралась из города и я с Алексеем Губарем. Приехали в деревню Оксаныно, а оттуда в Небыливку Кировоградской области. Пристроили меня к одинокой женщине, и я ходила работать в колхоз. Однако, узнав, что Раиса, моя сестра в Кировограде, решила перебираться к ней; оказалась я в Ромейково, затем в Екатеринополе, где тоже работала в колхозе. Как-то появилась сестра, два года мы с ней не виделись, не надеялись, но мечтали о встрече. Она рассказала мне, что с ней произошло за эти

два года. В Кировограде она была недолго. Во многих местах была, но нигде не могла закрепиться. Направление держала в Белоруссию, по пути была наслышана о партизанах. В одной из деревень её задержали, допытывались, не еврейка ли она. Содержали под замком, грозились отвезти в город. Но однажды пришёл староста, выпустил её и указал дорогу к партизанам. Она рассказывала, что её долго допрашивали, но приняли. Отряд их действовал в районе города Барановичи. Теперь мы уже не могли расстаться. Она мне рассказывала, что в отряде занималась тем, что приказывали. На задания ходила, на железную дорогу. В Екатеринополь она прибыла в шинели, на шапке красная полоса. До этого мы не видели таких партизан.

По радио услышали, что освободили Умань. Поехали в Умань, оттуда в Бершадь. Ходили слухи, что сюда сбегали евреи из Умани и что здесь в гетто не убивали. Думали, что там найдём родных, но не нашли.

После войны я окончила Московский мединститут, сестра Московский университет. Прошли годы, но мы всё время вспоминаем своих друзей, что помогли нам выжить. Хотели узнать об их судьбе.

Люди, которые нам помогали:

- Ларжевская Раиса Феодосьевна, студентка Днепропетровского университета. Проживала в Умани. Умерла в 1989 г.

- Ларжевский Николай Феодосьевич, студент Днепропетровского химико-технологического института. Проживал в Умани. Умер в 1987 г.

- Ларжевский Леонид Феодосьевич, студент Днепропетровского химико-технологического института. Умер в 1985 г.

- Губарь Алексей. После ликвидации гетто вывез из города Дудник Раису (мою сестру) и меня, Дудник Валентину.

- Шашков Владимир Иванович, врач-военнопленный, работал в горполиклинике. После ликвидации гетто прятал у своих знакомых в Умани Дудник Валентину.

Наши близкие и родственники:

Бабушка Горель Фрима (82 года). Погибла 19 сентября 1941 г. в г. Умань. Жила в семье дочери Переплётчик Зони и её мужа Переплётчик Ицика. Их дети: Хова, 17 лет; Мойша, 16 лет; Шеля, 14 лет; Хаим, 10 лет; Лейка, 8 лет. Погибли в гетто Умани четверо детей. 19 сентября 1941 г. их мать Переплётчик Зоня и сестра Шеля, 14 лет, погибли в концлагере. Дата неизвестна.

Погибли наши родители:

мама Дудник Цири, 62 года, дочь Горель Фримы, погибла 29 сентября 1941 г. в Умани;

отец Дудник Лев, 70 лет, погиб 19 сентября 1941 г. в Умани.

*В.Л.Дудник,
г. Краснообск
Новосибирской обл.,
Россия, февраль 2004 г.*

Карлин Александр Наумович.

***Свидетельствует о своём пребывании
в Херсонском концлагере.***

Воспоминания узника Херсонского концлагеря
Карлина Александра Наумовича.

Эти воспоминания мне трудно писать. Во-первых, прошло много лет, когда происходили эти события. Во-вторых, мне тяжело их вспоминать. И, в-третьих, у меня нет опыта изложения их на бумаге. Но я по мере своих сил постараюсь дать, хотя бы приблизительно, представление о событиях, которые произошли с того времени, когда я был заключён в Херсонский концлагерь в сентябре 1942 г., где находился почти полгода до марта 1943 года. Я также хочу рассказать, как мне удалось совершить побег во время эвакуации лагеря из Херсона.

Несколько слов о себе. С 1940 г. служил в армии действительную службу в г. Проскуров в 441КАП. Перед войной наша часть была переброшена в летние лагеря на границу под Рава-Русской. Начал войну с первого дня. Отступал вместе с войсками. В 1941 году, в сентябре месяце, попал в окружение под Киевом в составе части, входящей в 5-ю армию. Выйти из окружения не удалось. Находился на оккупированной территории до октября 1943 г. Скрывался от немцев. В 1942 г., в сентябре месяце, был заключён в Херсонский концлагерь, где пробыл до марта 1943 г.

Моё положение на оккупированной территории было вдвойне тяжёлым, как военнопленного и как еврея. Мне приходилось всё время скрываться, постоянно находиться в пути, так как я не мог нигде находиться длительное время из-за отсутствия документов и боязни, что буду разоблачён.

Когда я проходил госпроверку спецорганами, мне всегда задавался один вопрос – каким образом я остался живой, находясь более двух лет на оккупированной территории и будучи по национальности евреем? Этот вопрос ставил меня всегда в затруднительное положение. И я отвечал – наверное, у меня была такая судьба, может быть потому, что я не останавливался перед риском получить пулю или свободу (а у меня другого выхода не было). Трудно сказать. События были настолько драматичные, настолько всё зависело от случая, от удачи, что можно их даже назвать Б-им провидением. У каждого человека, который находился в особо опасных условиях, связанных с риском для жизни, бывает такой день, и даже такие дни, которые он не может забыть до конца своей жизни. Иногда этот день называют вторым днём рождения. Такой день у меня был 3 марта 1943 г. После шестимесячного заключения в Херсонском концлагере меня впервые выпустили на его территорию. В лагере я находился с сентября 1942 года, куда попал во время облавы. Концлагерь размещался в бывшей тюрьме на Военной. Нас, заключённых в карантинной камере, выпустили на территорию в виду того, что лагерь готовился к эвакуации.

Все события дня чётко запомнились, хотя многие моменты за давностью лет вспоминаются с трудом. Помню, что день был по-весеннему тёплый, от непривычки к свежему воздуху кружилась голова. Состояние было обморочное. Вспоминается первое увиденное: у лагерной стены стояла виселица. На ней висело два человека с табличками. Зрелище было неприятное, и я обратил внимание на группу военных и штатских гражданских немцев, с ними был мальчик. Они суети-

лись возле виселицы, фотографировали. Немцы были чистые, холёные, их вид не гармонировал с окружающей средой. Нас выпустили. Постепенно территория заполнялась военнопленными. Это было тяжёлое зрелище. Люди-призраки, люди-скелеты еле передвигались опухшими ногами, серая безликая масса, у всех одинаковые тупые ничего не выражающие взгляды. Одетые в тряпье, у многих на ногах деревянные колодки, мешки вместо одежды с прорезами для рук и головы. Все топтались на месте, ничего не соображая, не зная, куда себя деть.

Прозвучала команда строиться в ряды и колонны. Полицаи начали наводить порядок, раздавая удары направо и налево. Постепенно образовалось какое-то подобие колонны, и мы двинулись к выходу из лагеря. Когда наступил мой черёд, я оказался за воротами, увидел картину, которую никогда не забуду. Тысячи херсонцев: женщины, старики, дети – встречали нас криком, плачем, выкрикивались имена, фамилии, через головы охраны нам кидали еду, хлеб. Толпа стояла с двух сторон дороги, по которой нас вели под охраной немцев и полицаев. Помню, я подумал: наверное, в лагере много местных.

Толпа напирала на колонну, немцы стреляли вверх, отпугивая народ. Полицаи отжимали передних. Шум был невообразимый. Уверен, многим жителям запомнился этот день, казалось, что весь город вышел нас провожать. Нашлись смельчаки, которые воспользовались создавшейся сумятицей, сумели во время отвлечения охраны и полицаев незаметно прорваться через цепь и нырнуть в толпу, которая моментально их прикрыла.

Прошло немного времени, толпа отстала, затих крик и плач, и мы идём в направлении к железнодорожной станции, где нас ждёт подготовленный для эвакуации состав. Немцы кричат, полицаи матерятся, нас предупредили, отставших подбирать не будут. День короткий, начинает темнеть, нас стараются быстрее посадить в вагоны.

Я делаю некоторое отступление. Примерно за месяц до этого по лагерю пошли слухи, что нас будут эвакуировать. И указывалось даже, что именно в Германию. И всё это время у меня была одна мысль: мне нельзя ни в каком случае попасть в Германию, там я буду немедленно разоблачён как еврей. То, что я не был до сего времени разоблачён в лагере, это благодаря тому, что я находился в так называемом карантине. Карантинная камера была настоящая душегубка. В камере размером 10 на 10 метров было не менее 200 человек. Умирили почти ежедневно. Пополнение шло за счёт прибывших. Камера была полностью изолирована от внешней части лагеря. В камере свирепствовали эпидемии, заразные болезни. Немцы никогда в камеру не заходили, боялись заразиться, полицаи тоже избегали её. Всё делали заключённые: выносили мёртвых, вносили и выносили парашу, баланду. Дневной свет в камеру не поступал, под потолком горела тусклая электролампа днём и ночью. Свежий воздух тоже не поступал в помещение. В одном углу камеры стояла параша, которую выносили после её заполнения. Воздух был невероятно тяжёлый. Горячую пищу (баланду) давали в обед. Это была похлёбка, сваренная из нечищенных овощей, рубленных лопатой; давали черпак, примерно 600-700 г. Утром давали хлеб, грамм 120, из расчёта одну буханочку, грамм 600, на 5 чело-

век. Для точности буханку взвешивали самодельными весами, сделанными из двух спичек, подвешенных на нитке к коромыслу.

Основной бич для заключённых были вши и клопы, которые буквально нас заедали. Никаких мер антисанитарии не проводилось. Смертность косила людей, умирали от истощения, кровавого поноса. У кого что было из одежды, меняли на лагерном базаре на еду. В камере были моряки-севастопольцы, попавшие в плен после его падения. Их ненавидели охранники, может быть, поэтому к нам было такое отношение. Было много легко раненых, им не оказывали никакой медицинской помощи. Заключённые старались всё время спать или дремать, так легче было переносить голод. К голоду можно привыкнуть, знаю по опыту. Тяжело переносятся первые 10-15 дней, потом организм вытягивается, привыкает, сокращается желудок в объёме, и смерть наступает в зависимости от состояния организма. Карантин был определён сроком в один месяц, если за это время не возникали эпидемии.

Когда пошли слухи, что лагерь будет эвакуироваться, заключённые начали делать какие-то запасы, зная, что в этапах больше всего шансов погибнуть. Конечно, я описываю вкратце лагерную жизнь, потому что показать общую картину просто невозможно. Люди опускались до самого дна, превращаясь в животных. Немцы делали всё, чтобы уничтожить в человеке всё человеческое. Об этих зверствах мы никогда не должны забывать.

Находясь в камере, у меня не было надежд на спасение. Я так же, как и все, терял силы, так же спал целые сутки. Поскольку мы были заразные, на работу нас не гоняли, а там был хоть какой-то шанс побега.

Очевидно, так устроен человек – не верить до конца, что использованы все возможности для спасения. И вот, когда я услышал о том, что лагерь будет эвакуироваться, у меня появилась надежда, хоть и не большая, хотелось верить, что мне удастся устроить побег, если возникнет случай. Я знал, что ни перед чем не остановлюсь, выбора у меня не было. Я продолжаю свои воспоминания этого дня.

Нас распределили по вагонам. Полицаи проинструктировали нас, чтобы мы не думали о побеге, отвечать будет весь вагон. Полицай сказал всем опраться, в пути двери открываться не будут. Мы спустились в кювет, расположились, я поднял голову и увидел перед собой окно вагона. Увидел, и во мне всё затрепетало. Окно было снаружи забито колючей проволокой в три ряда по горизонтали и вертикали, гвоздями, загнутыми в стенки. Сразу заработала мысль, можно оторвать проволоку, она некрепко прибита. Первое что надо сделать – занять место возле окна. Началась посадка, давка, ругань, я пробиваюсь, занимаю место под окном, сажусь на карточки, людей набито столько, что невозможно повернуться.

Состав тронулся, мы поехали, застучали стыки, залязгали буфера, затарахтели сотни банок (наша посуда), вагон успокоился, многие приготвились ко сну. Однако через некоторое время я услышал сквозь шум, что в вагоне начался спор. Очевидно, что не я один увидел, как забито окно, наверное, у многих появилась такая мысль, что можно воспользоваться этим и совершить побег. Спор возник между теми, кто предлагал организовать побег и противниками каких-либо действий. Против были те, кто физически не мог решиться на такое предприятие, а таких было большин-

ство. Они говорили, что в Германии, куда нас везут, будет неплохо, будет работа и вообще эта затея нереальная – прыгать на ходу вагона. Можно наскочить на станцию, на разъезд, очевидно, что дорога охраняется. Были заявления, что будут стучать и вызывать охрану на остановках, если увидят, что кто-то собирается что-то предпринимать. Постепенно спор затих, усталость, голод взяли своё, люди начали засыпать. И незаметно для себя я тоже уснул.

Я всегда задаю себе один и тот же вопрос: совершил бы я побег, если бы мне не создали для этого условия, если бы меня не разбудили. Я никогда не отрывал колючую проволоку, у меня не было опыта вылезать из окна и прыгать на ходу поезда. У меня было только страстное желание получить свободу, сохранить жизнь. И я себе чистосердечно отвечаю, что без помощи, которая неожиданно пришла мне, я не смог бы совершить побег. Я бы просто проспал эту возможность, а утром, проснувшись, мы были где-то в Польше, и вопрос о побеге оказался бы вообще нереальным. Но мне, очевидно, как уже не раз, не суждено было погибнуть.

Глубокой ночью, сквозь сон я услышал, как кто-то сказал: «Подвинься». И я, не прерывая свой сон, автоматически, как сидел на корточках возле стенки вагона, повернулся, на кого-то облокотился, продолжал спать. И вот вдруг, меня как-будто что-то толкнуло. Я проснулся, открыл глаза, увидел окно, оно мне показалось странным. Постепенно до меня дошло, что я вижу через него чистое зимнее небо, звёзды. На окне не было колючей проволоки. Рядом стоял человек. Увидев, что я проснулся, он тихо сказал: «Давай, помогай, проволока оторвана, но зависла на нижнем ряде, я не

смог оторвать, поранил руки». Дал мне тряпки, заматал руки. Я начал отрывать, но не смог ничего сделать, низ был прибит крепко. Это был решающий момент, надо было принять какое-то решение. И мой напарник (я так буду его называть в дальнейшем) нашёл это решение. На мне была старая шинель. Он предложил мне её снять и перекинуть одну полу через окно, накрыв, таким образом, болтающийся пучок проволоки.

Перед тем, как вылезать из окна, он меня проинструктировал, в какой последовательности нужно просунуть голову, руки, ноги и как прыгать. Надо отметить ещё одну подробность, которая сыграла большую роль в успешном выполнении задуманного. Наш состав, в котором мы ехали, состоял из советских товарняков-телятников и немецких грузовых вагонов. Немцы к тому времени пустили свои вагоны по нашим путям. У немецких вагонов была конструкция другая. Это были металлические вагоны, у них сзади возвышалась над вагоном тормозная будка для кондуктора, в котором сидела охрана. Нам очень повезло. Нам попался наш вагон. Немецкий вагон был сзади нашего вагона. Охрана не могла видеть в будке, как мы вылезали из окна.

Первым вылез мой напарник. Он мне объяснил, что нужно вначале высунуть руку и голову, вытащить одну ногу, потом нащупать на углу вагона скобу на уровне окна, вылезть полностью из вагона и ногой нащупать вторую скобу, которая находилась внизу на уровне буфера, и прейти на буфер. Мне было сказано, что прыгать только тогда, когда состав пойдёт на подъём и уменьшит скорость, иначе можно разбиться. Я стою на буфере на одной стороне вагона, он – с другой стороны, состав мчится с большой скоростью, в это вре-

мя охрана пускает осветительную ракету, становится светло как днём. Я смотрю за угол вагона – пола моей шинели мотается на ветру над вагоном. Дотягиваюсь и срываю шинель, она падает на землю (о чём потом я очень сожалел). Сквозь металлический лязг и грохот я слышу крик: «Прыгай!». Прыгнул так, что упал почти горизонтально на бровку, чудом не ударился об шпалы, ударился сильно бедром, но боли не чувствую. Лежу, в это время снова пускают осветительную ракету, я вижу, как удаляется последний вагон нашего состава, становится темно. Встаю, ко мне подбегает напарник, назову его спасителем и не ошибусь. Мы обнимаемся, смеёмся, а может, и плачем, ночью ничего не видно, и бегом от железнодорожного полотна в расположенный рядом лесок.

Радость такая, что невозможно передать. Не верится, что ушли от такой опасности, что всё уже позади: и этот трижды проклятый лагерь, и то, что нас не повезут в Германию. Такое чувство, как будто снова я родился на свет. Поэтому я и начал с того, что есть дни, которые бывают вторым днём рождения и запоминаются нам на всю жизнь. Я сейчас уже очень пожилой человек, мне 70 лет, а тогда мне был 21, а всё помню до мельчайших подробностей.

Однако тут нас подстерегает другая опасность. Начинаем чувствовать холод, здесь зима в разгаре, мороз и снег. Мы почти раздеты, обувь никуда не годится, организм обессилен. Однако настроение не падает, всё нипочём, какая-то уверенность, что обязательно найдём выход, дойдём до жилья, отогреемся и нас накормят. После того, что было, уже ничего не страшно. Быстро идём. Примерно через полчаса слышим лай собак. Всё, есть надежда, где-то жильё, где-

то люди. Немного времени прошло, увидели какие-то строения, потянуло теплом. Подошли поближе, увидели открытую дверь, оказалась конюшня. В конце неё горит светильник, стоят лошади, мерно жуют сено. Конюх, видно, вышел. Сразу принимаем решение: залезть в свободные ясли, зарыться в сено и спать, и больше ничего уже не хотелось после всего пережитого за эти сутки.

Здесь тоже не обошлось без «приключений». Пробуждение моё было странным. Надо мной стояло несколько мужчин и женщин. Один из них держал в руках вилы, лицо было испуганное. Слышу, он рассказывает по-украински с сильным западным акцентом. Разбираю: он дежурил ночью, решил подложить лошадям сена. Наколол хорошую охапку, поднял и увидел, что внизу спит человек, испугался, как он выразился, вилы прошли в «пиввершка» от моей головы. Увидев, что я проснулся, начались расспросы – кто, откуда. Помню, что это событие не дошло до меня, не произвело на меня особого впечатления. Самое главное было сделано – ушли от смертельной опасности, в этом заключалось всё.

Посмеялись, помогли им найти (откопать) моего товарища. Находим второго, и вот мы уже вдвоём отвечаем на вопросы. Нас поят, кормят, вкус этой еды мы уже давно забыли. Конечно, расскажешь не всё, что можно, правду в то время никто не раскрывал. И тут один мужик говорит нам: «А вы, хлопцы, случайно не с того эшелона, который ночью проходил через нашу станцию. Немцы такой переполох учинили, подняли стрельбу». Тогда я понял, что кроме нас ещё были рискованные ребята, которые последовали нашему примеру и совершили побег. Потом нас разобрали по ха-

там. Больше моего спасителя я не видел, как его зовут не знаю, тогда не было принято спрашивать фамилии, правду о себе никто не открывал.

Так закончился мой побег из Херсонского концлагеря. Было ещё много дорог впереди, много меня подстерегало опасностей. Был переход через линию фронта в расположение наших войск, сидел в спецлагерях, проходил госпроверку органами СМЕРШ. Ещё много было тяжёлых испытаний, которые выпали на мою долю, но день 3 марта, этот весенний тёплый день в Херсоне, когда за полгода впервые увидел чистое небо и глотнул свежего воздуха, навсегда останется в моей памяти испытаний.

*А.Н. Карлин,
г. Кременчуг Полтавской обл., январь 1993 г.*

Любкин Михаил Давидович.

**Свидетельствует о своём пребывании
в немецких концлагерях.**

Воспоминания.

(Период с 1941 г. по сентябрь 1945 г.)

Я – Любкин Михаил Давидович.

04.10.1927 г. – день моего рождения. Место рождения – г. Новозыбков Брянской области.

Родители: отец – выходец из еврейской религиозной семьи; мать – из рабочей еврейской семьи.
18.02.1942 г. – день второго рождения.

В августе 1941 г. г. Злынка был оккупирован фашистами, а моя семья отправлена в гетто. 18.02.1942 г. мать, два брата и сестра были расстреляны. Мне удалось бежать. Отец в это время находился в действующей армии. Во время расстрела я находился приблизительно в 50-ти метрах от места. Слышал выстрелы и крики детей: «Дяденька, дяденька, не убивай меня». Месяц скитаний по Брянской и Сумской областям закончился арестом возле г. Сураж Брянской области. Затем Суражский КПЗ и отправка с эшеленом пленных и гражданских лиц в Германию.

Март 1942 г., г. Дрезден, распределительный лагерь. Меня купил бауэр по фамилии Альфред Кнабе, член нацистской партии, у которого я проработал сельскохозяйственным рабочим около 2-х месяцев. Общался с хозяином, т.к. понимал разговор и отвечал на все его вопросы. Однако при первой возможности я сбежал. После нескольких дней скитания был пойман в районе Дрездена и отправлен в тюрьму города.

Май 1942 г. – день третьего рождения.

Тюрьма, камера, человек 20 заключённых разной национальности, в которой можно стоять или сидеть по очереди. Однажды, вдруг открывается дверь и в камеру вталкивают прилично одетого человека средних лет со словами: «это еврей-капиталист», и ему говорят: «посмотрим, как тебя встретят друзья-партийцы». Гражданин пытался найти общий язык с присутствующими, доказывал, что он простой рабочий, сапожник, показывал свои мозолистые руки. Но напрасно. Его стали оскорблять, унижать, раздели, забрали все вещи и одели в рваньё. Вновь открывается дверь. Надзиратели выталкивают его со словами: «Как, понравились тебе твои единомышленники?».

Допрос. Допрашивал следователь эстонец, хорошо владеющий русским. На допросе нас было трое. Помню фамилии ребят: Калинин, Лесницкий, а я назвался Григорием Зыковым. Я прошёл допрос «благополучно», получив за пионера дубинкой по спине. Калинина подвела фамилия – «ты еврей, снимай брюки», но прошло благополучно. Вновь камера, затем баня, где я попался. Надзиратель опознал мою национальную принадлежность. Получив хорошую оплеуху, был доставлен в кабинет немецкой тюрьмы. Там сидела темноволосая женщина с повязкой на рукаве. Позже я узнал, что это тюремный врач – еврейка. Он с ней переговорил, затем вызвал надзирателя и меня перевели в другую камеру, где готовился этап для отправки в концлагерь. Утром нас погрузили в машины и отвезли в концлагерь под названием «Бригс», находящийся в горах Судеты. Это граница Германии и Чехословакии. В первый день нашего пребывания в лагере нас построили на плацу в ряд по несколько человек. Заставили присесть на корточки и прыгать, как жабки.

Эсесман подгонял нас длиной палкой с криком «цок, цок». Прыгали до изнеможения. В дальнейшем этого эсесмана так и звали: «цок, цок». В лагере пробыл около года. Работал грузчиком в штольне на погрузке и транспортировке горной породы на поверхность. Штольни предназначались для военных целей: строились ангары и другие объекты. Американцы бомбили эти сооружения, сбросив бомбы большой мощности, но результатов не достигли. В «Бригсе» мне был присвоен лагерный номер «3969».

1943 г. Переправлен в г. Гайденау для работы на заводе, где работал на конвейере в качестве нарезчика резьбы на казенниках для орудий.

1944 г. Вновь бежал в результате конфликта с командантом заводского лагеря. Причина – попался на воровстве сырья для производства шоколада. До войны завод изготавливал кондитерские изделия. Был сильно избит и посажен в карцер. Опять побег с тремя ребятами. Нашли решение – самый близкий и безопасный путь через Чехословакию. Благополучно добрались до границы, перешли её. Чехи встречали и провожали нас как друзей. Давали еду и указывали безопасный путь и где можно переночевать. В населённые пункты мы не заходили. В Чехии мы разделились и вдвоём пошли на восток в сторону Карпат. Но, в конце концов, мы потеряли осторожность, за что и поплатились. Нас арестовали жандармы. Так мы попали в гестапо г. Кладно. Везде на допросах мы отвечали, что отстали от транспорта. Затем нас отправили в крепость-концлагерь «Терезин», построенную Марией Терезией, недалеко от города Терезенштадт (немецкое название). Терезенштадт – город-гетто, в который были согнаны евреи Чехословакии.

Первый день. Первые впечатления прибытия. Утро. Нас человек 20, которых построили в ряд. Мимо нас проезжает двуколка, запряжённая людьми, нагруженная трупами без одежды. Затем допрос, регистрация, отметка о наличии золотых коронок и примет на теле. В дальнейшем каждое утро проводился сбор трупов похоронной командой, состоящей из евреев гетто. В крепости содержались заключённые разных национальностей: русские, чехи, англичане, французы, которым иногда помогал Красный Крест. Русские и чехи не пользовались этими привилегиями. Кормили нас баландой, в основном, из костной муки. Русскую часть постоянно направляли работать на погрузку и разгрузку барж, где иногда нам перепало чего-нибудь съестного. На работу нас водили через город-гетто. Обувь была у нас на деревянной подошве, назывались трепы. Можно себе представить, когда идёт целая колонна в этой обуви. Иногда мы выгружали соль, козеин, тогда у нас был праздник, что нас поддерживало.

28-30 апреля 1945 г. город-гетто и наш концлагерь-гетто Терезин были освобождены местным Сопротивлением. Узники гетто остались живы. Радость и ликование освобождённых людей от многолетнего заключения.

5 мая 1945 г. – наконец, свобода. Но насладиться пришлось позднее. Прага, госпиталь, лечение, выздоровление. Затем был направлен для работы в комендатуру г. Герлиц, Германия. Следил за демонтажем и отправкой заводского оборудования в СССР.

Сентябрь 1945 г. Был назначен старшим для сопровождения женщин-репатрианток во Львов.

Затем возвращение в г. Злынку. Встреча с отцом – инвалидом войны. Возможно ли описать радость встречи?

Это краткое описание моего пребывания на территории Германии и Чехословакии. В действительности это целая повесть, которую можно охарактеризовать как детство, опаленное войной. Детство прошло в борьбе за жизнь, а старость проходит в борьбе за выживание.

*М.Д. Любкин,
г. Днепропетровск, апрель 1998 г.*

Степанская Людмила Борисовна.

***Свидетельствует о пребывании в
концлагере г.Рига её матери.***

Я, Степанская Людмила Борисовна, родилась в 1941 году (месяц и число неизвестно) в одном из концлагерей г. Рига. Отец мой, Степанский Борис Лазаревич – кадровый офицер Советской Армии, старший политрук, участник финских боёв. В 1940 г. вместе со штабом был направлен в г. Рига. Моя мать, Степанская Елизавета Владимировна, работала до 1940 г. бухгалтером. По назначению моего отца они вместе выехали в г. Рига, где и застала их война. Отец был отозван в полк, а мама попала в концлагерь, где родила меня, и находилась там до тех пор, пока их не освободили советские войска. Мама моя на почве страха, ужаса и всего пережитого сошла с ума.

До Днепропетровска нам помогли добраться члены семей из комсостава. Мне было всего 3,5 года. Привезли нас к маминим родителям, которых не оказалось в живых. Они были расстреляны немцами в 1941 г. Тогда разыскали родителей отца, и мы остались там жить. Но мама была настолько больна, что были вынуждены сдать её в психиатрическую больницу на Игрень, где она 21 октября 1947 г. умерла.

Свидетельства о моём рождении у меня не было, так как я родилась в концлагере. Свидетельство о рождении было восстановлено медицинской экспертизой больницы им. Мечникова только в 1947 г. Росла я сиротой, дедушка и бабушка были в преклонном возрасте и уделять мне должного внимания у них не было сил. Относились они ко мне хорошо, но тепла родителей мне не хватало. Я очень чувствовала отсутствие родителей, когда пошла в школу. Детей при-

водили в школу папы, мамы, а я везде сама, и часто учителя обнимут меня и скажут: «ты же наша сирота». Я очень часто плакала. Когда я окончила школу, то к этому времени умерли дедушка и бабушка. Затем я окончила профессионально-техническое училище и всю трудовую жизнь проработала на Днепропетровском почтамте.

*Л.Б. Степанская,
г. Днепропетровск*

Розенфельд Михаил.

Свидетельствует о гибели евреев местечка Ялтушков.

Я, Розенфельд Михаил, родился 15.09.1937 года в селе (местечке) Ялтушков Винницкой области Барского района. Находился в гетто Ялтушкова с июля 1941 по 15 октября 1942 года. После бегства с матерью из Ялтушкова находился в гетто г. Копайгород Винницкой области до марта 1944 г.

Мой отец, Розенфельд Самуил Ихилевич, 1906 г. рождения, погиб в гетто Ялтушкова 15 октября 1942 года. Место захоронения – братская могила узников гетто в пяти км от Ялтушкова.

Мой брат, Розенфельд Моисей Самуилович, 1928 г. рождения, погиб в гетто, в той же братской могиле.

Мать, Розенфельд Дора Менделевна (в девичестве Вильнер) родилась 12 января 1908 г. Умерла 21.02.1974 г. Похоронена на кладбище с. Ялтушков.

Немцы пришли в Ялтушков уже в начале июля 1941 г. Передовые части были настроены весьма миролюбиво. Помня первую оккупацию 1918 г., весь люд Ялтушкова – украинцы и евреи, решили, что у страха глаза велики и при немцах можно будет жить.

С самого начала войны по дороге, которая пересекает Ялтушков пополам, двигались бесконечные колонны беженцев. Шли бесконечные разговоры о необходимости отъезда. Но куда? Организованной эвакуации не было. Боязнь голода и неизвестность лишали людей воли. Отец оставался с нами, т.к. из-за сильной близорукости он не был военнообязанным. Поскольку немцы наступали с фантастической скоростью, практически все евреи остались в Ялтушкове.

Вскоре, после прихода передовых частей, немецкая жандармерия и созданные в спешном порядке подразделения шуцманов (полицаяв из местного населения), стали спешно организовывать гетто в центре местечка. За колючую проволоку была свезена также часть евреев из окрестных сел.

Подробности нашей жизни в гетто я плохо помню, но несколько фрагментов врезались в память навсегда.

...Я со старшим братом играю в мяч, мяч откатывается к колючей проволоке. Я бегу за ним. Раздается выстрел. До конца не поняв, что произошло, убегаю назад, интуитивно чувствую что-то нехорошее. Хотел ли меня убить охранник или поугагать – мне не дано знать. Сейчас думаю, если бы он хотел меня застрелить – не промахнулся бы.

...Помню бесконечные построения в колонны взрослых, которых гнали на работу. Радость от прихода отца – он всегда что-то выменивал. Помню скученность людей в нашем доме, но мне, кажется, это нравилась.

Жили мы в полной изоляции, местным жителям запрещалось общаться с нами. Но какая-то подпольная торговля шла, и это позволило просуществовать до октября 1942 года. Вместе с торговлей в гетто просачивались слухи об уничтожении евреев в других городах и селах.

Многие им не верили, большинство не хотело верить. Мать рассказывала, что накануне массовой акции 15 октября 1942 года появилось объявление о перемещении евреев гетто Ялтушкова, включая стариков и малолетних, в другое место. Сбор был назначен у ворот гетто на утро 14 октября 1942 г. По рас-

сказам очевидцев, в колонне собравшихся было около 1000 евреев. После длительного прочесывания гетто и поиска прятавшихся, колонну увели на сахарный завод, где люди провели ночь в прирельсовых складах. Очевидно, многие уверовали в утреннюю посадку на поезд для отъезда. Однако рано утром их увели к урочищу в 5-ти км от Ялтушкова, недалеко от железной дороги сахзавода – Станция Бар, и там расстреляли. Как рассказывают очевидцы, в живых не осталось никого. Среди погибших были мои отец и старший брат.

Где в то время были мы с матерью? Отец, вероятно, догадывался о цели сбора и, уходя, спрятал мать и меня в деревянной бочке для засолки, стоявшей в сарае, который примыкал к дому. В бочке мы просидели три дня. Октябрь был холодным и дождливым. Помню жуткую тесноту, холод и голод, жажду и непрерывные разговоры шуцманов, которые искали золото, драгоценности, дорогие вещи. Многое выменивалось на продукты. Они страшно ругались, если не находили чего-то особенного.

В один из этих дней мы услышали тихую речь на идиш, помню женский голос. Кто-то тоже спрятался в другом конце сарая, за перегородкой. Неожиданно что-то упало, на шум прибежали шуцманы. Сначала увели женщину, а через некоторое время вернулись за нами: очевидно, женщина на дознании сказала о нас. Мать, сидя в сарае, с ней переговаривалась. Помню дикую ругань, крик, мать бьют прикладом. После бочки на улице светло, ветер разносит пух проколотых подушек и перин. До сих пор перед глазами картина: я и мама, шуцманы по бокам, старший немец. Нас ведут по пустынной улице гетто в управу. Немцев не видно,

вероятно, уехали в другое местечко проводить свои акции.

Нас проводят к начальнику шуцманов Антонюку (я запомнил эту фамилию, т.к. после войны Антонюк во главе небольшой банды еще год или полтора терроризировали местное население. Помню, после поимки, его труп был выброшен на площадь перед сельсоветом, чтобы все убедились в смерти убийцы и грабителя).

Помню, Антонюк сидит, а мы стоим перед ним, и мать его просит отпустить нас (нашу семью многие знали в Ялтушкове и окрестности. На похороны матери в 1974 году собралось много людей из соседних сел. Они проводили ее на еврейское кладбище). Антонюк приказал запереть нас в сарае управы, чтобы назавтра, по приезду немцев, решить вопрос о нашей ликвидации. А мать еще пытается узнать у Антонюка о судьбе отца и брата, остальных близких. В ответ – презрительное молчание.

В сарае мы в состоянии протрации, ничего не ждем. Сыро, холодно, страшно в надвигающейся ночи. Мать рассказывала, что я все сносил молча, не плакал. Неожиданно раздаются шаги. Мы в ужасе. Открывается защелка, шаги удаляются. Мать подходит к двери – она открыта. Мы быстро встаем, тихо и осторожно уходим с тыльной стороны управы. Но куда? Скорей из Ялтушкова. После войны мать пыталась разгадать загадку нашего чудесного спасения. Пожалуй, эта тайна так и останется неразгаданной. Мать предполагала, что сделать это мог знакомый отца, которого она видела среди полицаев. Он подал ей знак, чтобы она его не признала. Фамилия его не осталась в памяти, он погиб в войну, мне неизвестно на чьей стороне.

Мы ушли в ночь. Потом, став взрослым, я пытался восстановить маршрут спасения. Помню, к кому-то зашли, нам дали какую-то одежду, и мы по задворкам Ялтушкова стали уходить по дороге в Бар. Мать стремилась в село Черемисы, где до войны работал отец, и его там все знали. Цельных воспоминаний об этом бегстве у меня нет.

Следует написать, что район, в котором мы жили, так называемая зона Транснистрии. Часть ее территории принадлежала румынам. К слову, большинству евреев удалось пережить Катастрофу, выжить благодаря румынской зоне оккупации Транснистрии. Очевидно, мать это знала, потому и стремилась туда. Землей обетованной для нас должен был стать г. Копайгород, что примерно в 30 км от Ялтушкова. Предстояло в холодную, сырую погоду пересечь опасное, полное немецких патрулей пространство, перейти охраняемую, в некоторых местах в колючей проволоке, границу без еды, знания местности, в дырявой одежде и разбитой обуви. Но нас вело чудо и доброе отношение крестьян. Еще раз должен с сожалением констатировать, что фамилий и имен не помню.

Память сохранила некоторые эпизоды нашего похода.

Мы идем по дороге в крестьянской толпе – тогда многие передвигались пешком по дорогам. Навстречу – немцы. К счастью не жандармерия. Вычислив нас из толпы, спрашивают: «Юден?», «Нет, нет, избави бог», – крестится мать, пряча меня за спину и еще больше закутывая в плащ и закрывая лицо. Рассказывая этот случай после войны, мать говорила, что немец обратил внимание на меня.

Мы проходим через какое-то село. Вдруг ватага сельских мальчишек с оглушающими и леденящими душу криками: «Жи́ды идут!» До сих пор слышу их крики. Они прыгают вокруг нас, кидаются грязью. Мы – изгои. Вскоре на их крики появляется шуцман. Правда, он не в себе – сильно пьян. Но кто мы – понимает и хочет вести в управу соседнего села. Мы идем по селу. Все больше людей выходят на сельскую улицу посмотреть, что происходит. Многие осуждают поступок полицая. «Куда ты их ведешь, видпусты, воны ж люди», – и сейчас звучат в ушах их голоса.

В одном доме его приглашают выпить. Он не может отказаться. «А – ци?» – спрашивает он, указывая на нас. Крестьяне обещают сторожить нас. Как только он заходит в дом, нам говорят, чтобы мы быстрее уходили в сторону леса.

Ночь. Мы в лесу. Где-то граница румынской зоны оккупации. Лесные звуки, шорохи. Страшно. Ждем рассвета, чтобы где-то перейти границу. Днем мать видела колючую проволоку и часовых. Рассвет приходит с туманом. Это наше спасение. Нас не видно, и мы можем искать проход в проволочном ограждении. На наше счастье выходим к реке. Это тоже граница. Мать не умеет плавать, надо искать брод. Раздеваясь, она спокойно говорит, что если утонет, то я должен идти по дороге к ближайшему селу. Я также спокойно соглашаюсь. Состояние полного безразличия. Вижу, как мать входит в речку, вот вода уже дошла ей до подбородка, еще мгновение – и она скроется под водой. Но этого не происходит, и мать возвращается ко мне. Брод найден, но мы еще не знаем, что это спасение, за рекой – жизнь.

Быстро, насколько хватает сил, идем дальше. Непрерывно мучают нас голод и холод. Неожиданно появляются какие-то люди на повозке. Мы просим нас подвести. В разговоре выясняется, что хозяин повозки, старик с костылем (запомнившаяся деталь), знает моего дедушку-мельника. Он дает нам поесть. В каком-то сарае мы ночуем вместе с ними. Мать готовит им еду. Рано утром уходим. Вскоре показывается спасительный Копайгород.

Хорошо помню, что в Копайгороде мы встретили семью Файнгутов, которой удалось бежать из гетто Ялтушкова до массовых акций уничтожения евреев.

Для евреев Копайгорода румыны также организовали гетто, но без жесткой охраны. Это был район только для евреев. Голод, скученность, завшивленность, тиф, издевательства румын.

О судьбе наших родных мы не знали, но верить в их гибель не хотелось, надеялись на чудо: мы спаслись, может, и им повезло. Из-за нищеты мать отправила меня в детдом при гетто, надеясь, что там я буду хотя бы сыт. Но там старшие дети отбирали еду у младших, били нас и т.д. Вскоре мать меня забрала оттуда.

Хорошо помню охвативший меня ужас, когда мы с мальчишками пошли на базар что-нибудь украсть съестное и я увидел там немцев. Бежал обратно, не чуя под собой ног.

Из вкусовых ощущений в гетто я запомнил на всю жизнь горечь картофельных очисток.

Помню страх, охвативший всех обитателей гетто, когда возник слух, что румыны собираются уничтожить евреев. Скорее всего, это было перед освобождением. Помню, мать говорила, что из детдома Красный крест

забирал детей в Палестину. Вроде бы отправка должна была быть пароходом. Мать меня не отпустила.

Помню ужасную тишину перед приходом Красной Армии, радость от встречи, горечь оттого, что среди бойцов нет моего отца.

В марте 1944 года мы узнали, что освобожден Ялтушков, и отправились домой. Радость возвращения, горькая правда о гибели близких, сожженный дом, отсутствие средств к существованию – все смешалось, но жизнь требовала своего. Вокруг начиналась новая жизнь.

До войны Ялтушков считался крупным селом (сахзавод, МТС, бондарня). Помимо украинского и польского населения здесь жили, по некоторым воспоминаниям, от 1,5 до 3 тыс. евреев (в разное время). Считается, что в братских могилах похоронено свыше 1000 человек.

После войны сюда возвратились из эвакуации, приехали из других разоренных местечек несколько еврейских семей. Вернулись две семьи, чудом спасшиеся (мы и семья Файнгутов). Всего после войны в Ялтушкове жило где-то 20 еврейских семей.

Сейчас Ялтушков «юден фрай» – евреи там не живут. Старики умерли, молодежь уехала. Мне кажется, что я последний свидетель Катастрофы евреев Ялтушкова.

Мои воспоминания о гибели гетто фрагментарны. Пять лет – это недостаточный возраст для запоминания и анализа. Но один вывод я могу сделать по своему личному опыту: дети – это маленькие люди, которые, как и взрослые, чувствуют экстремальные условия, в особенности, страх смерти.

Это чувство преследовало меня долгие годы в сновидениях. Я пережил состояние страха быть убитым десятки раз за время моего детства, отрочества и зрелости.

О времени Катастрофы написано много, особенно в последние годы, добавить от себя что-либо трудно. Возможно, в Яд Вашем собрано все. Пусть все эти воспоминания станут частью истории гибели евреев местечек Украины.

Мир праху вашему, безвинно погибшие в Катастрофе.

*Розенфельд Михаил Самойлович,
кандидат технических наук,
доцент, ученый секретарь
Луганского филиала Государственного
научно-исследовательского института
строительных конструкций,
апрель, 2008 г.*

Батрин Борис Миронович.

**Свидетельствует о пребывании
на оккупированной территории
в г. Первомайск Одесской области
(сейчас Николаевская обл.) в гетто,
организованном неофициально
местным гебитскомиссариатом.**

Мой «Холокост» начался ещё до моего рождения – в 1927 году, так как мой отец, Батрин Мирон Акимович, будучи военным служащим в г. Балта Одесской обл., стал свидетелем погрома евреев. Поэтому, переехав в г. Первомайск Одесской области со своим полком, он там, женившись на Полянской Александре (Суре) Семёновне, еврейке, смог переписать её в документах как украинку.

Так, 19-го мая 1928 года появился я и был записан как украинец, но с очень типичным еврейским лицом.

В 1938 году мой отец был арестован по 58 статье.

Нас с матерью выселили из дома и поселили в комнату на окраине города в доме, где жили местные немцы, которые работали в пригородном колхозе.

Это была большая и дружная семья из пяти человек, к сожалению, фамилии их я не запомнил.

Семья состояла из отца, матери и трёх сыновей: Адольфа, Рейндгольда и старшего сына, которого по имени не запомнил, так как он был намного старше меня и поэтому я с ним почти не общался.

С первых дней нашей общей жизни в этом доме мы быстро подружились и жили почти одной семьёй.

В самом начале войны колхозников, немцев, сразу стали насильственно увозить в глубь страны, а наши соседи не захотели уезжать, и когда за ними пришли

военные люди, мы с моей мамой спрятали их в своей комнате и сказали военным, что соседи уже уехали.

Через две недели фашисты заняли г. Первомайск. Мы с мамой смогли уйти от города только за двадцать пять километров, так как мы шли пешком. Нас вернули в город после завершения уборки хлеба, в которой нас с матерью заставили участвовать в селе Семёновка, где нас догнали.

Когда мы вернулись в город, то узнали, что всех оставшихся в городе евреев расстреляли.

С первых же дней оккупации начались мои «общения» с представителями новой власти.

В 1941 году мне было 13 лет, но ростом я был немного выше обычного и поэтому выглядел гораздо старше.

Это принесло мне много неприятностей. Надо было как-то жить, что-то есть, а значит – выходить в город, добывать пропитание и встречать на улицах города фашистов, среди которых встречались офицеры. И тогда почти каждый раз наши встречи заканчивались «юд, ком!», а дальше каждый раз почти одно и то же: сначала пилка дров и наполнение многих ёмкостей в доме офицера водой, из отдельных, далеко расположенных колодцев с пресной «сладкой» водой, так как большинство колодцев в городе были с солёной водой.

После этого меня сдавали в фельджандармерию или полицию. Тогда моя мама бежала к Рейнгольду, который теперь работал переводчиком в комендатуре, и меня освобождали. Так продолжалось много раз, но каждый раз всё жёстче и жёстче обращались со мной вновь прибывающие в город офицеры, вплоть до попыток расстрела на месте.

И тогда мы с мамой решили уйти к румынам, которые, по слухам, к евреям относятся более лояльно.

А румыны были на другой стороне речки Буг, которая делила город на две части, и по ней проходила «граница» между Германией и Румынией, так называемая «Транснистрия» (боюсь ошибиться в правильности названия).

Дождавшись ледостава на реке, мы с матерью сшили из простыни капюшон, отправились к реке ночью и я, попрощавшись с мамой, накинул на голову капюшон, по-пластунски пополз по льду на другой берег. Однако радоваться скорой свободе было рано, так как по неопытности мы не проследили за движением пограничников, которые ходили с собакой вдоль берега, и когда они дошли до того места, где я пополз по льду, собака пошла по моему следу и меня опять потащили в фельджандармерию, при этом не жалели прикладов своих автоматов, подталкивая ими мою спину и голову.

После допроса «с пристрастием» меня отправили в комендатуру, где, с помощью полицейских, мне устроили «экзекуцию» – положили на широкую лавку и нанесли 25 ударов резиновым шлангом по спине, и бросили в погреб до отправки в лагерь или на расстрел.

На моё счастье в нашем городе был назначен «головой» города местный немец Фриц Яковлевич (фамилии не помню), который до войны был учителем немецкого языка в школе, где учился мой двоюродный брат Владимир, который был старостой класса, а Фриц Яковлевич классным руководителем этого класса.

Моя мать с Рейнгольдом пошли к Фрицу Яковлевичу и рассказали о моей «истории».

У Рейнгольда возникла мысль передать меня в местное гетто, организованное при гебитскомиссариате, так кажется называлась высшая власть в городе.

К счастью, эта мысль Рейндгольда удалась, и я был направлен в гетто, где заместителем начальника был второй брат Рейнгольда – Адольф.

Конечно, гетто было не очень официальным, так как было создано для обслуживания местной администрации.

Здесь были собраны евреи, специалисты высокой квалификации, необходимые в хозяйстве мастера.

Главными специалистами были: сапожники, портные, парикмахеры, слесари, автомеханики, стекольщики и еще всякие необходимые рабочие люди.

Да, автомеханики были из военнопленных. Гетто находилось между гебиткомиссариатом и «солдатенгайм» (soldatenhajn), кажется, так он назывался, это соседство нам очень помогло в будущем.

Все обитатели гетто были в основном пожилые люди, и они меня приняли очень хорошо, я был там вроде сына полка и с особым покровительством помощника «фюрера».

Так как здесь должны быть все «специалисты», то меня отдали в ученики к сапожникам, потому что они никуда не ходили и были всегда относительно в тепле и в помещении.

За пределы помещения ходили очень редко и под конвоем, но охраны гетто не хватало для конвоя, и нашему «фюреру», начальнику гетто, приходилось просить у своего руководства солдат для охраны уходящих на работы в город, в чём ему часто отказывали.

Порядок в гетто поддерживался начальником гетто, который требовал от нас, чтобы мы называли его

«Гер комендант», а про себя мы его звали презрительно «хер-фюрер».

Распорядок дня соблюдался очень строго, а главное, построение и переключка были по три раза в день, а иногда и чаще, и каждый раз производился досмотр вещей.

Наколок на руки нам не делали, только на всей одежде, даже на нижнем белье, должен был быть нашит жёлтый, матерчатый кружок, в центре которого должен был быть номер, присвоенный каждому. На верхней одежде кружки должны были быть на груди и на спине.

Фамилий мы не должны были знать и обращались друг к другу по номерам, так было установлено, и когда кто-то случайно называл соседа по имени при «фюрере» или его помощнике, то получали наказания в виде лишения обеда или ужина, а это было переносить очень тяжело, так как то, что называлось обедом и ужином, можно было считать едой довольно условно, по крайней мере, пока помощник «фюрера» Адольф не организовал подсобное хозяйство – откорм свиней на отходах пищеблока (солдатенгайма) солдатского клуба.

Помещение для свиней оборудовали рядом с нами, это сначала нас огорчило, но потом мы были довольны, и, пожалуй, большинство доживших до наступления Красной Армии на город Первомайск были благодарны такому соседству, так как от отходов пищеблока нам кое-что перепало. Потому что «обслуживали» свиней обитатели гетто по очереди, и в этом был свой смысл: там можно было «подкормиться» и даже иногда принести с собой кое-какую «еду» и поддержать сильно ослабевших товарищей.

Моё обучение сапожному мастерству началось с изготовления деревянных гвоздей, да, да, гвоздей, но деревянных, потому что подошвы офицерских сапог крепятся именно деревянными гвоздями из особой породы дерева. Гвозди представляют собой что-то наподобие спички, специально заточенной с одной стороны и длиной ровно один сантиметр (плюс-минус не более 0,5 миллиметра).

Поверьте, что сделать такой «гвоздик» было очень непросто, а их потребность была очень велика. На подошву одного сапога уходило до 70 штук, так как подошва крепилась по периметру в два ряда в шахматном порядке. Эти гвоздики должны были быть изготовлены очень тщательно, без каких-либо изъянов, потому что если такой гвоздик ломался в подошве, то это вызывало много хлопот, чтобы его заменить, не испортив внешность подошвы. А то, что сапоги изготовлялись исключительно без каких-либо изъянов, само собой подразумевалось.

На гвоздях я «просидел» очень долго, так как на моё счастье, или несчастье, у меня через три месяца стали получаться очень хорошие деревянные гвоздики.

Я стал основным поставщиком этой очень нужной продукции, чему был рад Адольф (помощник коменданта), это надёжно оправдывало моё пребывание в гетто.

Коллектив наш состоял из разных людей из разных мест. Только два человека были жителями Первомайска – это Давид Гольдубер и Изя Клейман, один был стекольщик, а другой – парикмахер. Я их знал ещё до войны, поэтому знал их фамилии и имена. Остальные были из разных мест, а военнопленные, кажется, из Сибири.

Фамилии, которые я запомнил, несмотря на запрет общаться по фамилиям, были такие: Литвак, Полянский, Ольшанский, Шварцман, Запольский, Гохман, Коган, Задорожный. Эти фамилии я запомнил, так как их носителями были, в основном, сапожники.

Гетто существовало до февраля месяца 1944 года. В начале февраля начались срочные отправки всего ценного немцами в Германию, и тут, наверное, поступил приказ наше гетто расстрелять.

Нас по тревоге подняли перед рассветом и погрузили в три больших грузовика, в каждом из них сидели по два автоматчика и по одной овчарке.

Ко мне подбежал Адольф, и когда машина заполнилась, мы с ним сели последними, у самого заднего борта.

В темноте мы отъехали от гетто и поехали через Ольвиополь (так называется эта часть города), переехали по мосту через речку Синюха, и дальше через третью часть города Богополь выехали за город.

В полукилометре от города, на пригорке, над дорогой, по которой мы ехали, был расположен мыловаренный завод, из которого в речку Синюху спускали «отходы» производства, т.е. нечистоты.

Труба проходила под дорогой и заканчивалась сразу за ней, дальше отходы уходили в реку по канаве.

Как только мы подъехали к этому месту, Адольф толкнул меня в бок и проговорил: «прыгай за борт!»

Я, конечно, сначала опешил, но быстро справился с волнением и, как бы отталкивая Адольфа, выпрыгнул из машины, и сразу чувство самосохранения направило меня в ту самую очистную трубу, которая, к счастью, недалеко от выхода на поверхность имела

изгиб, за который я и забрался, подминая под себя грязную жижу.

Из машины в направлении трубы понеслись выстрелы из автоматов, но вскоре прекратились то ли по команде, то ли от того, что машины не останавливались, так как они и так ехали на очень малой скорости, преодолевая развязший грунт под колёсами, т.к. весна в этом году наступила рано и распутица была такая, что, например, легковые машины могли ехать только на прицепах к каким-нибудь тягачам. Такая погода мне тоже стала помощницей в счастливом моём освобождении.

При возвращении домой я, с помощью соседней матери, был помещён в погреб, где и дождался прихода Красной Армии и был очень удивлён формой солдат и офицеров в погонах и со звёздочками на их головных уборах.

*Борис Миронович Батрин,
г. Москва, 5 мая 2008 г.*

ГЛАВА 3

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ЭВАКУАЦИЮ

---

*Гельфер (Золотовская) Нина
Израилевна.*

*Свидетельствует о пребывании
вместе со своей матерью в
эвакуации.*

Золотовская Рива Евелевна родилась 10 октября 1899 г. в м. Носовичи бывшей Могилёвской губернии. Отец, Золотовский Евель Шлёмович – учитель. Мать – Золотовская Сима Нахимовна. Семья переехала в г. Прилуки Черниговской губ. Отец работал в кустарной артели. В семье было четыре дочери: Соня, Хай-Рива, Густа, Лена. Дети школу не посещали, но были грамотными. Рива училась экстерном и частично учительствовала. В 1917г. начала учиться на вечерних курсах для взрослых. Позже училась в Прилуцком коммерческом училище.

В 1920 г. Рива поступила в Харьковский сельхозинститут. После окончания института в 1926 г. Рива работала по обследованию эффективности крестьянских хозяйств. Затем работала агрономом в совхозах системы Главсахара. Училась на Высших зоотехнических курсах Вологодского МХИ. В 1929 г. у Ривы родилась дочь Нина, отец которой, Лейдерман Израиль Давидович, погиб на фронте 26 февраля 1942 г. и похоронен у д. Пробойки Тверской области.

Война застала Золотовскую Риву Евелевну в Сумской области, когда она работала старшим зоотехником в Янковском племенном хозяйстве. 16 сентября

1941 г. Рива эвакуировала племенной скот в количестве 500 голов в Пензенскую область, Сталинский свеклосовхоз, Соседского района. Скот догнала без потерь, несмотря на бомбёжки, холод и длинный путь. По дороге был организован учёт молока. Его передавали воинам, раненым в госпитали, беженцам. Рива Евелевна шла пешком, днём ни разу не села в кибитку, в которой находилась дочь Нина. Стадо сопровождал обоз. К месту назначения прибыли 24 ноября 1941 г.

В Сталинском свеклосовхозе Рива Евелевна работала старшим зоотехником и зоотехником по племенному делу с 25 ноября 1941 г. по 12 декабря 1944 г. В 1943 г. из Казахстана к Риве приехали голодные, измождённые сёстры Соня и Лена. Туда же приехал раненый на фронте (без глаза) 20-летний младший сын Сони – Семён. Все стали работать в совхозе, куда с фронта приезжали на отдых раненые бойцы Красной Армии. После освобождения Украины дочь Нина вместе с родственниками приехала в Нежинск. Риву Евелевну не отпустили с места пребывания по условиям военного времени. Лишь после особого распоряжения была реэвакуирована и продолжила работу в Новосовском сахкомбинате в должности старшего зоотехника. В 1950 г. была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Все родственники запомнили Риву Евелевну как большую труженицу, прекрасного специалиста, отзывчивого и преданного своему делу человека. Запомнили как человека, который не бросал в беде никого, а помогал всем, кто нуждался в помощи.

Гельфер (Золотовская) Нина Израилевна, дочь.

Щерба Михаил Яковлевич.

**Свидетельствует о своём пребывании
в эвакуации.**

Глазами очевидца.

Я, Щерба Михаил Яковлевич, родился 12 апреля 1927 г. в Днепропетровске.

Отец – Щерба Янкель Мордухович.

Мать – Нодель Гися Лазаревна.

В 1928 г. они развелись, к сожалению. Отец уехал из города, и мы о нём ничего не знали. Мать в 12 лет осталась круглой сиротой. Дед был художником, и у него здесь было мало работы. Он уехал работать в другую область и не вернулся. Прошёл слух, что похожего на него еврея ограбили и сбросили с поезда. Бабушка погибла в годы гражданской войны. Разорвался снаряд и осколок попал ей в шею. Через 3 дня она умерла в Земской больнице. Мать жила у чужих людей, и её использовали как домработницу. Жила впроголодь. Поэтому, когда мой отец сделал ей предложение, она, не раздумывая, дала согласие. Когда отец уехал, мать не имея специальности, пошла работать в Облстройтрест разнорабочей.

Трудно нам жилось до войны. Самое страшное для меня время – это Голодомор 1932-1933 гг. На меня давали 100 г хлеба, а матери – 300 г. Мы жили на 400 г хлеба вдвоём и больше ничего... ни крошки. Оба были опухшими. У меня не было видно глаз – был опухший с головы до ног. Но, видно, Б-гу было угодно, чтобы мы выжили. Как? До сих пор не знаю.

Самое дорогое для человека – жизнь.

Война.

Война – это преждевременная смерть. Люди ежедневно тысячами погибают на фронте, а в тылу умирают от голода и холода. Война к нам пришла неожиданно. Мы жили за «железным занавесом». Редко кто имел приёмник. Голоса Америки и Лондона глушили специальные станции. Мы не знали, что Гитлер уже захватил многие страны, что немецкая армия имеет громадный опыт ведения войны и оснащена современным оружием и техникой. Мы знали, что наша страна заключила с Германией мирный договор о дружбе и ненападении. Я помню, что нам внушали, если на нас нападут, то будем бить врага на его территории. В 1940 г. вышел на экраны фильм «Если завтра война». В фильме показали массу танков, самолётов и другого вооружения, которыми располагает советская страна. Зрители были удовлетворены и пели песни из этого фильма.

Эвакуация.

Бомбить город стали примерно через 2 недели. Немцы стремились разрушить мост, через который проходили поезда, и саму станцию Днепропетровск, для того чтобы помешать эвакуации заводов. Помню, бомба попала в завод Пластмасс, что возле площади им. Островского. Его пламя было видно далеко. У моста с обеих сторон расположились зенитные батареи и не давали немецким самолётам прицельно сбрасывать бомбы на мост и вокзал. Все крупные предприятия, имеющие важное стратегическое значение, полностью, как говорят, «до винтика», были эвакуированы на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Кадровым рабочим с семьями предоставили эшелоны с товарными вагонами, которые были оборудованы нарами. Слава железнодорожникам! Мелкие предприятия, не

имеющие важного военного значения, должны были эвакуироваться самостоятельно.

Нам всё время внушали, что для нашего государства дороже всего человек, а железнодорожные кассы продавали билеты и были большие очереди, вместо того, чтобы объявить по радио, что билеты не нужно покупать, а можно садиться в любые поезда, идущие на Восток.

Мать работала на Котельном заводе, расположенном в конце улицы Поля, который не входил в число важных предприятий. Всех коммунистов, а моя мама была членом партии, обязали явиться в Кировский райком партии за эвакуистками и самостоятельно эвакуироваться. В райкоме она случайно познакомилась с женщиной, тоже членом партии.

Немцы уже подходили к Днепропетровску. Стихийно, не сговариваясь, люди, которые хотели уехать, бросились на вокзал. Это было 16 августа 1941 года. У нас чемоданов не было. Мать вытрусила из матрацев вату, впихнула туда подушки и др. тряпье, и мы направились к вокзалу. Свободно можно было пройти до Провиантской улицы (ныне ул. Пастера), дальше было много людей, как на «толчке», но нам удалось пробраться до кольца трамвайной линии напротив железнодорожного вокзала. Организации никакой не было. Никто не знал, что делать дальше. Основная масса – женщины и дети. Примерно в 12 часов дня пролетели над нами 12 немецких бомбардировщиков. Людей было очень много. Началась паника, а бежать было невозможно из-за большого скопления людей. Самолёты нас не бомбили и люди обрадовались. Но минут через 15-20 бомбардировщики вернулись и начали бомбёжку. Видимо для устрашения, бросали воющие бомбы,

от которых земля дрожала, а от их воя становилось жутко. Одна бомба попала в учреждение железной дороги (угол проспекта Карла Маркса и Вокзальной площади). Говорили, что там были жертвы. Остальные бомбы разбили пути железнодорожного вокзала. После бомбёжки пошёл слух, что с вокзала уже эвакуироваться нельзя, т.к. пути все разбиты. Люди стали рассредотачиваться, возвращаясь домой. Мы жили по ул. Харьковской, №5. У нас был общий двор. Возвращались домой по ул. Ленинградской и встретили женщину с девочкой, с которой мать познакомилась в райкоме партии. Оказалось, что мы – соседи. Она живёт по ул. Харьковской, №17, это через 5 дворов от нашего дома. Она сказала, что её муж начальник гаража, и если мы хотим уехать, то завтра (17 августа) чтобы ровно в 6 часов утра мы были возле её дома. Муж даст машину и они возьмут нас с собой. С нами в квартире жили ещё 2 семьи: Грановы уехали с заводом Молотова (ныне Бабушкина), Корсунские уехали в Пятигорск к родственникам. В нашей квартире, кроме нас, никого не осталось. В 5 часов утра уже начало рассветать. Мама сказала: «Давай сыночек пойдём, тут, в квартире никого нет, неприятно сидеть, лучше там, у их двора, подождём до 6 часов утра». Мы заперли все двери и по Харьковской улице пошли вниз. Когда мы подошли к Упорной улице (ныне ул. Глинки), то увидели, что через 2 двора стоит грузовая машина и слышно, как работает мотор, чтобы отправиться. Мы изо всех сил закричали – они услышали, увидели нас и подождали. Мы забросили наши матрацы в машину, взобрались на кузов и поехали. Мать спросила, почему они решили ехать раньше, ведь мы же договорились на 6 часов, а сейчас только начало шестого. Женщина ответила,

что мужу стало известно, что немцы где-то прорвали оборону и могут в любое время оказаться здесь. Видно Б-гу было угодно, чтобы мы остались живыми. Буквально 10-20 секунд нас отделяли от смерти, которую приняли все евреи, оставшиеся в оккупации. Ведь мы были такие беспомощные, не имели никакой возможности переехать через мост на левый берег Днепра, который беспрестанно (уже без объявления тревоги) бомбили немецкие самолёты. Нам помогла женщина, украинка по национальности. Низкий ей поклон и вечная благодарность!

Шофёр нас довёз до конца Ленинградской улицы и велел выгружаться, т.к. он не хочет рисковать и ехать через мост, который через короткие промежутки времени бомбят, и вообще он никуда не собирается выезжать. Он остаётся в Днепропетровске. Начался спор, мы не выгружаемся. Подошёл мужчина и что-то сказал шофёру. Рядом находились люди с вещами. Он им сказал, чтобы они погрузились в машину. Сам он стал на подножку. Машина с площади Островского выехала на мост и помчалась на левый берег Днепра. Проехав на подножке с нами метров 80, он соскочил, а машина поехала дальше. Когда мы доехали до середины моста, налетели немецкие самолёты и начали бомбить мост. Зенитчики с берега начали стрелять, не давая прицельно сбрасывать бомбы. В мост ни одна бомба не попала – они падали рядом с ним. От каждого взрыва мост вздрагивал и машина немного подпрыгивала с нами вместе. Страшно быть под бомбёжкой, но мы благополучно доехали до железнодорожного узла. На узле было много людей, которые разными способами добрались сюда. Наконец, подали большой состав

грузовых вагонов без крыши (пульманы и платформы). Все погрузились, и мы поехали.

Ехали с остановками, пропуская военные составы. 18 августа над нами появились самолёты, мы думали, что это немецкие. Проезжая, мы видели разбитые и сгоревшие вагоны. Мы вспомнили, что 18 августа праздник – День авиации, и, к счастью, это были самолёты наши, которые некоторое время нас сопровождали. Под Ростовом, на каком-то подъёме состав замедлял ход, и люди с задних вагонов кричали, что их грабят. На ходу вскакивали грабители и хватали чемоданы и другие вещи, и выбрасывали, а затем сами спрыгивали. Остановились на станции Аполлоновская, Орджоникидзевский край (ныне Ставропольский). В дороге мы встретили тётю Меру, мамину младшую сестру, с тремя детьми и Миной, двоюродной сестрой. Тётя Мера была кадровой работницей швейной фабрики им. Володарского. Оборудование с людьми уже было отправлено в Ташкент, а ехали организованно те, кто по каким-то причинам не смогли уехать с ними. Руководитель этой группы была Берилевич. У неё был документ, что едут работницы швейной фабрики, с просьбой всемерно им помогать.

Кто-то сказал, чтобы мы все выгружались. 3 суток нас развозили в колхозы. Нас отвезли к востоку от железной дороги в станицу, где нас хорошо встретили. Разместили в доме у женщины, у которой муж и сын были на фронте. Она нам выделила на 3 семьи большую отдельную комнату. Я, выйдя из дома, увидел недалеко ребят разного возраста, которые из реки поили лошадей. Я направился к ним. Начали знакомиться. Спросили, откуда я приехал. Потом спросили, курю ли я. Я ответил утвердительно, что было правдой. Они по-

шептались, скрутили сигарку, прикурили и дали мне. Я затынулся, а выдохнуть не могу. Слёзы текут, еле отдышался – такой был крепкий табак. Потом спросили, умею ли я ездить верхом на лошадях. Тут я, чтобы не потерять авторитет, соврал и сказал, что могу, а сам ни разу в жизни не садился верхом на лошадь. Они помогли мне забраться на лошадь без уздечки и седла, и кто-то её ударил кнутом или лозиной по передним ногам. Она встала на дыбы и помчалась с невероятной скоростью вдоль посадки. Я ухватился за гриву, от ветра ничего не вижу – текут слёзы, и держусь, чтобы не сорваться. Только примерно через 1 км она остановилась. Но я не упал – удержался. Оказывается, два подростка ехали на лошадях следом, на случай, если я упаду, чтобы оказать мне помощь. Позже я узнал, что лошадь звали Лезгинкой, и она является призёром на ежегодных скачках. У меня с ребятами завязалась дружба. Я сказал, что хочу работать в колхозе на лошадях. Они мне во всём помогли. Научили запрягать лошадей, и я стал работать в колхозе на перевозках. Видя моё желание работать с лошадьми, меня научили ездить верхом. Меня сделали вестовым. И я должен был ездить на разные участки (станы), брать сведения о проделанной работе и привозить в правление колхоза. Затем все обобщённые сведения за прошедший день вёз в сельсовет, который находился в 7 км. Потом я возил на бедке (2-х колёсная повозка) председателя колхоза на разные участки. Место там очень плодородное. Всем эвакуированным жилось хорошо. Это была моя первая эвакуация. Мы прожили в этом колхозе примерно 1,5 месяца.

Берилевич всё это время ездила на ст. Аполлоновская, чтобы швейникам предоставили вагоны для

дальнейшего следования, но ей даже не обещали. Предложили собрать своих людей и временно, пока будет возможность, дать вагоны переехать в клуб, который был на станции и не использовался. Поселились мы в клубе, а вагоны не дают. Не было рядом магазинов или базара. Продукты, которые дали в колхозе, быстро съели. Началась полуголодная жизнь. Примерно в 12 км от нас был г. Прохладный. Мать узнала, что там продают в магазинах хлеб без хлебных карточек. Она пешком направилась туда и принесла около 20 кг хлеба. Кроме нас с тётёй Мерой было еще 5 человек, и этот хлеб мы быстро съели. Мы поняли, что вагоны нам не дадут, т.к. они нужнее для военных перевозок, и решили садиться на любой товарный состав, следующий на юг. На север уже ехать было опасно, т.к. немцы уже приблизились к Северному Кавказу, и все эшелоны, идущие на север, подвергались бомбардировке. На станции был военный патруль. Остановился эшелон с товарными вагонами, и мы все начали загружаться. Патруль не разрешает, сбрасывает наши вещи с вагонов, а мы опять загружаемся. Патруль состоял из нескольких человек, и они ничего с нами не могли сделать: вагонов и людей много, и потом это были красноармейцы. Они нам сочувствовали. Поезд долго не стоял, и мы отправились.

В г. Махачкала мы прибыли глубокой ночью, пешком по железнодорожным рельсам направились в порт. В темноте чуть не попали под поезд. А в порту – «море» людей, и всем надо перебраться через Каспийское море (озеро) в Среднюю Азию. Прожили мы там около недели. Бегали туда, где причаливают рыбаки. Они нам на берег бросали мелкую рыбёшку, которую мы сушили на костре и полусырую ели. Вдруг кто-то

крикнул, что идёт посадка, и все бросились к берегу. С берега шёл настил метров 15 в длину и примерно 3 метра в ширину с перилами. К нему пришвартовалась самоходная баржа. Народ бросился на посадку, сломали перила, кто-то упал в воду. Наконец, баржа была загружена, и мы отчалили от берега. Нас застал 6-ти бальный шторм, и всем было плохо. Наконец, мы приплыли в г. Красноводск. В городе несколько колонок, где продавали питьевую воду по 5 коп за ведро, но только жителям города. Маленькая пекарня не могла выпекать много хлеба, и продавали тесто по коммерческим ценам. Мы, уже имея опыт, брали 2 кирпича, сверху жестянку, сушили это тесто и ели. Мы (ребята 12-14 лет) узнали, что на станции стоит эшелон, в котором несколько вагонов-цистерн с водой для промышленных целей. Его охраняет часовой. Взяли бидончики, чайники, и один следит за часовым, а остальные в это время с другой стороны эшелона забегают на цистерну. Жили мы в Красноводске неделю. Нам подали грузовые вагоны с крышей – это уже было хорошо.

6 ноября мы выехали. В вагоне было очень тесно, но мы к этому уже привыкли. Вдруг, в нашем вагоне у одной женщины начались роды. Она родила девочку. Начали советовать, как её назвать, и в честь наступающего праздника Октябрьской революции назвали её Октябриной. Она должна быть из Днепропетровска, и, может быть она ещё жива, здесь, среди нас. Наконец, мы прибыли в Ташкент. Старшая швейников Берилевич узнала, что швейная фабрика им. Володарского была направлена в г. Андижан, куда мы прибыли. Нас повезли грузовиком в Старый город. На одном из магазинов я прочёл слово «НОН». Я не знал, что это по-узбекски значит, а это главное слово, из-за недостатка

которого умирали люди. Оно обозначает – «ХЛЕБ». Поселили нас в гараже: цементный пол, нет отопления, воды, санузла. Зимой обычно в Андижане +3-5С°, и если идёт снег – он сразу тает. В эту зиму был мороз до -14С° и выпал снег 25-30 см глубиной. Кадровых работниц с семьями забрали с гаража и расселили в разных жилых помещениях. В гараже осталось примерно 100 человек. Спали на цементном полу, кулак под голову, не раздеваясь. Главная беда в том, что хлебные карточки выдавали только работающим и их иждивенцам, а поступить на работу некуда. Андижан не промышленный город и заводов не имел, а эвакуированных приехало много. Сначала у кого что было продавать – продавали. У нас с мамой продавать было нечего. Начался голод, сыпной тиф. Начали покупать макуху, а она у них из хлопка, жёлто-зелёная. Кто начинал есть макуху – был обречён. Первыми погибли, кто не привык к трудностям. По дороге, в пути, уже не помню на какой станции, продавали много лука и чеснока. Сказали, куда мы едем, там с луком и чесноком трудности. У матери было 3 рубля, она на них и купила лук и чеснок. Сначала я съел лук с солью, а затем начал есть без ничего чеснок. Где-то я услышал, что в Андижан приехал Воронежский авиационный завод. Далеко, на краю города, нашёл отдел кадров. У входа стоит часовая и впускает по одному человеку. В отдел кадров большая очередь. Многие узнали, что с завода на фронт не берут, дают бронь, согласны на любую работу. Часовой меня не пустил в ОК. «Ты видишь, что тут делается? Они меня разорвут, если тебя пропущу без очереди». Я не знал, что мне делать. Пришла машина, и начальник ОК спросил у меня, чего я хочу. Я сказал, что хочу работать. Он спросил, есть ли у меня

паспорт, откуда я. Он улыбнулся и сказал, что он тоже из Днепропетровска. Я сказал, что у меня ещё паспорта нет. Тогда он немного задумался и сказал, что сюда приехало ремесленное училище, которое готовит кадры для завода, я тебя туда направляю, и по его окончании будешь работать на заводе. Он вынул блокнот, на верху которого было написано: начальник ОК завода им. Сталина. Сложил эту записку и написал адрес. И начались поиски ремесленного училища. От голода кружится голова, а я хожу и не могу найти ни эту улицу, ни ремесленного училища. Я уже начал терять надежду найти его. Андижан – большой по площади одноэтажный город. Случайно я встретил парня, который оказался из ремесленного училища №10. Парень этот привёл меня и показал на второй этаж, где был кабинет директора. Дал я ему записку от начальника ОК. Он у меня спросил, не убегу ли я. Я сказал, что хочу работать, что я здесь не один. У меня здесь мать. Он вызвал старшего мастера и передал меня ему. Меня постригли, обмыли и одели. Группа строилась на обед. Старший мастер сказал мне, чтобы я пошёл рядом с ним. Он по дороге всё обо мне расспросил. Когда пришли в столовую, меня посадили отдельно и повару сказали, чтобы он мне сразу много кушать не давал, а понемногу, постепенно, т.к. я уже давно не ел, и могу заболеть. Группа ушла, а меня оставили в столовой. Повар через небольшие промежутки времени давал мне кушать. После ужина я взял свою пайку хлеба, пирожок с ливером и отправился искать швейную фабрику. Дело в том, что уже два дня мама работала там же на гладке. На гладке никто не хотел работать. Нужно было всю смену держать тяжёлый (промышленного типа) горячий утюг и гладить. Это была тяжёлая

физическая работа. Не у каждой женщины хватило бы сил. Найти работу было невозможно, и мать приняла это предложение. Главное, что всем работающим на фабрике выдавали хлебные карточки на 600г хлеба в день. Я уже знал, в каком цехе она работает, и попросил, чтобы её вызвали на проходную. Она вышла на проходную, смотрит на меня и спрашивает, кто её вызвал – она меня сразу не узнала. Я был в новой телогрейке, зимней шапке, в носках с новыми галошами, подстриженный. Мы, как самые близкие, родные обнялись. Мать заплакала. Г-ди! Сколько мы с ней преодолели в жизни трудностей! Наша жизнь полностью переменялась. Она имеет работу и 600 гр. хлеба в день, а я в ремесленном училище. Меня кормят три раза в день, и будут учить. Всю зиму мы жили в гараже, на улице напротив базара. Комната с деревянными полами. Спали все вместе на полу 35 человек (уже на цементном), без кроватей и постелей, не раздеваясь. Дверь прямо на улицу, без тамбура. Никаких удобств: ни воды, ни туалета, ни отопления. Рядом лежали с сыпным тифом, иногда умирали.

Подходящего помещения для швейной фабрики в Андижане не нашлось, поэтому часть её расположилась в Новом городе, часть в Старом городе. Жили мы в Старом городе, но вакантных мест на фабрике, находящейся в Старом городе, не было, поэтому матери пришлось работать в Новом городе. Я мог поселиться в общежитии ремесленного училища. Мне бы там дали кровать и чистую постель, но я не мог оставить мать. Она для меня такой дорогой человек! Вырастила меня в таких больших трудностях. В самые для нас трудные времена она меня не оставляла. Я для неё всегда был самым дорогим, как и она для меня. Поэтому мы жили

в Старом городе. Она на работу, а я в ремесленное училище ходили за 3-4 км в Новый город. После второй смены (в 1 час ночи) ей страшно было с работы идти 4 км по тёмным улицам Андижана домой, но она это преодолела. Началась трудная трудовая военная жизнь.

Завод пока не работал. Со станции возили оборудование, устанавливали на фундаменты и подключали. А самолёты так нужны были фронту! Вся работа мастеров заключалась в том, что они нас отводили на завод и забирали. Ничему нас мастера не учили. Да и не могли учить! До войны они не занимались металлообработкой. Это были инвалиды войны, которых нам направлял военкомат, чтобы обеспечить их хлебной карточкой. По дороге на завод ребята подбирали окурки (если попадались) и за цехом вытрушивали табак, скручивали «козью ножку» и курили. Сделали самодельные карты и играли в «дурака». У меня были другие планы. Я знал, что мне надо быстрее научиться работать, чтобы зарабатывать деньги и помочь матери улучшить наше положение. Я понимал, что чем более я буду квалифицированным, тем больше буду зарабатывать. Я уже несколько дней один хожу по цеху (это был второй цех) и смотрю на станки, пробовал за ручки что-то крутить. Станки уже были установлены на фундаменты и некоторые подключены, но не было рабочих. Некоторые остались в Воронеже, другие ушли на фронт, а те, кто должен приехать, ещё не прибыл. Появился в цехе молодой мужчина, блондин, примерно 35-ти лет. Спросил меня, хочу ли я работать. Получив утвердительный ответ, подвёл меня к копировально-шлифовальному станку фирмы «Ландис». Наладил его, промазал шлифовальный круг и сказал, чтобы

я смотрел, как на нём нужно работать. Станок этот сложный, на нём шлифовали по контуру (профилю) кулачки для мотора. Допуск в микронах ($1\text{мк} = 0,001\text{мм}$) – второй класс точности. Поставил меня и смотрел. На ходу подсказывал, как правильно работать. Постояв около меня и убедившись, что у меня всё получается, он ушёл, а я остался работать.

Желание – громадное дело, а его у меня было много – хоть отбавляй. Завод срочно строился на территории хлопкозавода. Со второго цеха был проезд и проход в третий цех. Я уже работаю третий день. Вдруг открывается дверь, и заходят в цех 10-12 человек. Станок мой находится около самого прохода в третий цех. Видно было, что это большое начальство. Были там военные и гражданские. В громадном цехе работаю я один. Они окружили меня, затем один из них попросил, чтобы я остановил станок. Спросил кто я, откуда, записал фамилию и они ушли. На следующий день, после ужина в ремесленном училище было собрание. Выступил директор училища Бритиков и призвал всех следовать моему примеру. Мне выдали всю довоенную форму учащегося ремесленного училища. В столовой приказали первое блюдо давать мне столько, сколько я захочу. Оказывается, это были представители из Москвы по специальному заданию: выяснить, что тормозит выпуск моторов и когда уже завод начнёт работать нормально. А со мной разговаривал директор Морозов, он потребовал от директора училища, чтобы ребята не гуляли за цехом, а чтобы с меня брали пример, работали и заменили своих отцов и братьев, ушедших на фронт.

*Михаил Яковлевич Щерба,
г. Днепропетровск, февраль 2008г.*

Теплицкая Дора Абрамовна.

Свидетельствует о пребывании на оккупированной территории.

Моя жизнь – моя судьба.

Я, Теплицкая Дора Абрамовна, родилась 12 июля 1934 г. в Днепропетровске. В 1939 г. родилась моя сестрёнка Верочка. Интересна моя родословная, да и детство моё очень богато тяжёлыми событиями. Со стороны моей мамы. Жили они в Молдавии. Дед, Кацин Данил Петрович, работал у батюшки на панщине и умер в поле в 1922 г. – надорвался. Было ему 34 года. Бабушка, Кацина (Дражнер) Броня (Бруха), осталась с 5-ю детьми и через 2 месяца родилась девочка – назвали её Нина, которая умерла, когда ей было чуть больше года. Батюшка в память о бабушке подарил Абраму в 1922 г. двух жеребят. Моя мама Соня (Сойбл) была старшей (1909 г.р.). Брат, Абрам Кацин, 1911 г.р., полковник погранвойск, прошёл всю войну, имел награды. Давид Кацин, 1913 г.р., был убит бандитами в 1932 г. во время голода. Лиза (Лейна) Кацина 1915 г.р. Таня Кацина, 1918 г.р., прошла всю войну – сначала хирургической сестрой, потом хирургом в прифронтовом госпитале. Победу встретила в Порт Артуре.

В 1924 г. безземельным евреям-крестьянам было предложено ехать на Украину, поднимать целину. Собрались около 30 семей и на подводах выехали на Украину, в том числе и моя бабушка с детьми. В подводу запрягли два подаренных жеребца, и дружно двинулись в путь. Они везли с собой саженцы элитных сортов винограда и фруктовых деревьев. Были все семьи между собой очень дружны и помогали, чем могли, друг другу. Остановились в Екатеринославской губернии, в степи, возле балки, была целина. Селились

по национальному признаку, правда, впоследствии к ним присоединилось украинское село Ульяновка. Первый год жили в землянках, потом построили себе дома, посадили общий сад и большой виноградник. Каждой семье дали за домом по 1 гектару земли под огород. Построили каменную школу, которая работает и по сей день. К ней впоследствии добавили бывший дом Клейманых. Благодаря помощи «Агро-Джойнта» приобрели коров и сельхозтехнику, жизнь наладилась. Работали дружно все. Моя мама с 15-ти лет работала дояркой. Преподавание в школе до 1937 г. велось на идиш, и в эту школу ходили и дети украинцев, и немецких колонистов. И так был образован Сталиндорфский район, ныне Солонянский. В 1937 г. школу перевели на украинский язык – 7-ми летка, а мы ходили в русскую школу за 5 км в с. Держиновка. В 1939 г. в нашем селе Калиновка (ныне Малокалиновка) был организован колхоз «Трудовик», и у бабушки забрали обеих лошадей, больше нечего было забирать, и через несколько дней их загнали и они пали.

В 1930 году в село приехала семья Теплицких – дед Сруль и бабушка Рахиль. У них было шестеро детей, все взрослые. Самый старший Анатолий жил в Москве, во время войны не был мобилизован по состоянию здоровья. 9 мая 1945 г., в День Победы, он поехал на могилу самого младшего брата Якова, погибшего в 19-летнем возрасте, защищая Москву, и там у него случился инфаркт и он умер. Средний брат Лёва жил в Киеве, погиб при защите города, а его жена и двое сыновей были расстреляны в Бабьем Яру. Сестра Маня и пятеро её маленьких сыновей жили в Чапаевке – это рядом с нашим селом, были расстреляны в октябре 1941г. в Зволянской балке. Сестра Соня с дочерью Ге-

ней жили в Киеве, и, когда началась война, приехали в Днепропетровск спасать бабушку и дедушку. Эвакуироваться они не смогли, и все четверо были расстреляны в овраге Ботанического сада 13 октября 1941 г. В 1946 г. из госпиталя вернулся мой отец, больной, израненный после Сталинградской битвы, и 4 апреля 1951 г. умер, не дожив до 38 лет. Из всей огромной семьи Теплицких в живых сейчас осталась я одна.

Мой дед, Теплицкий Сруль, был верующим человеком, и пока жил в селе, по воскресеньям собирал мальчиков и учил их языкам идиш и иврит, а бабушка пекла им пирожки. В 1932 г. в селе начался голод, забрали всю муку и пшеницу. Благодаря председателю сельсовета Зяме Спектору, в селе с голоду никто не умер, хотя было очень голодно. В 1933 г. в село буквально приполз юноша лет 15-ти, Новиков Андрей, он был опухший от голода, родителей его раскулачили. Евреи его приютили, он остался жить в селе, и, когда в 1941 г. немцы расстреливали евреев, он запомнил 128 фамилий. Когда советские войска освободили наше село, Андрея призвали в армию, он был контужен, вернулся в село, говорить он не мог, но записал все фамилии и передал учительнице Асеевой Любовь Павловне.

Война застала нас в селе у бабушки. Наш дом был первый от школы. 22 июня 1941 г. всё село гуляло свадьбу в школе, а столы стояли у нас во дворе. Где-то к обеду приехал отец и объявил, что началась война и бомбят города. Ему никто не поверил, радио в селе не было, и Спектор срочно поехал в район, вернулся, и все узнали, что война. Отец уехал в город, а мы остались в селе. Он, как член Красногвардейского райкома партии, помогал в демонтаже заводов и погрузке обо-

рудования для отправки на Восток. В селе молодых мужчин, в основном, мобилизовали на фронт. Ушли на фронт председатель колхоза Шульдинер, председатель сельсовета Спектор. На всю жизнь мне врезался в память один эпизод, когда моя бабушка эвакуироваться не хотела. Она говорила: «Вы молодые, езжайте, а я никому не нужна, буду беречь дом и хозяйство». Мимо нашего села проходила дорога, по которой на подводах и пешком шли беженцы. Муки у нас было много и бабушка пекла большие паляницы, и я с ней их выносила на дорогу и раздавала беженцам, делали мицву, т.е. добро. В одной из подвод бабушка узнала свою двоюродную сестру Соню, которая вместе с детьми бежала от немцев из Румынии. Они в последний раз виделись в 1918 г., когда её сестра пошла в гости через Днестр (ей было 12 лет), и в этот день закрыли границу, и вернуться она уже не смогла. Она рассказывала, что каждое воскресенье солдаты разрешали чуть заходить в Днестр с обеих сторон, и над рекой стоял стон и плач, т.к. ни старикам, ни детям – никому не разрешалось переходить реку. Тётя Соня нам рассказала, что немцы убивают всех евреев. Тогда всё село поднялось, и мамина сестра Лиза Кацина отправилась в район за направлением. И только в августе Лиза привезла из района направление на Северный Кавказ, в Актюбинскую область, Уильский район. Начали быстро собирать подводы, самые необходимые вещи и продукты, т.к. лошадей было мало. Детей до 5-ти лет и немощных стариков сажали на подводы, а остальные шли пешком, и я в том числе, ведь мне в июле 1941 г. исполнилось 7 лет. Я помню, что когда я уставала, то меня по очереди несли на шее, то тётя Лиза, то бабушка, а мама еле сама шла. Впереди колонны гнали скот три

старика: Шенкер, Клейман и Цикиновский, а далее шёл огромный обоз подвод из нашего села и близлежащих сёл. Люди шли по бокам подвод. Переправили через Днепрогэс на другую сторону Днепра весь скот и часть подвод, а остальные подводы и людей вернули обратно, т.к. советские войска взорвали гидроэлектростанцию. Все вернувшиеся по своим сёлам лежат расстрелянными в Зволянской балке, приблизительно около 500 человек. Это 2 км от нашего села. В зиму 1941/1942 гг. мы дошли до Астрахани, откуда нас направили в село Ступино Енатаевского района. Взрослые ухаживали за скотом, а все дети, чем могли, помогали. В селе где-то раздобыли овечьи шкуры и сшили всем чуни, т.к. зимней обуви не было. Все думали, что к зиме немцев прогонят и кончится война. Помню, как-то зимой к нам в дом постучалась женщина с девочкой на руках и попросилась переночевать, и хотя бы что-нибудь поесть. Мама её впустила, девочку, около 3-х лет, отправили к нам на печь погреться и накормили их печёной рыбой.

Все взрослые просили районное начальство оставить нас в селе Ступино, но они дали нам возможность перезимовать и ранней весной заставили нас идти по своему направлению. И снова перегон скота, подводы и пешком. Мы перешли по плавучему мосту через р. Урал. Шли в жару, холод и ветер. По дороге умирали люди, коровы. Пришли мы в Уил уже где-то в декабре 1942 г. Дошли мы благодаря нашей тёте Лизе и старикам. Кормились мы молоком, которое давали коровы, часть сена мы взяли с собой из Ступино. Направили нас в Джанатан, а оттуда мы ушли в райцентр Уил. Нас постигло горе – умерла бабушка, ей было 53 года. В аул мы пришли почти все с отмороженными руками и

ногами. Спасали нас старые казахи: оттирали чесноком, а потом прикладывали кислое молоко. Вот тут у нас начался голод. Мама получала шерсть, её стирали, потом вручную пряли и вязали для фронта носки и толстые перчатки с одним пальцем. Эти изделия принимали на вес, и за это давали немного проса. Его толкли в ступе, веяли, получали пшено и на ручной крупорушке делали крупу и муку, а потом варили. Всех молодых женщин, у которых не было детей, мобилизовали. Мобилизовали и тётю Лизу: отправили в город на завод выделывать шкуры из овец и шить полушубки для фронта. В школу никто из детей не ходил. Дети пряли, вязали. Летом под окном выращивали овощи.

В 1944 г. мы вернулись в наше село. Дом стоял целый, но всё было разграблено. Взрослые пошли работать, дети – в школу где-то в декабре 1945 г. Разруха в селе была страшная, и надо было всё восстанавливать.

В 1945 г. тётя Лиза получила похоронку на своего мужа Исаака Шенкера. После окончания войны вернулся с фронта Тубис Федя, который прошёл всю войну и встретил День Победы в Берлине. Его жену и двух маленьких детей расстреляли в Зволянской балке. Я помню страшный 1945 г. Мама, работая в поле, простыла, и её с воспалением лёгких и бронхитом отправили в больницу, в район Сталиндорфа, а это в 50 км от нас. Остались мы вдвоём: сестра 6-ти лет и я 11-ти лет. Моя задача заключалась в том, чтобы утром встать, когда только начинало светать, и идти далеко в поле – собирать, что там было: морковь, картофель, буряк. Однажды меня в поле поймал бригадир, обещал донести на меня, но пожалел и этим спас нам жизнь.

Я написала Тане письмо в госпиталь уже после Победы, что мы умираем с голоду. Она демобилизовалась в начале 1946 г. и приехала в Днепропетровск. К этому времени мама уже вышла из больницы, и тётя Лиза забрала нас к себе в Днепропетровск. Таня вернулась с фронта с 2-мя орденами Красного Знамени. Пошла в военкомат, и нам разрешили вселиться в нашу довоенную квартиру. Татьяна устроилась на работу в медсанчасть МВД, получала за звание зарплату и паёк. И так, благодаря ей, наша семья выжила.

После войны я много училась и работала. В настоящее время много сил отдала сбору материалов для издания альбомов по истории Сталиндорфского и Новозлатопольского районов, установлению памятника в селе Малокалиновка для того, чтобы сохранить память о трагическом прошлом. Веду переписку с учителями школ бывших еврейских поселений Днепропетровской области.

*Д.А. Теплицкая,
Днепропетровск, январь 2008 г.*

ГЛАВА 4

ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА

Цыпина Нелли Львовна.

*Свидетельствует о своём спасении
семьёй Зубковых: Василием
Ефимовичем и Марией Фёдоровной.*

Я, Цыпина Нелли Львовна, урождённая Гордон, 1932 г. рождения, еврейка. Перед началом войны я проживала в с. Горловка Донецкой области, по улице Сталинской №38, кв. 1. Отец, Гордон Лев Менделевич, 1906 г. рождения, горный инженер, работал в горноспасательном отряде. Мать, Гордон Зинаида Борисовна, 1911 г. рождения, домохозяйка. Брат, Гордон Эммануил Львович, 1935 г. рождения, школьник.

После окончания первого класса я находилась на каникулах в Днепропетровске в семье моего дедушки, Фрумина Бориса Гершковича, 1874 г. рождения, и тётки, Фруминой Розалии Борисовны, 1898 г. рождения, которые проживали по ул. Дзержинского (номера дома я не помню). Когда началась война, дедушка и тётка каждый день ожидали, что за мной приедет кто-нибудь из родителей. Однако этого не произошло. Как потом выяснилось, отец в первые же часы войны был мобилизован, а мать с братом были срочно эвакуированы в г. Бузулук Чкаловской области.

В связи со стремительным приближением немецких войск к Днепропетровску, дедушка и тётка решили вместе со мной эвакуироваться. Однако длительное время тётку не отпускали, т.к. она работала врачом в железнодорожной больнице. Когда же тётка получила

такое разрешение, в городе и на вокзале царила паника. В один из дней того времени нам всё же удалось погрузиться в вагон. Внезапно началась сильнейшая бомбёжка станции, наш вагон был повреждён, и мы не смогли уехать. Дедушка решил продолжить попытки эвакуироваться. Поэтому мы поселились в квартире родственников по ул. Короленко, 25, которые эвакуировались раньше и оставили дедушке ключи. Эта квартира находилась гораздо ближе к вокзалу. Дедушка каждый день ходил на вокзал. Там была полная сумятица, спешно эвакуировались заводы и ведомства. И никто из посторонних в эти эшелоны не допускался. Нам так и не удалось покинуть город Днепропетровск, который вскоре был оккупирован немецкими войсками. Мы остались проживать по ул. Короленко.

С первых же дней оккупации по приказу немецкого командования все евреи должны были носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой. Вечером 11 октября 1941 г. дворник сообщил нам, что мы должны явиться завтра утром с вещами и продуктами к определённом месту сбора. Утром мы вышли в указанном направлении. На улицах был расклеен приказ военного командования о сборе евреев. За уклонение от выполнения приказа полагался расстрел. В нижней части проспекта Карла Маркса образовалась колонна, которая попала в оцепление полицаев с собаками. Колонна двинулась. Люди в процессе движения строили догадки о том, что нас ведут на товарную станцию для отправки в Палестину. Колонна остановилась в районе глубокого оврага. Вещи велели сложить в стороне. Через короткое время со стороны оврага послышались пулемётные очереди, которые не прекращались. Люди поняли свою участь. Когда стрельба прекрати-

лась и наступили сумерки, оставшиеся в живых люди сделали попытку разбежаться в рассыпную. Полицаи открыли интенсивную стрельбу, и люди инстинктивно упали и прижались к земле.

Наступила холодная осенняя ночь. Люди старались стоять плотной толпой, чтобы как-то согреться. Некоторые не выдерживали нервного потрясения от своего трагического положения – падали замертво. На их тела уложили детей, т.к. некуда было их приткнуть или посадить. Дети плакали и просились домой в свои кровати. Пожилые женщины ломали на руках свои пальцы и приговаривали: «Готэню». Некоторые старики молились. Запомнился один юноша, который утешал пожилую женщину словами: «Умереть от пули не тяжело, ведь это один миг». С рассветом вновь застрочил пулемёт, и колонна становилась всё меньше и меньше. В течение дня на машинах подвозили всё новые и новые партии евреев. Моя тётя Роза плакала и причитала, что из-за неё я погибну, и она корила себя, что не смогла меня вовремя вернуть родителям. Мне очень жаль было тётю, и я несколько раз брала её и дедушку за руки и вводила в конец колонны, чтобы оттянуть время нашей гибели. К концу второго дня мы оказались у трагической черты. В момент расстрела, очевидно, дедушка закрыл меня от пуль своим телом и толкнул в овраг. Очнулась я от холода и навалившейся на меня тяжести. Я начала пробираться между трупами и через небольшой слой земли выползла на поверхность. Когда я достигла края оврага, то вдруг услышала окрик: «Встань!». Передо мной стоял немецкий офицер, которого я уже два дня замечала в зоне расстрела. Он свободно говорил по-русски и передавал команды офицеров «СС» украинским полица-

ям. Форма на нём была не чёрного цвета. Я была вся в грязи и крови. Меня бил озноб, я плакала и говорила, что я приехала из Донбасса в гости, что я русская, что я попала случайно с людьми, к которым я приехала в гости. В принципе, я была мало похожа на еврейских девочек. Офицер стал меня внимательно рассматривать. Затем он подвёл меня к куче вещей, взял оттуда большой клетчатый платок и накинул на меня. Кроме того, он всунул в мои руки буханку хлеба. После этого офицер провёл меня через оцепление полицаев. Я очутилась на пустыре и не знала, куда идти. В это время мимо меня проходил один из полицаев, и я обратилась к нему с вопросом. Полицай достаточно злобно ответил: «Не разговаривай много, иди за мной». Я едва успевала за ним, и через некоторый промежуток времени он исчез из виду. Придерживаясь того же пути, которым мы шли на расстрел, преодолевая головокружение и тошноту, я вернулась в тот же двор по ул. Короленко. Наша квартира была закрыта, и я постучалась к соседке – тётке Насте, с детьми которой я играла. Тётя Настя впустила меня и уложила в постель. Только по истечении недели я смогла подняться. За это время тётя Настя рассказала бездетным соседям Зубковым о том, что у неё находится девочка из Донбасса, русская, которая приехала в гости к соседям-евреям и теперь она осталась одинокой. Тётя Настя не могла оставить меня у себя, т.к. у неё было двое своих детей, и кормить нас было нечем. Зубковы пришли к тётке Насте, поговорили со мной и согласились взять меня к себе.

Моя приёмная – Мария Фёдоровна, 1911 г. рождения, до войны работала дворником. Отец, Василий Ефимович, 1895 г. рождения, работал конюхом и имел

лошадь и бричку. Это позволяло во время оккупации нашей семье каким-то образом существовать. Приёмный отец Василий с первых же дней тепло и ласково относился ко мне. Мария Фёдоровна была по своей сути очень добрым человеком, но имела властный, вспыльчивый характер – при малейшей моей провинности могла меня жестоко избить, о чём потом сожалела. Поэтому я очень боялась приёмной матери и всегда находилась в напряжённом состоянии. Постепенно я привыкла к новой семье, начала гулять во дворе и на улице. Меня очень тревожило то, что мальчишки из соседних дворов, видя меня, дразнили «жидовочкой». Очевидно, они ранее замечали меня в обществе дедушки и тёти Розы. Мои тревоги оказались ненеприятными. Примерно по истечении двух месяцев в нашу дверь начали сильно стучать и в комнату вошли немецкие солдаты во главе с офицером. По имевшемуся у них доносу в семье Зубковых проживает еврейская девочка. За скрывание евреев нацисты расстреливали всю семью. Мария Фёдоровна начала очень плакать и убеждать офицера, что я русская, сирота и даже её дальняя родственница. Посмотрев на меня и, очевидно, не обнаружив типичности в моей внешности (я была светлоглазая, с прямыми каштановыми волосами), офицер сжалился над нами, но в категорической форме потребовал, чтобы на меня были оформлены документы и была удочерена официально через городскую управу. Пока он меня арестовывает, мать должна каждые два дня отмечаться в полицейском комиссариате, а отец должен привезти соответствующие документы из деревни Шамшино, откуда была родом Мария Фёдоровна. Это в 60 км от Днепропетровска.

В течение примерно двух месяцев я находилась в заключении. Меня систематически вызывали на допросы. Несколько раз жестоко избивали. Камера была цементной, стены были мокрыми. Я всё время дрожала и от холода, и от страха. На допросах и себе лично я твердила одно и то же: я – русская, сирота, мать умерла от тифа, когда я была маленькой, отец погиб на шахте, Зубковы – мои дальние родственники. Мои рассказы были убедительны, поскольку я жила в среде горноспасателей и шахтёров, где слышала множество таких печальных историй. Отец Василий вернулся из деревни и привёз справку необходимого содержания. Меня выпустили из заключения. На основании этой справки в городской управе Зубковы в присутствии меня оформили удочерение. Я стала Зубковой Нелли Васильевной. Через некоторое время, когда я пришла в себя, меня оформили в школу в дальнем районе города, т.к. мальчишки продолжали меня дразнить, и я боялась их преследований в школе. Только после прихода Советской Армии я перешла в школу своего района. Через некоторое время после освобождения Днепрпетровска, в город стали возвращаться еврейские семьи, в частности, и в наш дом. Я не помню точно, через кого о моей судьбе узнала врач Чегринская, которая решила попытаться разыскать моих родственников. Приходящим к ней на приём пациентам – евреям, она рассказывала обо мне и просила включиться в розыск людей по фамилии Гордон. 14 марта 1945 года к ней пришла на приём приехавшая из эвакуации моя двоюродная сестра Маара Гордон. Узнав, что я жива, Маара бросилась к своей матери, тёти Рахили, и они вместе пришли к нам во двор. В этот момент я со своей приёмной матерью шла навстречу за покупками в

магазин. В душе я была счастлива, но инстинктивно я не высказывала своей радости перед своими спасителями, столько пережившими и рисковавшими из-за меня жизнью. Через день, по телеграмме тёти Рахили, за мной из Донбасса из г. Красный Луч приехал отец. Тётя Рахиль, по специальности фотограф, сфотографировала меня во время первой встречи и, когда приехал отец, – всех вместе. Эти фотографии у меня сохранились.

Вскоре после моего отъезда к родителям в Красный Луч, супруги Зубковы усыновили грудного мальчика и назвали его Васей. О нём всё время упоминает Мария Фёдоровна в своих письмах ко мне. Все последующие годы я поддерживала отношения со своими спасителями: переписывались и периодически ездили друг к другу в гости.

В 1968 году отец Василий заболел и находился в тяжёлом состоянии. Мама Мария известила меня об этом и я поехала с ним повидаться, а фактически получилось, что я с ним попрощалась, т.к. очень вскоре он умер. Мама Мария умерла в 1982 году, в областной больнице Днепропетровска, куда я определила её для лечения. На её поминках мы договорились с её ближайшими родственниками поддерживать отношения. В частности, до отъезда в Германию я переписывалась с племянницей Марии Фёдоровны – Верой Жидковой, которая во время болезни ухаживала за ней. Васю, приёмного сына, я потеряла из виду.

Все описанные мною события не прошли бесследно для меня. По сегодняшний день у меня полностью подорвана нервная система. Из-за глубокой и длительной простуды во время пребывания в зоне расстрела и камере я в значительной мере потеряла

слух, в ушах стоит шум, страдаю ревматизмом и полиартритом. До сих пор меня преследует специфический запах расстрелянных людей. Не выношу криков, стуков. Не могу смотреть фильмы с элементами жестокости или убийств.

Я благодарна своим родителям, родственникам и мужу за тёплое, трогательное отношение ко мне.

Я благодарю Б-га за подаренную жизнь и за появившихся на свет дочери, внука и внучки.

Н.Л. Цыпина

P.S. По ходатайству Цыпиной Нелли Львовны её спасителям Зубкову Василию Ефимовичу и Зубковой Марии Фёдоровне в 1998 г. было посмертно присвоено почётное звание «Праведник народов мира».

Карпика Майя Юрьевна.

**Свидетельствует о спасении Фрейлих
Анны.**

Я, Карпика Майя Юрьевна (девичья моя фамилия Туровская), родилась 28 февраля 1928 года в селе Глинске Калиновского района Винницкой области.

В настоящее время я с мужем и детьми живём в г. Днепропетровск. Мой муж – офицер в отставке, я по образованию учительница. У нас три дочери и трое внуков.

Во время войны я с родителями жила в селе Корделевка Калиновского района Винницкой области. В этом селе мой отец до войны работал учителем, мама была домохозяйкой, я – школьницей. Во время войны нигде не работали, занимались своим приусадебным участком.

До войны ни я, ни мои родители Аню не знали. А вот в 1942 году, наверное, в мае месяце, я точно не помню, в нашем селе в колхозных коровниках немцы сделали еврейский лагерь. По утрам их выгоняли на работу на аэродром, а к вечеру пригоняли. Бедные люди – молодые и старики были голодны. Жители нашего села, кто жил поближе (а наш дом был рядом), носили им кушать, кто что мог.

Моя мама взяла вареный картофель, бутылку молока, кусок хлеба и тоже пошла туда, к этому лагерю. Мама заметила Аню, потому что она стояла в стороне одна, сильно печальная девочка. На второй день я пошла с мамой, а после, уже каждый вечер носила Ане кушать. А по ходу, помню, раздавала картофель старикам. Домой возвращалась со слезами на глазах,

жаль было всех. Аню особенно жалела. Мне казалось, что она похожа на мою подругу. До войны я дружила с девочкой Инной, тоже еврейкой, но они успели эвакуироваться.

Я с мамой начала вести разговор, что надо что-то сделать, потому что Аню расстреляют вместе со всеми. На нашем маленьком совете мама, отец и я решили, что Аню надо спасать. Когда этот лагерь перевели в Калиновку, мы с мамой продолжали туда ходить. Покойная мама уговаривала Аню, чтобы она при малейшей возможности бежала к нам. Зимним вечером Аня пришла к нам. Даты не помню. Я не думала, что когда-нибудь об этом буду писать. Больше всего времени Ане приходилось сидеть на печке. Днём, когда заходил кто-нибудь из соседей, боялась чихнуть или кашлянуть. А на чердаке в сене было приготовлено для Ани место. Ведь в любое время могли появиться немцы. Помню, как ночью выводили Аню на свежий воздух. То, что она у нас жила, был огромный риск, везде были объявления, которые гласили о смерти тем, кто скрывает евреев. Но мои родители ни разу не пожалели тогда, что они так поступили. Аня жила у нас, наверное, месяц. И вот в селе появились немцы, и Ане оставаться у нас было небезопасно. Мама одела её в свою одежду, дала узелок с едой и проводила. И Аня ушла по адресу, данному ей кем-то из её знакомых. О том, что она скрывалась у нас, никто из соседей не знал, и не знали родственники. После войны мама им рассказала.

Когда родители были живы, мы часто вспоминали Аню, хотелось знать о её судьбе, как сложилась её жизнь. Позже я рассказала детям, что у нас произошло во время войны. Такое не забывается.

Спустя много лет после войны Аня нашла меня. Родителей моих уже не было в живых. Мы стали переписываться, гостили с семьёй у неё в Виннице.

*М.Ю. Карпика,
г. Днепропетровск, октябрь 1997 г.*

***Кравченко-Тектониди-Клейнерман
Нелли Георгиевна.***

***Свидетельствует о своём спасении
Петровой Татьяной Петровной и
Петровой Натальей Петровной.***

Рассказ спасённой Нелли Георгиевны Кравченко-Тектониди-Клейнерман.

Я, Кравченко Нелля Георгиевна, родилась 23.08.1941 г. в г. Ялта Крымской области. Мои родители Г.К. Тектониди и Рахиль Абрамовна Клейнерман были учителями в СШ №5 г. Ялта. Ялту немцы оккупировали 8 ноября 1941 г. Маму арестовали в апреле 1943 г. по доносу предателя, так как она была еврейка. Кроме того, она помогала партизанам редактировать подпольную газету «Крымская правда». Фашисты издевались над ней, а затем расстреляли. Папа ушёл в лес, в партизанский отряд. Мне было 1 год и 8 месяцев. Я подолгу оставалась брошенной дома, больная. Об этом узнала Петрова Татьяна Петровна, знавшая моего отца. Она забрала меня к себе в начале 1943 г., рискуя жизнью своего маленького сына Пети, жизнью сестры Натальи Петровны и своих родителей. Эти люди лечили, кормили и выхаживали меня. Я их очень полюбила и называла «мама Таня» и «мама Наташа». В начале декабря 1943 г. папа забрал меня и свою маму Е.К. Тектониди в лес, в 10-й партизанский отряд, так как моё пребывание у Петровых стало опасным. Немцы искали спасённую еврейскую девочку. 16 апреля 1944 г. в день освобождения Ялты от немцев папа снова принёс меня к Петровым, т.к. довоенный наш дом был разграблен. И снова мои «мамы» меня выхаживали от болезней. Мой отец женился на «маме Наташе», а в июне 1944 г. родителей моих сослали в Уфу, так

как отец был грек по национальности. А я осталась в семье Петровых и прожила там ещё 2,5 года до лета 1946 года. В 1947 году родителей освободили, и мы поселились в г. Мелитополь. Но вся моя жизнь связана с Ялтой, куда я ездила каждый год к «маме» Тане в гости.

До 16 лет я ничего не знала о своей родной маме Рахиль Абрамовне и про то, что с ней случилось. Не желая травмировать меня, папа и «мама Наташа» ничего мне не говорили об этом.

*Н.Г. Кравченко (Тектониди-Клейнерман), дочь,
г. Мелитополь Запорожской обл., июнь 2004 г.*

Безуглова Лидия Васильевна.

***Свидетельствует о своём спасении
украинской семьёй Пономаренко
Павлом Максимовичем и
Пономаренко Матрёной Ивановной.***

Безуглова Лидия Васильевна.

Как меня, ребёнка, еврейку по национальности, спасла от расправы немецкими фашистами украинская семья в период оккупации Днепропетровска в 1941-1943 гг.

Моя девичья фамилия Л.В. Савельева. Родилась в г. Днепропетровск 12 сентября 1936 г. До войны жила с родителями в Днепропетровске по адресу проспект Пушкина, 17/8. Отец – Савельев Василий Никитович, украинец, 1910 года рождения. Мать – Савельева (девичья фамилия Ткач) Нехама Лейбовна, еврейка, 1915 года рождения. Сестра – Савельева Любовь Васильевна, родилась 6 марта 1941 г.

Когда началась Отечественная война, отец был призван в армию. До этого он работал на мелькомбинате, а мы втроём уехали к родителям отца в село Никольское Солонянского района Днепропетровской области. Побыв там немного, мама с Любой ушли в город, так как в селе быстро распространился слух, что мама еврейка. Меня же отвели в соседнее село, затем в другое, третье. Я помню, что была то у бабушки Марфы, то у бабушки Домахи и бабушки Зины. Потом я узнала, что это были сёла Крутое, Заря и Орехово.

Отец, будучи на фронте под Одессой (как потом он мне говорил), в сентябре 1941 г. попал в плен, откуда бежал и пришёл в село Никольское. Он узнал от своего двоюродного брата Савельева Тимофея Фотиевича, что мама с Любой, когда она пришла с Никольского в

свою квартиру в городе, попала под облаву в середине октября 1941 г., и их в колонне евреев погнали по городу, а затем расстреляли в овраге лесопитомника у транспортного института.

Отец забрал меня с села Орехово, отвёз в Днепропетровск и оставил в семье своего товарища по работе Павла Максимовича Пономаренко и его жены Матрёны Ивановны Пономаренко. У них было две дочери – Валентина и Галина, 1931 и 1934 гг. рождения. Они жили в частном доме по улице Токарная, 5, это была окраина города.

Мой отец оставил меня у них, а сам ушёл. Он был угнан в Германию, оттуда в декабре 1945 г. он попал в Ростовскую область, где работал на предприятии до 1950 г. Затем он переехал в Днепропетровск. Я его увидела только в 1946 г., когда он приезжал в отпуск.

В семье Пономаренко я была как дочь и звала Павла Максимовича папой, а Матрёну Ивановну мамой. Я была записана в их документах и носила фамилию Пономаренко. Они знали мою маму, а Матрёна Ивановна и моя мама внешне были похожи. Я в то время не знала, что Матрёна Ивановна не моя мама. Они меня очень жалели и, как Валю и Галю, называли меня наша доченька. Жили мы материально тяжело. Но даже девочки ходили в 1942 г. на базар продавать летом холодную воду.

Павел Максимович не призывался в армию, он имел бронь и должен был эвакуироваться с комбинатом и семьёй. Но накануне эвакуации, как рассказывала мама Мотя, вокзал разбомбили, и они не уехали, остались в оккупированном городе. А мне посчастливилось, что меня как ребёнка укрыла от расправы такая добрая семья.

В 1943 г., перед приходом Красной Армии нас всех гнали за город, при этом заставляли проходить под виселицами, на которых висели люди, а кто уклонялся, того избивали нагайками. Ночью началась бомбёжка. Павла Максимовича ранило, но мы сумели убежать в кукурузное поле, а затем ушли и попали в село Широкое Солонянского района. Павел Максимович в селе ходил на костылях. Когда нас освободила Красная Армия, мы вернулись домой в Днепропетровск. Павла Максимовича везли на повозке вручную. Отвезли его в больницу на Канатную, где он умер 9 ноября 1943 года в возрасте 39-ти лет. Для нас это было большое горе и нам стало жить ещё труднее. Матрёне Ивановне предложили нас троих – Валю, Галю и меня отдать в приют, но она отказалась. Тогда ей предложили отдать в приют только меня (это потом стало понятно почему), но мама Мотя сказала: «Ни одну из трёх своих дочек в приют я не отдам». Позже она пошла работать в воинскую часть, находившуюся на ул. Чичерина. Там она, кроме зарплаты, ежедневно получала на нас, детей, котелок еды.

В апреле 1944 г. родственники моего отца забрали меня из семьи Пономаренко в с. Никольское. И так, в период оккупации с середины октября 1941 г. по 25 октября 1943 г., а позже до апреля 1944 г. я жила в семье Пономаренко. Спасибо им. Низкий им поклон за их мужество, тепло и ласку.

В 1982 г. Матрёна Ивановна ушла из жизни.

В июне-июле 1944 г. меня из села Никольское забрали к себе вернувшиеся из эвакуации моя бабушка по маме, Цилия Шмулевна Ткач, и дедушка, Зяма Ильевич Траппер, которые жили в то время в Днепропетровске по ул. Каменная,1.

В 1944 г., будучи у бабушки Цили, я пошла в 1-й класс школы №28, которая находилась тогда на площади Демьяна Бедного. Сейчас этой школы нет, в этом здании находится художественное училище.

Я помню, как бабушка Циля и дедушка Зяма позже рассказывали мне и моему мужу о том, что их знакомые, которые жили в оккупированном Днепропетровске, видели, как в октябре 1941 года мою маму с маленьким ребёнком на руках немцы гнали в колонне евреев, а затем расстреляли в овраге у транспортного института.

У бабушки Цили и дедушки Зямы я жила до конца 1954 года. Бабушка в ноябре 1954 года умерла, и я перешла к своему отцу и мачехе.

Всё, что я вкратце изложила, что-то я помню сама, что-то рассказала мне мама Мотя, а что-то мы с Валентиной и Галиной вспомнили, – страшное и тревожное время.

Я всей семье Пономаренко глубоко благодарна, что они, рискуя своей жизнью, спасли меня.

*Л.В. Безуглова,
г. Днепропетровск, октябрь 1998 г.*

Безуглова Лидия Васильевна.

**Письмо в Яд Вашем о признании её
отца Савельева Василия Никитовича
о факте спасения Лидии украинской
семьёй Пономаренко.**

*Иерусалим
Национальный мемориал
Катастрофы «Яд Вашем»
отдел «Праведники мира»*

Направляю Вам признание моего отца о моём спасении украинской семьёй Пономаренко в период оккупации Днепропетровска 1941-1943 гг.

До настоящего времени я пыталась сама узнать подробности своего спасения, так как мой отец, сколько я его не просила за свою жизнь рассказать мне всё о моей маме, сестре и о том, где и кто меня укрывал от расправы, то он всегда отмалчивался.

И когда я говорила ему, что я помню маму Мотю, расскажи мне о ней, кто она, почему ты меня ей отдал, то он всегда отвечал, что у тебя есть мать (то есть мачеха), и никакая мама Мотя тебе не нужна, и перестань меня об этом спрашивать, я тебе ничего не скажу.

Я не знаю и не могу понять до сих пор, почему он не хотел мне рассказать трагедию нашей семьи.

Сейчас он это объясняет тем, что не хотел терять душу себе и мне, и чтобы я мачеху знала, как мать, хотя я к ней относилась неплохо.

И только сейчас, когда ему в марте 2000 г. уже 90 лет, а мачеха умерла, он немного стал рассказывать

мне о том времени, хотя многое, как он говорит, уже забылось. Но я очень довольна, что он хоть кое-что мне рассказал и тем более написал.

*Л.В. Безуглова,
г. Днепропетровск, февраль 2000 г.*

**Смаль Валентина Павловна и
Семёнова Галина Павловна, дочери
семьи Пономаренко.**

**Свидетельствуют о спасении
Безугловой Лидии Васильевны.**

*Иерусалим
Институт «Яд Вашем»
Отдел «Праведники мира»*

Мы, дочери Пономаренко Павла Максимовича и Матрёны Ивановны, – Смаль Валентина Павловна, 1931 года рождения, и Семёнова Галина Павловна, 1934 года рождения (фамилии после замужества).

До войны мы жили в Днепропетровске по ул. Товарной, 5. Отец работал на мелькомбинате, где сдружился с рабочим того же комбината Савельевым Василием Никитовичем, у которого была жена еврейка и две дочери, 1936 и 1941 гг. рождения.

Когда началась война, отец имел броню от призыва в армию и должен был эвакуироваться на восток с предприятием. Но так как фашисты разбомбили вокзал, то эвакуироваться он не успел и остался на оккупированной территории. В.Н. Савельев ушёл на фронт, но, как потом стало известно, в августе 1941 года он попал в плен, откуда бежал. Придя домой узнал, что его жену и ребёнка немцы расстреляли, а старшую дочь его родственники скрывали по сёлам. Боясь, что узнают, что она еврейка, В.Н. Савельев осенью 1941 г. ночью привёл Лиду к нам, к своему другу, чтобы укрыть от расправы фашистами.

Помним, как Лиду мы увидели утром. Отец и мать сказали нам, что это ваша сестра Лида, а так как она боязлива, вы должны жалеть её и оберегать. «Никуда одну не отпускать и, если кто вас спросит, что это за девочка, отвечайте, что это ваша сестра». Ещё сказали, что она любит молоко, а поэтому она пришла к нам со своей козой. Вы её с Лидой будете пасти и траву для неё рвать. Так мы Лиду приняли в нашу семью.

Наша мама всегда одевала нас троих в одинаковую одежду и обязательно на голову одинаковые козынки, платки или шапки, которые она шила из старой одежды. Мы были похожи друг на друга и было видно, что мы родня, тем более, что Лида называла наших родителей папой и мамой.

Жили мы дружно, но было такое время, что мы голодали, и поэтому в летний период мы втроём носили по базару и продавали холодную воду. И были случаи, когда мы попрошайничали.

Мама, таща повозку, которую отец сделал, ездила по сёлам и меняла нашу старую одежду на продукты. С весны до осени Галина с Лидой рано уходили пасти козу, а Валентина приносила им что-нибудь поесть и говорила им, когда можно приходить домой. А часто они оставались ночевать в пещерах балки (овраге), которая находилась недалеко от нашего дома. Было также, что Лида нянчила мальчика 1938 года рождения, сына нашей соседки тётки Кати и очень часто она ночевала с ним в пещерах.

Тётя Катя, Екатерина Антоновна Москаленко, писала в отдел «Праведники мира» свои воспоминания, когда Лида собирала документы о наших родителях по её спасению. Когда мы проводывали тётю Катю, то в разговорах она часто возвращалась к тому жутко-

му, страшному времени, в котором погиб и её муж, а она так и осталась, как она говорила, навеки вдовой. Она нам говорила, что если бы не вы, девочки, то не знаю, спасли бы Лиду от гибели или нет, а так как она всегда вами как бы была прикрыта, то все соседи вокруг к этому привыкли и говорили: вот какие дружные дети Пономаренко, а чаще просто говорили: вот какие дружные Мотины дети. Это как-то быстро распространилось вокруг, что предотвратило вопросы об этой девочке Лиде. И слава Б-гу, что вас никто не выдал фашистам или полицаям, а то вы бы погибли все. Немцы не щадили тех, кто укрывал евреев.

Печально, что Екатерина Антоновна в сентябре 2002 г. ушла из жизни. Светлая ей память. А так бы она много конкретного написала о нас и нашей личной роли в спасении Лиды.

Жили мы хотя и бедно, но дружно. Когда мама ездила с повозкой по сёлам, чтобы выменять одежду на продукты, папа работал, а мы оставались одни, то всё равно уходили рано из дому, чтобы немцы или полицаи не застали нас. В это время контролировала наши действия тётя Катя, а если она уезжала с нашей мамой по сёлам, то присматривала за нами её мама. В ненастную погоду и в холода проводили дни в сарае, часто там и спали, возле той же козы, а бывало, Лида с Галиной прятались в собачьей будке. Это потом мы узнали, что отец специально сделал большую будку.

Так мы прожили до того времени, что вот-вот должна прийти Красная Армия и нас освободить. Но буквально накануне нас спешно начали выгонять из домов и дворов на какую-то площадь, где стояли виселицы с повешенными людьми. Нас заставляли проходить под этими виселицами, а кто не хотел прохо-

дять, тех избивали палками, нагайками, прикладами автоматов. Проходить надо было пригнувшись, а не во весь рост. Когда нас этапом погнали в сторону Запорожья, нам удалось сбежать в кукурузное неубранное поле. Мы там пробыли какое-то время, обрывали кочаны кукурузы и грызли их, так как нечего было есть. Когда мы убегали с этапа, ранило отца, но мы всё же добрались до села, как потом выяснилось, Широкое Солонянского района. Папа там ходил на костылях. Через некоторое время нас освободили, и мы возвращались домой. Отца везли на повозке, он стонал, кричал, и мы повезли его в больницу, на улицу Канатную. Но через несколько дней, 9 ноября 1943 года, он умер. Когда мы вернулись домой, то в доме всё было разграблено. Стёкла окон выбиты, нечем было растопить печку, нечего было есть. Для нас это была трагедия. Спасло то, что мама нашла работу в воинской части на улице Чичерина, где помимо зарплаты ей ежедневно давали котелок каши. Я, Валентина, устроилась работать в госпиталь, который разместился в школе №6, где ухаживала за ранеными. Нам это очень помогло. Ведь папы у нас уже не было. Маме предлагали отдать нас троих в приют, или хотя бы Лиду одну, но она отказалась отдавать не только троих, но и одну Лиду. Мы стали жить немного лучше. Лида пробыла у нас до весны 1944 года, а потом её забрала бабушка по материнской линии, которая вернулась из эвакуации. Так, Лида пробыла у нас весь период оккупации, с осени 1941 г. до 25 октября 1943 г.

Спасённая девочка Лида Савельева, теперь Безуглова (по мужу) живёт в Днепропетровске. Она подавала необходимые документы, в том числе и наше краткое описание вышеописанных событий по её

спасению для присвоения нашим родителям звания «Праведники мира».

14 июня 2001 года нашим родителям было присвоено почётное звание «Праведники мира», посмертно.

Медаль и почётную грамоту на имена спасителей нам вручили. Мы же, вспоминая то страшное время, думаем, что наши родители сознательно рисковали лично собой и нами, укрывая в нашей семье эту девочку. А мы по настоянию и убеждению родителей её оберегали, укрывали и приняли девочку за сестру, может подсознательно, интуитивно помогали самому факту спасения. И слава Б-гу спасли девочку и не погибли сами.

*В.П. Смаль,
Донецкая обл., г. Макеевка.
Г.П. Семёнова,
г. Днепропетровск,
2001 г.*

Савельев Василий Никитович.

**Свидетельствует о спасении его
дочери Лидии семьёй Пономаренко.**

**О факте спасения моей дочери,
еврейки по матери, семьёй
Пономаренко при оккупации
фашистами Днепропетровска
1941-1943 гг.**

До войны я с семьёй – жена Нехама Лейбовна Савельева, 1915 года рождения, дочь Лидия, 1936 года рождения и Любовь, родившаяся 6 марта 1941 года – проживал в Днепропетровске по проспекту Пушкина, 17. Работал слесарем на мелькомбинате.

В июне 1941 г. я был призван в ряды Красной Армии. В августе 1941 г. в боях под Одессой попал в плен, откуда бежал. В сентябре 1943 г. насильственно был вывезен в Германию. В Днепропетровск возвратился в 1950 г. и работал на Южном машиностроительном заводе.

Когда я вернулся из плена домой, то узнал, что жену с ребёнком расстреляли фашисты только за то, что евреи, а старшую дочь родственники скрывали по сёлам. Так как в сёлах быстро распространился слух, что девочка – дочь еврейки, то я в конце октября 1941 г. отвёз дочь Лиду в Днепропетровск на ул. Токарную, 5, в семью Павла Максимовича Пономаренко и его жены Матрёны Ивановны. У них были свои две дочери Валентина и Галина. До войны с Павлом я работал на мелькомбинате, мы дружили семьями. Он в армию не призывался, так как должен был эвакуироваться с мелькомбинатом, но не успели, и он остался в оккупации.

Я просил их, чтобы они мою дочку передержали-укрыли какое-то время у себя, они согласились. Огромнейшее им спасибо. Дальше обстоятельства сложились так, что она была у них весь период оккупации до 25 октября 1943 г. и продолжала жить у них до весны 1944 г. Затем перешла к своей бабушке по матери, вернувшейся из эвакуации в г. Днепропетровск.

Дочь свою Лиду я увидел только в 1946 г., когда приехал в отпуск в Днепропетровск из Ростова-на-Дону, куда я попал после возвращения из Германии. Тогда я и узнал, что Павел Максимович Пономаренко после ранения умер в конце 1943 г.

Я бесконечно благодарен семье Пономаренко, что они, рискуя собой и своими детьми, спасли мою дочь от фашистов.

Я прошу прощения у дочери Лиды за то, что я до сих пор не рассказал ей о трагедии нашей семьи.

Сейчас, на склоне лет, оставшись один (жена по второму браку ушла из жизни в июле 1999 г.), я обязан рассказать дочери Лиде всю правду о трагедии её мамы, сестры и кем она была спасена от фашистов. Поэтому и подписываю это признание.

Сейчас моя дочь Лидия Васильевна Безуглова проживает в Днепропетровске.

*В.Н. Савельев,
г. Днепропетровск, февраль 2000 г.*

Белецкая Варвара Антоновна.

Свидетельствует о своём спасении

Кулюкина Нина Демидовна.

Я, Кулюкина Нина Демидовна, родилась 16.09.1930 г.

Наша семья состояла из пяти человек: отец – Михайленко Демид Парфёнович, 1904 г.р., белорус; мать – Левина Вера Моисеевна, 1905 г.р., еврейка; брат – Михайленко Энгель, 1925 г.р.; сестра – Михайленко Элеонора, 1931 г.р., и я – Михайленко Нинель.

До войны наша семья жила в посёлке Крупской Днепропетровской области по ул. 7-я Поперечная, 17. 16 августа 1941 г. отца мобилизовали в армию, а 25 августа 1941 г. в Днепропетровск вошли немцы. Мама решила уйти из посёлка и жить в квартире моей бабушки по ул. Центральной, 10, кв.35, так как в посёлке жили только две еврейские семьи, и мама боялась, что нас выдадут немцам. К тому времени родители мамы уже эвакуировались: отец Левин Мойсей Борисович; мать Левина Гита Хая Ароновна; сестры: Мария Моисеевна, Розалия Моисеевна и Вера Моисеевна; братья: Авраам Моисеевич и Аркадий Моисеевич. Мою маму с тремя детьми они не захотели взять с собой, так как она без согласия родителей вышла замуж за белоруса. Мама с нами выехать не могла. Мы жили очень бедно.

Когда немцы объявили о том, что все евреи должны одеть повязки с шестиконечной звездой, мама пошла к своей бывшей сотруднице Белецкой Варваре Антоновне с просьбой взять к себе меня и мою сестру Лилю. Варвара Антоновна согласилась взять только меня. У моего брата к тому времени был уже паспорт, так как ему исполнилось 16 лет, национальность по отцу была записана белорус.

Когда объявили всем евреям явиться на сборный пункт к Универмагу, мама с сестрой Лилей, как и все евреи города, пошла к месту назначения. Через два дня мы узнали, что всех евреев расстреляли в балке Ботанического сада 13 октября 1941 г. Зимой 1941-1942 гг. мы жили с братом, а потом его угнали в Германию, а меня к себе забрала Варвара Антоновна. Она изменила мне моё имя с Нинель на Нину, чтобы ни у кого не было подозрения, что я еврейка, и год рождения с 1928 г. на 1930 г. по причине того, что в Германию угоняли с 14 лет, а мне в 1942 г. исполнялось 14. Немцы в 1942 г. выселяли жителей Нагорного района, и мы уехали с Варварой Антоновной и её сыном в город Марганец Никопольского района Днепропетровской области. Там жил её брат Царенко Константин Антонович.

После войны, когда пришло уведомление, что мой отец пропал без вести, В.А. Белецкая оформила новую метрику. С её слов записали меня Ниной, а не Нелей, год рождения 1930-й, а не 1928-й, в графе о моей маме записали Михайленко, а не Левина, и национальность русская, а не еврейка. Когда вернулись из эвакуации родители моей мамы, я перешла к ним жить.

Я осталась жива благодаря Белецкой Варваре Антоновне. Ведь приказ по Днепропетровску гласил, что все евреи до четвёртого поколения должны явиться на сборный пункт. В приказе также значилось, кто укрывает евреев, будет расстрелян. Она рисковала не только собой, но и своим единственным сыном.

*Н.Д. Кулюкина,
г. Днепропетровск, февраль 2004 г.*

Кубышкина Ольга Ивановна.

Свидетельствует о своём спасении Товаровская Нона Георгиевна.

Мои родители – Кубышкин Георгий Иванович и Кац Полина Ильинична, которые работали на кондитерской фабрике, стали мужем и женой в 1936 г. Через два года у них родилась дочь Нона, то есть я. На всю жизнь запомнила родителей молодыми и красивыми, отец был высоким, русоволосым, мама – изящной брюнеткой. Им было суждено навеки остаться молодыми.

Огненный смерч войны опалил и нашу семью: отец погиб на фронте. Мы с мамой поселились у его сестры, Ольги Ивановны Кубышкиной, которая относилась к нам очень сердечно.

В октябре 1942 г. соседи по дому на улице Ломанной, 8, где мы жили до войны, выдали маму полицаям, и её расстреляли. Я, тогда трёхлетняя малышка, горько плакала. Ольга Ивановна утешала меня, окружила теплом и заботой. Я верила, что мама вернётся.

После расстрела моей мамы Ольга Ивановна в ноябре 1941 г. ночью под проливным дождём вывезла из Днепропетровска свою маму – мою бабушку, и нас, детей, в село Александрополь Солонянского района. Там Ольга Ивановна работала поваром в лагере военнопленных. Жили мы в крестьянской хате, а когда её заняли немцы, нам пришлось перейти в подвал. В Александрополе мы прожили до октября 1943 г.

Моя спасительница до войны окончила Кировоградский педагогический институт и работала в облоно заведующей сектором детских домов.

После освобождения Днепропетровска Красной Армией мы вернулись в свой город. Ольга Ивановна

работала в Институте усовершенствования учителей, преподавала биологию в школе.

Педагог от Б-га, она везде пользовалась любовью детей и уважением коллег. Награждена знаком «Отличник народного образования», почётными грамотами Верховного Совета УССР, Министерства просвещения УССР.

Ольга Ивановна вырастила меня. Я никогда не чувствовала своего сиротства.

Она, моя вторая мама, ушла из жизни в 1972 году.

Я думаю, что за свой подвиг Ольга Ивановна Кубышкина достойна званий «Праведник Украины» и «Праведник народов мира».

*Н.Г. Товаровская,
(племянница О.И. Кубышкиной),
г. Днепропетровск, 2004 г.*

**Маслюкова Александра Ивановна и
Гриб Фёдор Амелянович.**

**Свидетельствует о своём спасении
Агафьина Раиса Яковлевна.**

Я, Агафьина Раиса Яковлевна (девичья фамилия Лившиц), родилась в г. Речица Гомельской области в 1934 г. В настоящее время проживаю в Днепропетровске.

Перед началом Великой Отечественной войны наша семья проживала в местечке Свислочь Осиповичского района Могилёвской области. В Свислочь мы переехали в 1940 г. к родителям отца из села Городец Рогочевского района Гомельской области.

Состав семьи:

- дедушка – Лившиц Арон (расстрелян немцами);
- бабушка – Лившиц Либа (расстреляна немцами);
- мама – Казачкова Белла Захаровна (умерла в 1970 г.)
- брат – Лившиц Зус Яковлевич, 1936 г.р. (подрывался на mine в 1936 г.);
- брат – Лившиц Эдуард Яковлевич (1938 г.р.);
- я – Лившиц Раиса Яковлевна;
- Хима – полуглухонемая женщина, белоруска, проживала с нами с 1935 г.

В самом начале войны немцы высадились десантом в местечке Свислочь. На третий день войны мы проснулись от грохота – это немцы въезжали в местечко. Мы жили недалеко от моста, проходившего через р. Свислочь. Эвакуироваться никто из местечка не смог. На третий день после вступления немцы приказали всем евреям прикрепить на одежды и дома жёлтые шестиконечные звёзды. Прошло несколько дней после оккупации нашего местечка, и они нача-

ли сгонять всех евреев. Мама сразу поняла, что всех нас ждёт расправа, и поэтому на своей и на нашей одежде звёзды не пришила и решила попытаться пройти через мост. Она приняла решение идти в лес, но на мосту стояла охрана и пропускала людей только по пропускам. Так как мы переехали сюда только год назад, то нас мало кто знал. Недалеко от места, где мы проходили, гнали толпу евреев. Во главе полицаяв был мамин ученик. Он сказал: «Почему вы стоите?» Мама ответила: «Я не еврейка. Мой муж еврей». У него не было времени с нами разбираться, и он «махнул на нас рукой». После того, как прошла толпа евреев, мама схватила Эдика на руки, а Хима взяла Зуса, и мы пошли на мост. Мама сказала постовому, что пропусков уже не дают, и ему махнул рукой полицай, чтобы он нас пропустил.

Начались наши скитания. Мы прятались в лесу, в развалинах домов, просили милостыню в сёлах. Так мы подошли к Бобруйску. Когда мы вышли из леса, то увидели охрану на мосту через р. Березина. Они нас тоже увидели, но мама решила идти прямо на мост. Охрана в город пускала, а из города выпускала только по пропускам. Пройдя через мост и войдя в город, мама решила идти прямо к коменданту города, поскольку только он выдавал пропуска. С ним мама разговаривала на немецком языке. Она ему рассказала, что её муж – немец, что он был репрессирован в 1939 г., что мы бежали из Городца в 1940 г., так как там жить стало небезопасно, и что сейчас мы возвращаемся в Городец. Она показала ему характеристику из Городецкой школы, в которой раньше работала, и аттестат об окончании педагогического института. Мама объяснила коменданту, что другие документы она не успе-

ла взять, а эти случайно оказались в кармане одежды. (Все документы, в которых была указана национальность, мама закопала в лесу). Комендант проверил по карте местности, знает ли мама окрестности Городца. Когда он убедился, что мама знает близлежащие сёла, то решил, что мама говорит правду. Он выдал нашей семье пропуск для возвращения в Городец. Однако туда мы не могли возвратиться, так как там знали, что мы евреи. Когда мы вышли из Бобруйска, к нам присоединилась девушка. Она была еврейка и проживала в Бобруйске. Ей было 18 лет, и звали её Соня. Больше ничего я о ней не помню.

И начались наши скитания по Гомельской и Черниговской областям. Везде мама предъявляла пропуск и говорила, что мы идём в Городец. Когда мы пришли в Гомель, мама попросилась переночевать у Масюковой Александры Ивановны. Она накормила нас, дала нам чистую одежду, так как наша была уже изношена. Это было в конце августа-начале сентября 1941 г. Мы жили у неё некоторое время. Потом пришёл её сын и сказал, что соседи донесли в полицию, что у неё кто-то прячется. Дождавшись рассвета, мы ушли из Гомеля по направлению к Чернигову. Скитались по сёлам. Мёрзли, голодали. Так мы дошли до села Грибова Рудня. Войдя в село, мама обратилась к старосте села с просьбой переночевать и, если можно, то где-нибудь пожить, так как начались холода, а дети маленькие. И она добавила, что когда потеплеет, то пойдём на родину в Городец и что мы заблудились. Он нас поселил в пустующий дом бывшего председателя колхоза. Мама шила одежду для старосты и жителям села. Староста разрешил маме пользоваться его швейной машинкой. Этим она зарабатывала на жизнь. Однако некоторые

жители села доносили на нас в полицию и маму много раз вызывали на допрос. На допросе она показывала пропуск, который дал ей немецкий комендант в Бобруйске, характеристику из школы Городца и аттестат об окончании института. Имя Белла она изменила на имя Вера. А здесь мы оказались потому что заблудились. 13 февраля 1942 г. за нами подъехала подвода и всю нашу семью, кроме Сони, увезли в Добрянку в немецкую жандармерию. Соня спряталась, с нами она не поехала, так как у неё не было никаких документов. Она к нашей семье присоединилась после Бобруйска, а пропуск нам выдали в Бобруйске. Когда нас увезли в Добрянку, из Репок приехал за нами полицай. Нас уже не было, а была одна Соня. Они её увезли в полицию. После войны мы узнали, что её там расстреляли. В Добрянке, где находилась жандармерия, нас вели по двору. Немцы, которые сопровождали нас взглядами, говорили: «Шисен, шисен». Это значит стрелять. Мама это всё понимала, но не показывала вида и держалась. На допросе с немецким комендантом она разговаривала на немецком языке. Показала ему документы. Он приказал коменданту полиции выдать маме справку о том, что она не еврейка. Нас отпустили и мы вернулись в село. На следующий день староста Гриб Фёдор Емельянович приехал из Добрянки и пришёл к нам. Он сказал, что комендант полиции Добрянки ему говорил: «Хитрая еврейка, немца вокруг пальца обвела. Я уверен, что она еврейка. Я позвоню в Репки и оттуда приедут и заберут их. Она там не вывернется, и их расстреляют». Добрянка и Репки – это два райцентра, расположенные рядом в Черниговской области. Ночью староста Гриб Фёдор Емельянович подъехал к нам на подводе. Нас, сонных детей, уложил на подводу, и

мама легла с нами. Сверху Фёдор Емельянович наложил глиняных горшков. Хима села рядом с ним впереди подводы. Он вывез нас с территории Черниговской области на территорию Гомельской области. Эти области граничат между собой. Когда на следующий день полицаи из Репок приехали за нами, то нас там уже не было. Староста же сказал, что он не знает, куда мы ночью делись. И опять начались наши скитания по сёлам зимой с маленькими детьми. Пришли в Гомель, снова к А.И. Масюковой. Когда уже было темно, чтобы нас никто не видел, мы постучались к ней. Она нас вновь приютила. Мы жили у неё некоторое время, на улицу никто из нас не выходил. Через некоторое время её сын переправил нас в с. Залипье Гомельской области. Старосту села он хорошо знал, поэтому и обратился к нему с просьбой перепрятать нас как можно быстрее. Староста села определил нас на одну квартиру, хозяйке которой он сказал, что документы наши проверили, что мама будет ей отрабатывать за проживание. Живя на квартире, мы старались не показываться на улицу, чтобы нас меньше видели жители села. Там мы прожили до освобождения села Советской Армией в ноябре 1943 г.

После окончания войны мама переписывалась с А.И. Масюковой, и она приезжала к нам в гости. Староста села Грибова Рудня Фёдор Емельянович Гриб тоже нас разыскал. Мама дала ему справку о том, что он нас спас. Это подтверждает архивная справка, выданная СБУ по Черниговской области от 3 октября 2002 г. Фёдор Емельянович Гриб и Александра Ивановна Масюкова рисковали своей жизнью и жизнью своих семей, спасая нас. В настоящее время внук Фёдора Емельяновича проживает в Чернигове. Всё, что было пережи-

то нами во время немецкой оккупации, я помню и благодарю всех, кто помог нам выжить в страшные годы войны.

*Р.Я. Агафьина (Лившиц),
г. Днепропетровск*

**Шындыбыло Феодора Николаевна
и Будзинская (Шындыбыло)
Галина Ивановна. Свидетельствует
внук Ф.Н. Шындыбыло и
сын Г.И. Будзинской о спасении
ими семьи Марьянских: Моисея
Лазаревича и Евы Львовны.**

Я, Будзинский Илья Францевич, историк. Отец, Будзинский Франц Адольфович, учитель. Мама, Будзинская (Шындыбыло) Феодора Николаевна, колхозница. Бабушка, Шындыбыло Феодора Николаевна, колхозница. Умерла в 1979 году.

До войны моя бабушка и мама проживали в с. Зеленче Дунаевецкого района Каменец-Подольской области (сейчас Хмельницкая).

В период немецко-фашистской оккупации, в частности с августа 1942 года до конца марта 1944 года, они прятали от немцев и их пособников в сарае, на чердаке, в погребе, а иногда в ночное время в доме еврейскую семью Марьянских: Моисея Лазаревича, учителя местной школы, и Еву Львовну, его жену, которым чудом удалось убежать из гетто. Чтобы не вызывать подозрения у немцев, соседей, мама брала два ведра, ставила казанки с пищей, накрывала полотенцем, засыпала сверху очистками картофеля и несла в сарай, будто несёт корм для скота и, таким образом, кормила семью Марьянских. Так было ежедневно. Когда наступала зима, приносила тёплые вещи – одеяла, подушки и тулуп, который сохранился до сегодняшнего дня. Рассказывала Марьянским о том, что происходит в селе, где немцы, что слышно на фронте. Помогала бабушке стирать их одежду.

Время было очень тяжёлое и страшное, в любой момент немцы и их пособники могли бы расстрелять бабушку и маму, если бы узнали о том, что они прячут еврейскую семью. Тем более, что немцы провели в мае 1942 года массовое уничтожение еврейского населения. В селе Демьянковцы Дунаевецкого района в шахту, в которой ранее добывали суперфосфатную гальку, было загнано более 2,5 тыс. евреев, и затем взорван вход в неё. От взрыва недалеко в поле образовалась трещина, из которой ночью удалось выползти нескольким десяткам человек, в том числе и моему классному руководителю, учителю математики, Вейхерману Владимиру Семёновичу.

В память о произошедшем с еврейским населением Дунаевецкого района в годы Холокоста у входа в шахту была установлена мемориальная доска.

После освобождения с. Зеленче от немцев, Марьянский Моисей Лазаревич 6 апреля 1944 г. был призван Дунаевецким райвоенкоматом на фронт. Служил в санитарном батальоне 2-го Украинского фронта, вытаскивал под вражеским обстрелом раненых бойцов, спасая десятки, сотни человеческих жизней. На территории Польши был контужен. М.Л. Марьянский был награждён медалью «За боевые заслуги», Орденом Красной Звезды и многими другими наградами. С фронта прислал моей маме и бабушке фотографию.

Окончилась война, и Моисей Лазаревич возвратился к мирной жизни, к своей любимой профессии учителя. Учил бывших фронтовиков, детей тех, кто погиб на полях сражений, тех, кто был на оккупированной фашистами территории. Его трудовой стаж составил 53 года. Работал в Дунаевецкой средней школе №1, Сиченецкой восьмилетней школе, Мушкутинецкой

школе Дунаевецкого района Хмельницкой области. Дал путёвку в жизнь десяткам тысяч молодых людей. А это стало возможным благодаря сохранённой жизни, которую сберегли, спасли моя бабушка и мама.

После военных дней семья Марьянских переехала в г. Дунаевцы и поддерживала постоянную связь с моей бабушкой и мамой, а также с моим отцом Францом Адольфовичем Будзинским, который работал в школе с М.Л. Марьянским.

Вспоминая своё детство, юношеские годы, я очень часто ходил в дом к Марьянским, они меня всегда радостно встречали.

Мои родители были частыми гостями в семье Марьянских, особенно в праздники, такие как День Учителя и День Победы, а Марьянские всегда были у нас на Новый год, на день рождения моей мамы.

Так продолжалось постоянно до смерти Марьянских: Моисея Лазаревича 20 июля 1993 г. и Евы Львовны 4 января 1995 г. Мои родители, я и мои братья, Анатолий и Виталий, продолжаем поддерживать дружественные отношения с дочерью Марьянских, Любовью Моисеевной, которая проживает в Хмельницком.

О том, что происходило в то время, знали лишь живые свидетели тех событий: бабушка, мама, папа, соседка Вера Андреевна Янчишин (Осядло). Я знал из рассказов бабушки и родителей, самих Марьянских, их дочери Любви Моисеевны, родственников Евы Львовны, которых, к сожалению, нет в живых.

В 1990-е годы началась возрождаться еврейская общинная жизнь в Украине. И это возрождение играет важную роль в возвращении доброй памяти о тех людях нееврейской национальности, которые помогали в страшные годы Холокоста спасти еврейское

население, среди которых добрые имена моей бабушки Феодоры Николаевны Шындыбыло и мамы Галины Ивановны Будзинской. Ведь кроме желания выжить есть ещё мужество – помнить! Рискуя своей жизнью и жизнью близких, мама и бабушка спасли жизнь семье Марьянских. В 2003 г. им было присвоено почётное звание «Праведник Украины».

*И.Ф. Будзинский,
сын Г.И. Будзинской (Шындыбыло)
и внук Ф.Н. Шындыбыло,
г. Днепродзержинск, 2004 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1 СВИДЕТЕЛЬСТВА О МАССОВЫХ РАССТРЕЛАХ	5
<i>Барановская Клара Григорьевна</i> . Свидетельствует о расстреле своих родственников.....	5
<i>Басивская Виктория Витальевна</i> . Свидетельствует о расстреле своей матери <i>Чалой (Хайтович) Дарьи Рувимовны</i>	6
<i>Бланк Евгений Петрович</i> . Свидетельствует о расстреле своей матери <i>З.Д. Штерензон</i>	8
<i>Богуславская Раиса Гершевна</i> . Свидетельствует о расстреле своих родственников.....	10
<i>Галец Люция Брониславовна</i> . Свидетельствует о расстреле своих родственников.....	13
Воспоминания <i>Колупаева Сергея Илларионовича</i> о спасении его семьёй <i>Галец Люции Брониславовны</i>	15
<i>Гольдфельд Любовь Самуиловна</i> . Свидетельствует о расстреле своих родителей и о нацистских преследованиях по отношению к ней.....	17
<i>Дрозд Алла Лейбовна</i> . Свидетельствует о расстреле своих близких.....	20
<i>Забрамная София Исааковна</i> . Свидетельства о расстреле её родственников и о нацистских преследованиях по отношению к ней и её бабушке.....	22
Свидетельства <i>Р.Р. Рубинной</i> о семье <i>С.И. Забрамной</i> из книги «Еврейские женщины». Рассказ «Одна в Краснодаре».....	28
<i>Козулина Зинаида Борисовна</i> . Свидетельствует о расстреле мужа <i>Бориса Мирмовича</i> и нацистских пре-	

следованиях по отношению к ней и её сыну Валерию.	41
<i>Костенко Ольга Григорьевна.</i> Свидетельствует о расстреле своей матери <i>С.М. Гусинской</i>	46
<i>Костомаха Медея Марковна.</i> Свидетельствует о расстреле своих близких и нацистских преследовани- ях по отношению к ней.....	48
<i>Рогоза Александр Борисович.</i> Свидетельствует о расстреле своих близких и о спасении его украинской семьёй <i>Шевченко</i>	56
<i>Кравцова Екатерина Филипповна.</i> Свидетельству- ет о спасении <i>Александра Борисовича Рогозы</i> семьёй <i>Шевченко</i>	58
<i>Серёгина Виктория Владимировна.</i> Свидетель- ствует о расстреле своей матери <i>Е. Смеховой</i>	59
Заявление в Отдел социального обеспечения Днепропетровска от Ю.Я. Кулле с просьбой в оказа- нии помощи дочери В.И. Кулле.....	60
Решение исполкома Кировского райсовета де- путатов трудящихся от 6 июля 1950 г., г. Днепропе- тровск.....	61

ГЛАВА 2 СВИДЕТЕЛЬСТВА УЗНИКОВ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ.....

<i>Бельфер Фира Ильинична.</i> Свидетельствует о сво- ём пребывании в гетто г. Бар Винницкой области...62	62
<i>Богомол Раиса Лейбушевна.</i> Свидетельствует о расстреле своих родственников и о своём пребыва- нии в Германии.....	68
<i>Бурштейн Абрам Львович.</i> Свидетельствует о сво- ём пребывании в гетто городов Брацлав, Гайсин, Рай- город, Теплик Винницкой области.....	70

<i>Губер Илья Лазаревич.</i> Свидетельствует о своём пребывании в гетто г. Бершадь Винницкой обл.....	78
<i>Дудник Валентина Львовна.</i> Свидетельствует о пребывании со своей семьей в гетто г. Умань.....	80
<i>Карлин Александр Наумович.</i> Свидетельствует о своём пребывании в Херсонском концлагере.....	90
<i>Любкин Михаил Давидович.</i> Свидетельствует о своём пребывании в немецких концлагерях.....	101
<i>Степанская Людмила Борисовна.</i> Свидетельствует о пребывании в концлагере г.Рига её матери.....	106
<i>Розенфельд Михаил.</i> Свидетельствует о гибели евреев местечка Ялтушков.....	108
<i>Батрин Борис Миронович.</i> Свидетельствует о пребывании на оккупированной территории в г. Первомайск Одесской области (сейчас Николаевская обл.) в гетто, организованном неофициально местным гебитскомиссариатом.....	117

ГЛАВА 3 СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ЭВАКУАЦИЮ.....125

<i>Гельфер (Золотовская) Нина Израилевна.</i> Свидетельствует о пребывании вместе со своей матерью в эвакуации.....	125
<i>Щерба Михаил Яковлевич.</i> Свидетельствует о своём пребывании в эвакуации.....	127
<i>Теплицкая Дора Абрамовна.</i> Свидетельствует о пребывании на оккупированной территории.....	141

ГЛАВА 4 ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА.....148

<i>Цыпина Нелли Львовна.</i> Свидетельствует о своём спасении семьей Зубковых: <i>Василием Ефимовичем</i> и <i>Марией Фёдоровной</i>	148
--	-----

<i>Карпика Майя Юрьевна. Свидетельствует о спасении Фрейлих Анны.....</i>	156
<i>Кравченко-Тектониди-Клейнерман Нелли Георгиевна. Свидетельствует о своём спасении Петровой Татьяной Петровной и Петровой Натальей Петровной.....</i>	159
<i>Безуглова Лидия Васильевна. Свидетельствует о своём спасении украинской семьёй Пономаренко Павлом Максимовичем и Пономаренко Матрёной Ивановной.....</i>	161
<i>Безуглова Лидия Васильевна. Письмо в Яд Вашем о признании её отца Савельева Василия Никитовича о факте спасения Лидии украинской семьёй Пономаренко.....</i>	165
<i>Смаль Валентина Павловна и Семёнова Галина Павловна, дочери семьи Пономаренко. Свидетельствуют о спасении Безугловой Лидии Васильевны.....</i>	167
<i>Савельев Василий Никитович. Свидетельствует о спасении его дочери Лидии семьёй Пономаренко.....</i>	172
<i>Белецкая Варвара Антоновна. Свидетельствует о своём спасении Кулюкина Нина Демидовна.....</i>	174
<i>Кубышкина Ольга Ивановна. Свидетельствует о своём спасении Товаровская Нона Георгиевна.....</i>	176
<i>Маслюкова Александра Ивановна и Гриб Фёдор Амелянович. Свидетельствует о своём спасении Агафьина Раиса Яковлевна.....</i>	178
<i>Шындыбыло Феодора Николаевна и Будзинская (Шындыбыло) Галина Ивановна. Свидетельствует внук Ф.Н. Шындыбыло и сын Г.И. Будзинской о спасении ими семьи Марьянских: Моисея Лазаревича и Евы Львовны.....</i>	184

Наукове видання

ВІДРОДЖЕННЯ ПАМ'ЯТІ: СПОГАДИ СВІДКІВ ТА ЖЕРТВ ГОЛОКОСТУ

**ВИПУСК №1
2008**

Головний редактор: І.Я. Щупак
Фахове редагування та коректура: Г.В. Абакунова,
А.В. Єрьоменко, О.О. Колпакова, А.М. Фаримець
Філологічне редагування та коректура: І.А. Медведєва
Комп'ютерна верстка та дизайн: Ю.М. Матвєєв

Підписано до друку 18.06.2008. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Pragmatica. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 11,19
Облік.-видавн. арк. 9,6 Наклад 500 прим.

ВБФ «Науково-просвітницький центр єврейської
історії та культури «Ткума» («Відродження»)
Свідоцтво про державну реєстрацію БО № 000503

«Журфонд»
49000, Дніпропетровськ, пр. К. Маркса, 60
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
видавничої справи ДК №684 від 21.11.2001

Приватне багатофахове підприємство «Економіка»
49000, Дніпропетровськ, вул. Мандриківська, 161/37
тел.: 372-70-35
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДП №68-р